

Міністерство освіти України
Одеський державний університет ім. І. І. Мечникова
філологічний факультет

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ЗБІРНИК

ВИПУСК III

*Присвячується ювілею
доктора філологічних наук професора
Аделаїди Костянтинівни Смольської*

astroprint

Одеса — 1998

ББК 81.41я43
С481
УДК 808.1(082)

Редакційна колегія збірника:

Н. В. Бардіна, канд. філол. наук, О. А. Войцева, канд. філол. наук, М. І. Зубов,
канд. філол. наук, Д. С. Іщенко, канд. філол. наук, Ю. О. Карпенко, д-р
філол. наук, В. О. Колесник, канд. філол. наук, І. Я. Матковська, д-р філос.
наук, О. В. Мишанич, д-р філол. наук, чл.-кор. НАНУ, А. К. Смольська,
д-р філол. наук, В. Г. Таранець, д-р філол. наук,

Редакційна колегія 3 випуску:

доц. О. А. Войцева, доц. М. І. Зубов, проф. Д. С. Іщенко, доц. В. О. Колесник

Рецензенти:

д-р філол. наук В. Ю. Франчук (Київ)
д-р мистецтвознавства А. Г. Баканурський (Одеса)

Слов'янський збірник. Випуск 3.

С481 Одеса: Астропринт, 1998. — 172 с.

ISBN 966-549-181-4.

С 4602020100-15 Без оголош.
549-98

ББК 81.41я43

ISBN 966-549-181-4

© Одеський держуніверситет,
1998

ЗМІСТ

Від редколегії	5
Біографія доктора філологічних наук, професора Аделаїди Костянтинівни Смольської	5

МОВОЗНАВСТВО

Бардіна Н.В. Когнитивная конденсация как принцип этнолингвального варьирования	8
Барболова Зоя. Неописани функции и значения на наставката -ец в български език	15
✓ Баранник Л.Ф. Наименования домашних животных в русских говорах Одесщины (К проблеме взаимодействия славянских языков и говоров)	21
Войцева Е.А. Семантическое освоение клерикальной лексики в современном русском и польском языках	27
Грибанова И.В. Кирилло-Мефодиевские традиции в литературных языках восточного микроареала Pax Slavia Orthodoxa	33
Зубов М.І. Контекстний смисл міфологічних назв упирі та берегині у "Слові святого Григорія..." із Паїсїївського збірника XIV століття	37
Ищенко Д.С. О Студийском цикле древних славяно-русских переводных произведений	43
Карпенко Ю.А. Кельтська гідронімія в східних Карпатах	49
✓ Колесник В.А. Этнокультурный аспект исследования лексики болгарской диаспоры	55
Кон Е.А. Типология славянских евангелий в исследованиях Л.П.Жуковской	62
Лисенко А.А. Специфіка гіпонімічних зв'язків у жанрі наукової фантастики (на матеріалі сербської та хорватської мов)	65
Мельник Ю.В. Славянская глагольная транспозитология и ее понятийный аппарат	69
Нечаева Е.А. Вопросы славистики в творческом наследии Н.В. Павлюка	75
Новикова А.С. Евангельский текст Чудовской рукописи (лингво- текстологический анализ)	79
Пейчева О.Н. О фонеме "в" в славянских языках и диалектах	85
✓ Славова Лидия. Комуникативни свойства на българските фразеологични единици (с оглед на функционирането им в българска диалектна среда в Южна Украйна)	91
Сокаль М.А. Старославянизмы с неполногласием в современном русском языке	97

Таранець В.Г. До питання слов'яно-германської мовної спільності ...	102
✓Топалова Светлана. Особые указательные формы в чийшийских болгарских говорах Бессарабии	105
Убийзовк Н.В. Группа слов с общим значением читать — писать в “Житии Мефодия”	108
Федонюк В.С. Парцеляція як засіб організації прозового тексту (на матеріалі чеської мови)	111
Фомина Л.Ф., Фомин Б.Н. Влияние польского языка на формирование восточнославянской космонимии XVI-XVII вв. (знаки Зодиака)	115
Шима Павел. Текстуальные и языковые данные о главной причине конца великоморавской миссии	121
Яковлева О.В. Семантико-стилистичні модифікації міфонімів у сучасній українській літературі	125

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО ТА КУЛЬТУРОЛОГІЯ

Александров А.В. Сюжет переводного мучения Варвары	132
Захаржевська В.О. Принципи створення “Малої енциклопедії художньої культури південних і західних слов'ян XIX-XX ст.”	137
Матковська І.Я., Голубович І.В. “Три світи” Григорія Сковороди та західноєвропейський філософський контекст XX ст. (Г.С. Сковорода і К. Поппер)	144
Миодраг Предраг. Сербский старопечатник Божидар Вукович в свете славянских культурных и литературных связей	150
Решетникова И.В. Культурная оппозиция “Жизнь — смерть” в представлениях восточных славян о дне и ночи	158

КОРОТКІ ПОВІДОМЛЕННЯ

Галас Ярослав. “Старославянській-оугорській-руській-німецькій словарь къ священному писанію” Емілія Кубека	165
✓Касім Г.Ю. Вплив представників польського та болгарського етносів на формування топонімічної системи Одещини	166
Медведева Е.Ю. Некоторые особенности формирования женского имени Придунавья	167
Медвідь-Пахомова С.М. Релігія та особливості розвитку слов'янських антропонімних систем	168
Мельник Л.А. Прізвища польського походження в антропонімії Вінниччини	169
Полухіна О.М., Скороходов В.А. Слов'янознавчі дослідження в Миколаївській філії Київського Слов'янського університету	170
Тимко Оксана. Співвідношення східно- і західнослов'янських елементів у ботанічній і зоологічній номенклатурі бачванських руснаків	171

ВІД РЕДКОЛЕГІЇ

У черговому випуску “Слов'янського збірника” публікуються доповіді та повідомлення за матеріалами III Міжнародної Кирило-Мефодіївської славистичної конференції (Одеса, 20-21 травня 1997 року), традиційно проведеної філологічним факультетом Одеського державного університету ім. І. І. Мечникова разом із Генеральним консульством Республіки Болгарія в Одесі.

Ініціатором і, без перебільшення, рушійною силою проведення цієї щорічної конференції є професор кафедри загального і слов'янського мовознавства, доктор філологічних наук Аделаїда Костянтинівна Смольська. Редколегія збірника, колеги та друзі щиро вітають проф. А. К. Смольську із 70-річчям від дня народження і 45-річчям науково-педагогічної діяльності.

Статті збірника віддзеркалюють погляди їхніх авторів, які не завжди є стандартними, але це природно для розвитку наукової думки.

БІОГРАФІЯ

доктора філологічних наук, професора Аделаїди Костянтинівни Смольської

А.К. Смольська народилася 22 грудня 1927 р. в м. Уфі. Середню школу вона закінчила 1945 року в Ірбіті Свердловської області і в тому ж році поступила на філологічний факультет Уральського університету в Свердловську (нині Єкатеринбург), де закінчила I курс. На другому курсі вона вчилася у Харківському університеті, а з вересня 1947 р. — в Одеському державному університеті ім. І. І. Мечникова, який закінчила в 1950 р.

У 1950—1953 рр. А.К. Смольська навчалася в аспірантурі при кафедрі російської мови Одеського педагогічного інституту. З 1953 по 1956 р. працювала старшим викладачем кафедри російської мови педагогічного інституту в Станіславі (нині Івано-Франківськ).

У 1956 р. А.К. Смольська захистила в Одеському університеті кандидатську дисертацію і з вересня 1956 р. стала старшим викладачем, а потім доцентом кафедри російської мови Одеського університету. У 1968 р. її було переведено як доцента на новостворену кафедру загального і слов'янського мовознавства.

У 1993 р. А.К. Смольська захистила в Московському університеті докторську дисертацію “Розвиток іменного словотвору в сербськохорватській мові (фемінінати́ви)”;

дисертацію було затверджено Інститутом мовознавства НАНУ і ВАКом України. З 1994 р. А.К. Смольська є професором кафедри загального і слов'янського мовознавства. Вона викладає дисципліни славистичного циклу: вступ до слов'янської філології, старослов'янську мову, порівняльну граматику слов'янських мов (спецкурс), сербську мову.

У докторській дисертації А.К. Смольської були розглянуті актуальні питання історичного словотвору сербської і хорватської мов. Користуючись методами функціональної лінгвістики, А.К. Смольська вперше в сербськороатистиці дослідила, крім словотворчих, також способи номінації осіб, пов'язані з іншими мовними рівнями.

А.К. Смольська має більше 120 наукових праць (її бібліографія за 1956—1996 рр. надрукована в книзі “Слов'янський збірник”, вип. I-II, Одеса, 1996, с. 102—109.)

А.К. Смольська двічі перебувала у відрядженні у південнослов'янських країнах, де викладала російську мову: у Белградському університеті (Югославія, 1965—1968 рр.) та у Пловдивському університеті (Болгарія, 1976—1978 рр.)

А.К. Смольська брала участь у Міжнародних з'їздах славистів і міжнародних славистичних конференціях в Україні, Росії, Білорусії, Болгарії, Чехії, Словаччині, Югославії. Вона є ініціатором проведення в Одесі Міжнародних Кирило-Мефодіївських конференцій, які проходили в 1995, 1996, 1997 рр. і вже стали традиційними.

За розвиток культурних і наукових зв'язків України й Болгарії болгарський уряд нагородив А.К. Смольську медаллю “1300 років Болгарії”.

МОВОНАВСТВО

КОГНИТИВНАЯ КОНДЕНСАЦИЯ КАК ПРИНЦИП ЭТНОЛИНГВАЛЬНОГО ВАРЬИРОВАНИЯ

Н.В. Бардина (Одесса)

Современную лингвистику можно с полным правом считать супер-наукой: она сохранила в своем составе области, которые основаны на представлении языка как особой фиксированной, хотя и изменяющейся во времени, системы знаков, но при этом включила в себя и те сферы, в которых язык моделируется как платоновский *изрекающийся логос* — сила упорядочения диффузного сознания человека. Такая трансформация языкознания вполне закономерна, так как сам язык представляет собой, в сущности, *сверхкатегорию*, вмещающую в себя все категории бытия, рассматриваемые в гносеологическом поле антропоцентризма. Однако на практике многоликость предмета познания приводит к тому, что каждое конкретное изыскание приходится предварять сообщением постулатов, служащих исходной теоретической базой рассуждений.

В качестве отправной точки нам послужило толкование *надсубъектного идеального* как континуума, в котором выделены основные категории упорядочения — *вещи, свойства, отношения* [см.: Уемов 1963] и который неявно дан всему человечеству как принцип. Возникновение же различных этнических вариантов конструирующего отражения обусловлено существованием *сверхкатегории человека*, приводящей всю реальность к “концентрированному единству” [Шелер 1988, 37].

Этот постулат представляется решающим при проведении этнолингвальных исследований: мы не сможем ничего утверждать об особенностях лингвоментальности, если будем опираться, как это принято в традиционной лингвистике, только на констатацию лексико-грамматических различий между языками, на встречаемость/ невстречаемость тех или иных форм, переводимость/непереводимость конструкций, но не будем учитывать взаимодействие языковой организации и конструктивных особенностей сознания и языкового поведения реальных людей, наших современников (а не наших предков, живущих в период формирования этноса).

Рассуждая таким образом, мы косвенно используем, с одной стороны, платоновские воззрения на язык как энергеальную, непрерывно делящуюся систему стереотипизации и создания имен (номинаций), основное назначение которой — распределять индивидуальное сознание в соответствии с надындивидуально существующими эйдосами. С другой же стороны, эвристически важными для нас оказываются взгляды

И.Канта, наметившего связь объективного идеального и его преломления в национальных ментальностях и индивидуальном сознании. Признавая, что сознание человека — не пассивное зеркало, а синтетическая активность, продуктивная спонтанная деятельность, автор “Антропологии”, опубликованной в 1798 году, утверждал, что в целом всему роду человеческому свойственны определенные черты характера, но в зависимости от принадлежности человека к той или иной расе, полу, народу, отдельные черты характера аффектируются. Эта аффектация и определяет своеобразие взглядов и поведения различных групп людей.

Если транспонировать эти идеи в область языкознания, то окажется, что национальная лингвоментальность это не столько полностью иное членение мира при помощи языковой сетки, а именно **аффектация**: особое — предпочтительное — избрание некоторых принципов включения говорящего человека в мир [см.: Бардина 1996], а также явление, которое можно было бы назвать *когнитивной конденсацией*, — *тенденция лексикализовать наиболее востребуемые коллективом, ценностные для него, “пучки идей”*, стремление подвести тот участок мира, который представляется целостным из-за частотной фокусируемости на нем сознания, под власть единого эйдоса. При этом связь между аксиосистемой народа и синтетизмом тех или иных смысловых зон оказывается очевидной: различия между предметами, свойствами и отношениями, которые пусть и осознаются человеком, но не зафиксированы с предельной лаконичностью в звуковых стереотипах и не частотны в реальном языковом существовании, выступают как менее значимые, второстепенные в национальной лингвоментальной аксиосистеме.

Следовательно, разнотипность национальных проекций диакритизации заключается не столько в том, что в русском языке, например, фиксируются слова *виноград, крыжовник, смородина*, а в болгарском им соответствуют *грозде, цариградско грозде и френско грозде*, а в том, что для болгарина, даже говорящего по-русски, ягоды, обозначаемые этими словами, — варианты одной сущности, так же как *черный перец, красный перец и жгучий перец* для русского (ср.: *čierne korenje, paprika, feferon* в словацком), *water-melon и melon* для англичанина. Поэтому, даже отлично владея русским языком, но глядя на крыжовник в огороде своего русского друга, болгарин может похвалить “прекрасный виноград”. Точно так же британец или словак, стоя у прилавка с арбузами, предложит купить “дыню”. А русский введет в замешательство любого венгра, попросив за столом передать ему перец. Реакция на изумленное исправление собеседника при этом всегда однозначна: “Да какая разница? Ведь понятно какой виноград (арбуз, перец, стул, часы и т.п.)”.

Таким образом, значимость лингвоментального варьирования обна-

руживает себя не в констатации словарных различий, а именно в особенной когнитивной конденсации участков диффузного и допускающего различную членимость мира. Представителей разных этнокультурных сообществ волнуют разные вещи. Именно конвенциональная специфика расчленения реальности и общность аксиосистемы стереотипов обеспечивает целостность народа.

Власть национального видения мира наблюдается и тогда, когда мы, говоря на иностранном языке, предпочитаем те стереотипы, которые соответствуют ключевым (в смысловом отношении особенно емким) стереотипам родного языка, и тогда, когда, столкнувшись с новым для себя предметом, который в иностранном языке относится к известному классу, мы сопротивляемся немотивированному, на наш взгляд, отождествлению. Варьирование отражения сущности зависит от пределов варьирования образа, запечатленного словом, — именно того, что древние греки называли *именем*. Если образ выходит за пределы национального варианта когнитивной конденсации, он теряет свою тождественность. В результате усвоенная с детства система языковой фиксации мира оказывает влияние на формирование его восприятия.

Витольд Доросhevский некогда утверждал, что поляк, употребляя женско-вещные формы существительных и местоимений, при этом абсолютно не думает о противопоставлении мужчин и женщин и объединении женщин с неодушевленными предметами, следовательно, — делался вывод, — женско-вещные формы склонения не существенны для формирования польской ментальности [Doroszewski 1982]. Отчасти это, действительно, так: поляк не думает об этом, но все-таки указанное противопоставление формирует аксиосистемность национального мировидения. И показательно, что иностранцы, начинающие изучать польский или другие подобные языки, по-иному начинают воспринимать и андрогинную разделенность мира.

Если в период формирования этноса и характеризующего его языка при создании новых слов и конструкций именно мировидение влияло на язык, то впоследствии наблюдается обратное воздействие. И для того, чтобы обнаружить специфику этнической аффектации познания, необходим момент эвристического удивления, возникающий в период освоения чужого языка. Находясь “внутри” привычного языкового мира, невозможно заметить то, что кажется маркированным для иностранцев.

В качестве эмпирической иллюстрации предлагаем вниманию читателя некоторые психолингвистические наблюдения над когнитивной значимостью объективации градуируемых качеств (атрибутивных и адвербиальных компаративов и суперлятивов) в словацком языке.

В своем известном исследовании “Градуирование” Э. Сэпир выдвинул предположение о психологической первичности компаративов по

отношению к своим позитивам. В каждом языковом обозначении качества с большей или меньшей степенью эксплицитности содержится исходная идея *больше-меньше* нормы, или некоторого качества, принятого за точку отсчета, следовательно, в сознании говорящего *хороший* = лучше, чем обычный, нейтральный, *маленький* = меньше, чем среднего размера, *тихий* = тише, чем большинство [см.: Сэпир 1985]. В полемической статье А. Вежибукой “Сравнение — градация — метафора”, в свою очередь, приводятся рассуждения о том, что подобные утверждения справедливы только для части компаративов (пространственных и некоторых других семантических групп прилагательных). Оценки же *хороший* и *плохой* с семантической точки зрения безотносительны: они не означают ‘лучше, чем...’ и ‘хуже, чем...’, а ‘такой, как мы хотели бы, чтобы был’, ‘такой, как мы не хотели бы, чтобы был’ [см.: Вежибука 1990,135].

Полагаем, что несмотря на всю свою изящность и глубину, размышления вышеуказанных авторов не могут быть связанными с реальным языком — системой конструирования и фиксации мысли, так как строятся на т.н. логическом материале, то есть с опорой на некоторые универсальные — глубинно тождественные для всех языков — элементы смысла. Однако никаких особых элементов (то есть дискретных упорядоченных феноменов) смысла, существующих помимо языка, быть не может. О константах смысла мы можем говорить только как об *инвариантах*, выявляемых в процессе анализа конкретно-языковых вариаций расчленения сознания. Поэтому и психологическая первичность вторичности компаративов определяется, на наш взгляд, общей аксиосистемой национальной ментальности.

Так, в словацком языке синтетические формы сравнений занимают, с позиций русского человека, исключительное место.

Прежде всего отметим, что подобные формы в четыре раза чаще встречаются в словацких художественных текстах и реальном речевом поведении, чем у русских. И это весьма существенный факт. В исследованиях компаративистов-грамматиков акцент обыкновенно делается на том, что хотя в словацком языке синтетические формы компаративов и суперлятивов более частотны, в русском языке эти образования тоже вполне системны [см., например: Čabala 1973]. Однако то, что возможно в авторских текстах, далеко не всегда отражает “привычку к номинации”. Легко заметить, что системно образуемые синтетические формы словацких компаративов в реальной живой речи соответствуют аналитическим эквивалентам русского языка, а также другим ракурсам представления ситуации. Это обнаруживается и в ситуациях спонтанной этнолингвоментальной включаемости, и в практике переводчиков, которые, переводя авторский текст, стремятся сохранить смысл оригинала, но не вербальную конденсацию исходного языка,

чтобы полученный вторичный дискурс воспринимался как “естественный”. Именно поэтому, например, в переводе известного романа Душана Митаны “Koniec hry”, выполненного Н. Шульгиной [см.: Митана 1987, Митана 1987], больше 60% компаративов и суперлативов переведены с использованием аналитических конструкций: *najvhodnejší spôsob* — наиболее приемлемое из всех возможных решение, *príčina jestvovala, nezmyselná, ale o to vd'áčnejšia* — причина существовала, бессмысленная, но тем более благодарная и пр.

Конечно, уже эта тяга к синтетизму формы свидетельствует об акцентуации данной сферы познаваемой реальности у словаков. Однако наиболее существенным оказывается не деривационный потенциал, а особенность семантико-прагматических структур словацких компаратива и суперлатива по сравнению с русскими.

Как нам представляется, если в градуировании качества в системе русской лингвоментальности акцентируется момент *отношения и/или выбора*, то у словаков на первое место выступает категория *свойства* и суперкатегория *Я*. Именно этим объясняется значительная распространенность в словацком дискурсе безобъектных компаративов: *cvičenia pre staršie ženy, to bola taká svetlejšia farba, mám rada tmavšie šaty, čakal som dlhší čas*¹

В русском языке абсолютное употребление компаратива означает сопоставляемые разные состояния одного и того же предмета (*по утрам человек свежее*), на что обычно указывается в сравнительных грамматиках, или скрытое сопоставление с наличествующим или воображаемым рядом, и тогда компаратив и позитив оказываются психологически взаимозависимыми (*платье потемнее = одно из ряда темных = более темных, чем обычно носят, предлагают*).

Для словака же, как показали эвристические беседы и психолингвистические наблюдения, *tmavší, slabší, dlhší* и пр. не просто ‘более темный, чем...’ ‘более слабый, чем...’ ‘более долгий, чем...’, а включаемый в эксплицитно неградуированную область ‘такой, что можно считать темным’, ‘темный для меня’, ‘такой, что можно считать слабым’, ‘слабый для меня’. Особенно отчетливо эта субъективно оцениваемая неопределенность степени качества выявляется при сопоставлении форм *dlhý — dlhší, veľký — väčší*. Ср., например, оригинал и перевод фразы из романа “Конец игры”. “*Máte v byte nejakú väčšiu sumu peňazí?*” (s.61) — “У вас в квартире есть какая-нибудь **крупная** сумма денег...?” (5, с.151).

Очевидно, что использование компаратива в русском тексте придало бы ситуации значение сравнения и выбора” * “У вас... есть какая-нибудь **покрупнее** сумма денег”. Вместе с тем использование позитива оставляет невыявленной аффектацию релятивно-субъективной оценки.

¹ В качестве примеров без указания страниц приводятся фрагменты магнитофонных записей спонтанной речи.

Различие в интерпретации компаративов приводит к скрытому или явному непониманию в живой коммуникации. Ярким примером может служить мой собственный опыт вхождения в словацкую лингвоментальность.

Выбирая в братиславской оптике оправу для очков, я попыталась (еще в недостаточной мере владея языком) попросить у продавца образец темнее выставленного и, указав на модель, спросила: “*Tmavšie?*”. Для меня это означало: “Есть ли более темная?”. Но и продавец, и присутствующие покупатели восприняли компаратив в соответствии со своей когнитивной аффектацией и наперебой стали убеждать: “*Nie, nebojte sa, sú dost' svetlé*”.

Акцентуация личностно-оценочной характеристики в словацком языковом конструировании мира выступает как принципиально длящаяся, стремящаяся к полярным точкам.

О диалектичности восприятия свойств говорит, прежде всего, фиксация зон на оси *хорошо — плохо*. Для словака хорошо то, что гармонично с его теперешним состоянием, то, что *адекватно*, поэтому он так часто фиксирует фазы изменения этого соотношения:

radšej, najradšej, bolo to čoraz horšie, a čo je horšie, navidomoči sa to zlepšovalo и пр.

Косвенным подтверждением тенденции к постоянному эгоцентричному сравнению ситуаций и мнений служит частотное словацкое фразеологическое выражение *to je trochu inak (inakšie)*.

Стремление к фиксации полярных точек градуирования проявляется не только в удивительной для русского уха частотности конструкций типа *jeho postavenije nebolo najprijemnejšie, najradšej by bol robil vo filmovom štabe* (s.23), *to nedopadlo najhoršie* (s.151). Интересны в принципе не переводимые в художественных текстах и не воспринимаемые иностранцами конструкции подчеркивания того, что используемая номинация — наиболее крайний член градуированной шкалы: *to naj... šie: mala na to tú najlepšiu kvalifikáciu* (s.26), *s tým najlepším umyslom, chce to najdrahšie*.

Такая специфика когнитивной конденсации — системной фиксации “пучка идей”, не связываемых стабильно в других языках, оказывается соотносенной с акцентуацией лингвоментальных позиций в языковом существовании представителей различных этнокультурных сообществ.

Проведенные нами психолингвистические исследования языкового поведения словаков, русских и украинцев, а также сопоставления переводов художественных текстов обнаружили любопытную тенденцию: русский логос, в большей мере ориентированный на объективность мира и надличностную лингвоментальную позицию носителей этого языка, фиксирует, прежде всего, наблюдаемые различия вещей (ср., например, соотношенность словацкого *rohár* с целой системой русских наиме-

нований *стакан, бокал, кубок, бутылка, банка*). А личностность словаков проявляется в тенденции к большему конвенциональному синтетизму объективации свойств и отношений. Украинский логос занимает в этом плане промежуточную позицию: не располагая системно заданными и закрепленными в языке когнитивными реляционными конденсаторами, как это наблюдается в словацком логосе, он тем не менее демонстрирует большую аффектацию именно относительных свойств. Например, если русские информанты в ходе экспериментов стремились к абсолютной характеристике предметов, то у украинских информантов проявлялась тенденция к градуированию (*найгарніша, найнещастніша, найрозумніша*) или сопоставлению (*такий, як...*).

Полагаем, что совпадение тенденций когнитивной конденсации и лингвоментального поведения свидетельствует о внутренней психологической целостности этноса. А поэтому проведение комплексных сопоставительных исследований такого плана и выявление аффектированных зон крайне необходимо в нашей ситуации общей славянской нестабильности.

Литература

- Бардина Н.В. К построению формулы лингвоментальности // Слов'янський збірник. — Вип.1. — Одеса: Астропринт, 1996. — С.17-24.
- Везжицкая А. Сравнение — градация — метафора // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. — С.133-152.
- Doroszewski W. Język, myślenie, działanie. — Warszawa: PWN, 1982. — 447 s.
- Кант И. Соч.: В 6 т. — Т.6. — М.: Мысль, 1966.
- Сэпир Э. Градуирование. Семантическое исследование // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XVI. — М.: Прогресс, 1985. — С.43-78.
- Уемов А.И. Вещи, свойства, отношения. — М.: АН СССР, 1963. — 184 с.
- Шелер М. Положение человека в Космосе // Проблема человека в западной философии. — М.: Прогресс, 1988. — С.31-95.
- Čabala Michal. Tvorenie syntetického komparativu adjektiv v súčasnej ruštine // Slavica slovacca. — 1973. — Č.1. — S.60-74.
- Mitana Dušan. Koniec hry. — Bratislava: Smena, 1987. — 317 s.
- Митана Душан. Конец игры. Пер. Н.Шульгиной // Иностранная литература. — 1987. — №5. — С.3-67; №6. — С.118-190.

НЕОПИСАНИ ФУНКЦИИ И ЗНАЧЕНИЯ НА НАСТАВКАТА -ЕЦ В БЪЛГАРСКИ ЕЗИК

Зоя Барболова (София)

Суфикс *-ец* е един от най-продуктивните словообразователни форманти във всички славянски езици, в също и в румънски, където е зает от български. Затова, той многократно е привличал вниманието на езиковедите. На него специално са посветени редица трудове.¹ Той е обект на описание и в много други научни изследвания и най-вече словообразователни. В тях той е разгледан от различни гледни точки — функция, значение, продуктивност, активност, произход и т.н., въз основа на което е установено, че това е един многозначен и многофункционален словообразователен формант. Въпреки това, той продължава да предизвиква научен интерес, поради което вероятно и в бъдеще ще бъде обект на изследване.

При едно условно обобщение на досегашните проучвания, се разкриват две основни функции на този формант: 1) да формира производни съществителни с неутрална оценъчност и мотивиращи основи с различни морфологически характеристики и 2) да формира десубстантивни умалителни имена.

С тези основни функции на днешния суфикс *-ец* се характеризират и неговите предшественици в старобългарски *-ьць* (*ворьць, скопьць, градьць*), *-ьць* (*ветрьць*). Нещо повече, ако се съди и по другите славянски езици, голяма част от днешните формации на *-ец* са наследени още от праславянски, което означава, че тези роли на *-ец* не са нови.

1.1. При по-внимателно вглеждане в езиковия материал обаче, и особено в диалектния, се открива още една функция на *-ец*, а именно да формира увеличителни имена. Това особено ясно проличава при производните с този суфикс, образувани от названия, означаващи малките на животните, т.е. на животните-деца, като *агнец, телец, жребец*,

¹ По-значими от тях в българската езиковедска литература са студиите на А. Спасова, *Словообразователната функция на суфикс -ец в днешния книжовен български език*. — Български език, 1952, кн. 2-3, с. 262 и М. Димитрова, *За някои особени образувания на имена за лица от мъжки род с наставка -ец*. — Известия на Института за български език (ИИБЕз.), XIX, 1970, с.199; статията на М. Тетовска-Троева, *Диалектни словообразователни типове с наставка -ец при имена за лица*. — в Изследвания върху историята на диалектите. С., 1979, с.347; *същата Сложни имена за лица със суфикс -ец в българските говори*. — Славистичен сборник (ССб.), С., 1978, с. 197-203; Р. Бернар, *Някои наблюдения върху съществителните имена на -ец в съвременния български език*. — в сборника на Р.Бернар, *Българистични изследвания*, С., 1982, с.224 и др.

ярец, врабеч, юнец и т.н. Те водят началото си от старобългарски: агньць, жрѣвьць, тельць и т.н., където се приема, че са били умалителни на съответните неутрални названия агна, жрѣва, телл.¹ В българските диалекти обаче, тези формации на -ец означават, че съответното животно е над една година, а често и по-голямо. Следователно става въпрос за 'голямо агне', 'голямо жребе', 'голямо теле', като вместо телец обикновено се използва юнец (стб. юньць), а телец в книжовния език се използва само като езиков знак на една от зодиите в зодиака, а също и в израза *златният телец*, където също не се възприема като умалителна. Иначе казано, от лексикографска гледна точка тези производни на -ец могат да се определят като 'млад овен', 'млад кон', 'млад вол', и пр. Нещо повече, тези формации изразяват не само процес на разумяване, а на увеличаване.

В противовес на тези имена на -ец, т.е. като умалителни, като в диалектите, така и в книжовния език, се използват други формации, образувани с наставките -це и -че: *агънце, теленце, яренце, жребче, врабче* и т.н., което от своя страна също доказва, че при съответните имена, -ец изпълнява функцията на увеличителна наставка, с която се формират аугментативни имена от названия на малки животни. Поточно казано, с нея се определя една средна възраст при животните, която бихме могли да определим като юношеска.

Подобни съответствия се откриват при някои от тези имена в руски език. Например в староруски са регистрирани формациите *жеребя* < стб. жреба, *ягня* < стб. агна и *теля* < стб. телл. Производните от тях на -ец тук също вече не означават деца животни или са излезли от употреба: *жеребец* 'Самец лошади //То же — в возрасте 3-5 лет,...'; *агнец* 'Ягненок, жертвенное животное' и съответно телец, която се приема за '(церк. книжн. устар.) теленок'. Умалителните от тези названия, които означават малките на съответните животни са образувани със суфикс -енок: *жеребенек* 'Детеныш лошади, молодая лошадь до трех лет.'; *ягненок* 'Детеныш овцы, молодой баран' и *теленек* 'Детеныш коровы, мужского пола, бычок'.²

1.2. Функцията на суфикс -ец да формира увеличителни съществителни имена от други съществителни се открива и при някои названия за предмети, които са регистрирани в българските диалекти. Така например от неутралното название *блюдо* 'глинена чиния' (Батак; Пирот; Софийско; Лешниково и Лесичево, Пазарджишко; Калояново, Пловдивско) [*блюду* (Нова Надежда, Хасковско)] се формира увеличителното *блюдец* 'голяма плитка чиния, предназначена за коливо 'спе-

¹ Вж. Монографиите по старобългарски език.

² Според Толковый словарь русского языка (под ред. на Д.Н.Ушаков), М., 1935

циално приготвено варено жито за погребални обряди' /Прилеп/ и умалителните: *блюде* 'малка чинийка, която се използва вместо солница' (Поповяне, Самоковско) и *блюдце* 'дървена паничка за кълцане на подправки за ястия; хаванче' (Бериево, Севлиевско); от *гърне* се образува увеличителното име *гърнец* 'голямо гърне' (Ботевградско), на което се противопоставя умалителното *гърненце*; от *куп* се формират производните *купец* 'вид гърне с плоски стени' (Ботевградско) и *купче* 'малко гърне или малка делва'; от *кол* > *колец* (увел.) за разлика от *колче* (умал.) и т.н.

1.3. Способността на -ец да образува увеличителни имена още по-ярко е изразена при съществителни като *българановец* < *българан*, *готованец* < *готован*, *нехранимайковец* < *нехранимайко*, *мерзавец* < *мерзък*, *бърбовец* < *бърбив(ко)* 'човек, който много бърбори 'говори', *лумбарец* 'остарял, полусчупен предмет', *лесноранец* 'готованец', където аугментативността се съчетава с пейоративност.

2.1. При анализирание семантиката на деадъективните субстантиви на -ец се оказва, че те не са еднозначни със съответните прилагателни, от които са формирани. Така например, *хубавец* не е равно на *хубав*, *големец* — на *голям*, *подлец* на *подъл*, *хитрец* на *хитър*, *мъдрец* на *мъдър*, *ленивец* на *ленив* и т.н. Независимо от общото в тяхната семантика, те се различават по своите нюанси. Следователно те не са просто субстантивирани прилагателни, а изразяват засилена степен на притежание на съответното качество, отразено в мотивиращата основа на деадъективните съществителни. Очевидно основното значение на тези имена се пренася от основата, но чрез суфикса то се допълнява със семантиката на наречието "много", поради което *хубавец* означава не просто "хубав" мъж, младеж", а "много хубав"; към значението на *подлец* "подъл" човек", се прибавя и семантичният компонент "много", *мъдрец* е 'много мъдър' човек' и т.н.

2.2. Нещо повече, обикновено тези названия се използват за отличаване на даден индивид в едно общество от други, които притежават същите качества, но в по-слаба степен. Така например *първенец* е равно по значение на *най-първи*, а не на 'един от първите'; *красавец* — на *най-красив*, а не на 'един от красивите' и още по-малко на основната форма *красив*; *виروгавец* — на 'най-вироглав' и т.н. В тези случаи би могло да се каже, че суфикс -ец замества частицата *най-* за образуване на превъзходна степен при прилагателните. Това проличава по-ясно при производни като *глупец*, *скъпец*, при които съответните еднокоренни формации *глупак*, *скъперник* са с неутрална конотация.

Подобен проблем се открива и при формацията *младенец* (стб. *младньць, младеньць, младѣньць* 'дете, момче'), която първоначално вероятно е означавала 'току-що родено момче, т.е. съвсем малко дете, съвсем млад човек'. Следователно в този случай -ец = "съвсем". И днес

в книжовния език *младенец* се използва предимно с остарялото значение 'току-що роденият Христос'. В някои диалекти (Дервент, Дедеагачко; Сачанли, Гюмюрджинско; Гурмазово, Софийско; Бобошево, Дупнишко; Прилеп) обаче, това название има и значение на 'младоженец', а в други (Крамолин, Севлиево) се покрива със семантиката на *младец*, 'младеж, ерген' (Ботев). Несъмнено в разволя на значението на тази дума също е фиксиран процесът на разумаляване и преосмислянето ѝ като увеличителна.

3.1. Съвременен български език се открива значително количество имена на *-ец*, при които умалителността не е изтрита. По своята семантика обаче, те също се разграничават. Едните от тях означават малки по обем същности, представляващи неделимо тяло, а другите — малко количество при някои течни или насипни продукти, вещества и др. под.

Към първата група се отнасят имена като *листец*, *цветец*, *градец*, *снопец*, *коматец* (*хляб*), *трионец*, *сърпец*, *остенец*, *сатърпец*, които лексикографски се интерпретират с помощта на наречието 'малък' — 'малък лист', 'малък цвят', 'малък град' и т.н. Прави впечатление обаче, че всички те имат и словообразователни синоними с наставката *-че*: *листоче*, *цветче*, *градче*, *снопче*, *коматче*, *трионче*, *сърпче*, *остенче*.¹ Освен това, в съвременния български език формациите на *-ец* отстъпват, дори може да се каже, че са отстъпили в конкуренцията със съответните синоними на *-че*.

3.2. Наставката *-ец* напълно е отстъпила на *-че* и функцията си да формира имена само с хипокористична оценка, което ясно личи при словообразователните синоними като *гласец* и *гласче*, *братец* и *братче*, *волец* и *волче*, *листец* и *листче*, *крайцек* и *крайче*, *вършец* и *връхче*, *голец* и *голче*, *алтънец* и *алтънче* и т.н.

3.3. Употребата на деминутивни и хипокористични формации на *-ец* е значително ограничена в съвременния български език. Често използването им има предимно стилистична насоченост, като често се долавя по-скоро негативна експресивна оценъчност. Това особено ярко личи при формации с основи от чужд произход като *мандатек* (< *мандат*), *палатек* (< *палат*), *капиталек* (< *капитал*), *депутатек* (< *депутат*), *рушетек* (< *рушет*), *келепирек* (*келепир*), *кярек* (*кяр*), *спонсорек* (< *спонсор*), *бакшишек* (< *бакшиш*), *акълек* (< *акъл*), които се използват само при изразяване на ирония. Към тази група имена се отнасят всички производни от прилагателни, които означават негативно качество (*кекавец* < *кекав*, *мързеливец* < *мързелив*, *ленивец* < *ленив* и т.н.), а също и някои производни на *-ец* от домашни основи, в семантиката на които не е заложена експресивност, напр.: *синковек* < *син*.

¹ Тези ситуации е отразена още от Н. Геров в неговия Речник..., т. I-VI.

3.4. В рамките на втората група деминутивни имена на *-ец* се включват формации като *хлебец*, *лучец*, *бобец*, *оцетек*, *пиперек* и др., които изразяват количествено отношение и по-точно — малко количество от съответния продукт или вещество. В тези случаи наставката *-ец* замества наречието 'малко', т.е. 'малко хляб', 'малко лук', 'малко оцет' и т.н.

Названията на *-ец*, включващи се в този словообразователен тип, също могат да се използват за изразяване на пренебрежително отношение, но това не се дължи на самия суфикс, а на контекста и интонацията на изказа.

Умалителните производни от названия, означаващи събирателност или тяло, което може да се раздоби на по-малки части, се формират отново с наставката *-че*, като често значението в тези случаи се съчетава с изразяване на единичност, напр. *хлебче* 'един (малък) хляб', *бобче* 'едно (малко) зърно боб', *лукче* 'един (малък) лук', *лимонче* 'един малък лимон' и т.н. Обикновено тези имена са наситени с ласкателно-гальовна експресивност.

3.5. Някои имена на *-ец* като *народек*, *човечек*, *синек*, 'от син', *характерек*, *дробек*, (по-често *джигерек*), *акълек*¹, имат двойствена експресивна насоченост, поради което те в един момент могат да изразяват гальовност, а в други, при това по-често — пренебрежително отношение.

3.6. Количествена определеност изразяват и умалителните названия на *-ец*, свързани с природни явления. Така например, *снежец* означава 'малко сняг', *дъждец* — 'малко, по-скоро слаб дъжд' *ветрец* — 'слаб, лек вятър'. За разлика от другите, разгледани в работата имена на *-ец*, тук в значението се съдържа и гальовно-ласкателна обаятелност.

3.7. Внимание предизвикват и названия като *юмручек*, *пиперчек*, *лукчек*. Несъмнено тук *-ец* изразява не само деминутивност, но и ласкателно-гальовно отношение. В тези случаи обаче, суфиксът осъществява двойно умаляване: *юмрук* > *юмруче* > *юмручек*; *пипер* > *пиперче* > *пиперчек* (като в тези случаи едното е изпада) т.е. засилва се степента на деминутивност или хипокористичност.

Всичко казано до тук подсказва, че ако действително в старобългарски производните на *-ъць*, формирани от имена на *-а* и основи на *-ень* са били умалителни, то с течение на времето те са променили значението си. Вероятно това се дължи до голяма степен на покъсната поява на еднокоренните названия, образувани с умалителните наставки *-це* и *-че*.

¹ Вж. В. Радева, Българското словообразуване, С., 1987, стр. 58; същата, Словообразуването в българския книжовен език, С., 1991, стр. 156.

Всъщност, наставката *-це* също води началото си от старобългарски, където е известна под облика *-ѷце*. Вероятно още тогава тя е била в конкурентна употреба с *-ецѷ*, като при имената на *-ѷ* напълно я е изместила (*семенце* < стб. *сеѷѷ*, *племенце* < стб. *плеѷѷ*, *детенце* < дѷѷѷ, *раменце* < стб. *раѷѷ*, *гърненце* < стб. *грѷѷѷ*). При производните на *-це* и *-ецѷ* назоваващи малки същества, двете наставки си преразпределят функциите, като *-це* поема функцията на умалителен формант изобщо, а *-ецѷ* — на увеличителен, но само в определени случаи.

Огромното натоварване на *-ецѷ* вероятно поражда активизирането на суфикс *-че* в словообразователна система на български език (респективно на *-енок* в руската словообразователна система). Той споделя функцията на *-це* и се явява като негов синоним. Това ясно личи при съпоставянето на словообразователни двойки имена като *врабче* (умал.) и *врабец* (увел.); *щурче* и *щурец*, *жребче* и *жребец* (*вранец* и *вранче* 'черен кон') и *яренце* и *ярец*, *телец* и *теленце*, *агнец* и *агънце* и т.н. Това още по-ярко е изразено при деминутивните названия за предмети и лица, където ясно личи как двата суфикси си преразпределят ролята на деминутивен формант. Наставката *-че* образува умалителни от съществителни от мъжки и женски род (рядко от ср.р.)¹: *стол* > *столче*, *съд* > *съдче*, *огън* > *огънче*, *връх* > *връхче*, *клон* > *клонче*, *мома* > *момиче*, *булка* > *булче*, *девојка* > *девојче*, *българин* (или *българка*) > *българче* и др., а наставка *-це* — от съществителни от средн. род²: *сено* > *сенце*, *огледало* > *огледалце*, *перо* > *перце*, *крило* > *крилце*, *дърво* > *дървце*, *чедо* > *чеденце*, *дете* > *детенце* и др.

Така постепенно наставка *-ецѷ* загубва една от своите основни функции — формирането на нови деминутивни имена³, а голяма част от старите деминутивни формации на *-ецѷ* се преосмислят. Това най-добре се вижда при названия на *-ецѷ* в диалектите, образувани от имена на малки животни, които се възприемат като увеличителни, без да са пейоративни.

¹ В.Радева. Българското словообразуване, стр.62.

² Пак там, стр. 59.

³ Това с отбелязано и от Б.Кръстев в трудът му Умалителността в българския език, С., 1976, с.35.

НАИМЕНОВАНИЯ ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ В РУССКИХ ГОВОРАХ ОДЕСЩИНЫ (К проблеме взаимодействия славянских языков и говоров)

Л.Ф. Баранник (Одесса)

Русские говоры Одесщины заслуживают особого внимания в связи с тем, что около 200 лет находятся в отрыве от основного языкового массива, от "материнских" южнорусских диалектов в условиях тесного непосредственного контактирования с соседними украинскими, болгарскими и молдавскими говорами. Изучение русских островных говоров, функционирующих в разноязычной и разнодиалектной среде, дает интересный материал не только для диалектологии и истории русского языка, но и для решения важной общезыковой проблемы взаимодействия, взаимодействия территориально смежных языков и говоров, проблемы межъязыковых и междиалектных контактов, чрезвычайно актуальной в наше время. Особого внимания при этом заслуживает лексика, ибо она является самым подвижным и проницаемым ярусом языковой системы.

Русские говоры Одесской области представляют значительный интерес своими специфическими лексическими особенностями, которые возникли вследствие непосредственных языковых и диалектных контактов разных народов, населявших ранее и населяющих теперь эту территорию. Особенно тесны и продолжительны на территории Одесщины контакты между славянами: русскими, украинцами и болгарскими. Тесные экономические, культурные и бытовые связи между русскими, украинцами и болгарскими оказали благотворное влияние на развитие и взаимообогащение лексического состава славянских говоров Одесщины, особенно бытовой и сельскохозяйственной лексики, в частности, ЛСГ "наименования домашних животных". Русские говоры Одесской области содержат богатый, разнообразный и интересный материал по данной группе лексики. Объясняется это не только сохранением в исследуемых говорах древних, исконных (литературных и диалектных) лексем, но и наличием в этой ЛСГ большого количества иноязычных слов, заимствованных русскими у соседей: украинцев, болгар, молдаван.

Как показывает анализ, многие наименования домашних животных, бытующие в русских говорах Одесщины, являются общеизвестными, распространенными на всей русской территории. Это слова общеславянского и восточнославянского происхождения: *баран*, *бык*, *боров*, *конь*, *кобыла*, *корова*, *жеребенок*, *теленоч*, *кляча*, *овца*, *ярка* (Трубачев, 1960,

с.3-114). Южнорусизмами, воспринятыми от “материнских” говоров, являются лексемы: *бугай* “племенной бык”, *третьяк* “конь по третьему году” и “бык по третьему году”, *теллица*, *тёлка*, *нётель* “молодая, еще не телвившаяся корова”, *яловка* “яловая, нетелвившаяся корова”, *лошднок* “жеребенок до года”, *годовик* “годовалый жеребенок”, *кнур* “кладеный кабан”, *хряк* “нехолощенный кабан”, *вълух*, *валуидк* “кладеный баран”, *порося* “поросенок” и др. (Даль, СРНГ).

Из украинского языка и его говоров русские переселенцы заимствовали общие наименования домашних животных и скота *тварына*, *худба*, а также слова *гуч* “жеребец в возрасте двух лет”, *лошд*, *лошйца* “молодая лошадь”, *шкѡпа* “кляча”, *невѡрка* “овца в возрасте двух лет” (ср. укр. *нѡвора* “овца с первым ягненокм, молодая овца”), *пѡрвостка* “впервые отелвившаяся корова” (ср. укр. *пѡрвѡстка*), *лѡха* “свинья, оставленная на откорм” (ср. укр. *лѡха*), *цап* “козел”, *пацѡдк* “поросенок”, из болгарских говоров — *коч* “баран, оставленный на племя”, *хазман* “холощенный баран”, *дѡвѡн* “кастрированный баран”, *магарь* “осел”. Из молдавского языка и его говоров русские восприняли лексемы: *нелѡпка* “корова, отелвившаяся раньше трех лет”, *цѡгѡя*, *цѡгѡйка* “тонкорунная овца с мягкой шерстью”, *парнѡя*, *парнѡйка* “грубошерстная овца”.

Русским переселенческим говорам, как и говорам основного диалектного массива, присуща разветвленная детализация наименований домашних животных в зависимости от возраста, пола, функций в хозяйстве, цвета и качества шерсти и т.п. Причем вследствие наличия в островных говорах, функционирующих в разноязычном окружении, многочисленных заимствованных наименований детализация животных в них более дробная, чем в говорах “материнских”, материковых. Сравните, к примеру, зафиксированные в русских говорах Одесщины слова, отражающие возрастную дифференциацию лошадей: южнорусизмы *сосундк* “жеребенок, сосущий матку”, *лошднок* “жеребенок до года”, *стригѡн*, *стригѡндк* “жеребенок в возрасте одного года”, *годовик* “годовалый жеребенок”, *третьяк* “трехлетний конь” (Даль, СРНГ), украинизмы *лошд*, *лошйца* “молодая кобыла, которая еще не жеребилась” (Гриценко, с.21), *гуч*, *гѡчик* “двуухлетний жеребец” (Дзендзелѡвский, с.323, Дроздовский, с.239).

Детализированы по возрасту в русских говорах Одесщины и названия крупного рогатого скота. Среди слов, употребляемых для возрастной дифференциации коров, выделяются русские литературные и диалектные: *тёлка*, *телѡшка*, *телйца*, *нётель* “молодая, еще не телвившаяся корова”, *первйца*, *первѡчка* “корова, отелвившаяся первый раз” (Даль, т.ІІІ, с.30). Примечательно, что в этом же значении в русских говорах Одесщины более широко употребляется заимствованное из соседних украинских говоров *пѡрвосточка* (ср. укр. *пѡрвѡстка*, ум.

пѡрвѡсточка (Гринченко, т.ІІІ, с.107; Гриценко, с.27). Корову, отелвившуюся рано, до трех лет, русские переселенцы называют *нелѡпка*, *нелѡпочка*. Лексема *нелѡпка* заимствована у молдаван (ср. молд. *нелѡпка*). Слово *нелѡпка* “корова, которая впервые отелвилась несвоевременно, на сезон раньше” известно и соседним украинским говорам, куда оно попало из молдавских. (Дроздовский, с.239; Гриценко, с.27).

Различают русские поселенцы в зависимости от возраста и названия овцы. Овца по первому году, еще не ягнвившаяся, обозначается унаследованным из южнорусских говоров словом *ѡрка* (ум. *ѡрочка*) (Даль, т.ІV, с.680), южнорусским в исследуемых говорах является также номен *перѡрка* “годовалая овца” (Даль, т.ІІІ, с.100). Слово *невѡрка* “овца в возрасте двух лет” заимствовано русскими из украинских говоров (ср. в укр. гов. Одесщины *нѡвора* “овца с первым ягненокм” (Дроздовский, с.239; Гриценко, с.17).

Детализированы названия домашних животных и по их использованию в хозяйстве, по их основным хозяйственным функциям: *хряк*, *кнур* “нехолощенный самец свиньи, производитель”, *газмѡн* (*хазман*) “холощенный баран”, *коч* “баран, оставленный на племя”, *дѡвѡн* “кастрированный баран, оставленный на мясо” и т.п.

Проникновение заимствований в исследуемую ЛСГ, как правило, объясняется издавна свойственной говорам тенденцией к детализации, дифференциации названий домашних животных в зависимости от важных с точки зрения крестьянского хозяйствования признаков. Стремлением к конкретизации, детализации более общего понятия объясняются такие заимствования из украинских говоров, как *гуч*, *гѡчик* “двуухлетний жеребец”, *пѡрвосточка* “впервые отелвившаяся корова”, *лошд*, *лошйца* “молодая кобыла, которая еще не жеребилась” и др., из молдавских — *нелѡпка* “корова, отелвившаяся раньше трех лет”, *цѡгѡя*, *цѡгѡйка* “тонкорунная овца с мягкой шерстью”, *парнѡя*, *парнѡйка* “грубошерстная овца”, из болгарских — *коч* “баран, оставленный на племя”, *газмѡн* (*хазман*) “холощенный баран”, *дѡвѡн* “кастрированный баран, оставленный на мясо”.

Вместе с новым понятием, ранее неизвестным русским переселенцам, в русские говоры из болгарских вошло слово *магарь*. Русское соответствие *осел* местные жители не употребляют.

Все заимствованные слова претерпевают на русской почве разнообразные фонетико-морфологические преобразования, некоторые — семантические.

В заимствованиях происходит сужение и, напротив, расширение значений, при этом чаще отмечается сужение смыслового объема многозначного в языке-источнике слова, то есть заимствование слова не во всех, а только в некоторых или чаще в одном значении, причем в самом конкретном. Это общезыковая закономерность. Известный фран-

цузский исследователь Доза подчеркивает: "В подлинных заимствованиях наиболее замечательное семантическое явление — это специализация значений". (Доза, 1956, с.138). Это наблюдается при освоении заимствований как из близкородственного, восточнославянского, украинского языка, так и из южнославянского, болгарского. Ср. укр. *пєрвістка* (ум. *пєрвісточка*) — 1. "первенец женского пола", 2. "родившийся первый раз", 3. "первый раз отелившаяся корова" (Гринченко, III, с.107), в русских говорах *первосточка* употребляется только для наименования впервые отелившейся коровы.

Из болгарских говоров только в одном из своих значений в русские говоры вошло многозначное *магаре*, освоенное русскими в форме *магарь*. В русских говорах суц. м. рода *магарь* — "осел", в болгарских суц. ср. р. *магаре* не только "осел", но и переносное, пренебрежительное "тупица, болван" (о человеке), а также "кобылка на скрипке" и "козлы для пиления дров" (СЧ, с.373). Слово *магарь* "осел" знакомо также соседним украинским говорам. Как иностранное оно зафиксировано А.А.Москаленко в словаре диалектизмов украинских говоров Одесской области (1961, с.49). Бытует слово *мэгар* и в молдавском и румынском языках. В молдавском *мэгар* — "осел" (МРС, с.402), в румынском *măgăr* "осел" и перен. "тупица, болван" (РумРС; с.402). Однако широкая многозначность слова *магаре*, наличие большого количества производных от него в болгарском языке дают основание предполагать, что оно является в болгарском укоренившимся, более древним, чем в молдавском и румынском. Вероятно, именно из болгарского оно было заимствовано носителями молдавского и румынского языков, украинских и русских говоров Одесской области.

Наряду с сужением смыслового объема иноязычных, идиолектных полисемантических слов, с закреплением их лишь в одном из своих значений, наблюдается, правда, гораздо реже сужение семантики заимствований в результате конкретизации в русских говорах понятий, обозначенных этими словами. Из болгарских говоров с более узким, конкретизированным значением в русские говоры вошло слово *хазман*, (*газмэн*). *Газман* (*хазман*) в исследуемых говорах "холощенный баран", в болгарских *хазман* "всякое кастрированное животное" (ТВШ, с.96).

Иногда при усвоении иноязычных слов наблюдается контаминация. Контаминируют обычно два слова с одинаковыми значениями, близкие по своему звучанию, по своей морфонологической структуре. В качестве взаимодействующих элементов при контаминировании выступает, с одной стороны, местное, с другой — близкое ему по звучанию и значению иноязычное слово. В результате лексической контаминации образуются новые слова или новые формы слов. Так, южнорусское *кутёнок* "щенок" в результате контаминации с украинским *цуценя* в том же значении видоизменилось в *куценёнок*.

Отмечены случаи, когда от корней заимствованных наименований домашних животных по словообразовательным моделям, характерным для русских говоров, образуются производные слова. Так, на базе заимствованного у болгар *магарь* "осел" в русских говорах образованы *магарыца* "ослица", *магарёнок*, *магарёночек* "детеныш ослицы", *магарята*, *магарятки* "ослятки", а также глагольные экспрессивы *магарить*, *магарничать* "тяжело работать" и производные от них *помагарить*, *помагарничать*.

Взаимодействие исконных, южнорусских слов с русскими литературными и заимствованными из соседних языков и говоров приводит к появлению в переселенческих говорах большого количества дублетов и синонимов: *баран* — *двэн* — *газмэн* (*хазман*) — *коч*; *магарь* — *осел*; *кутёнок* — *щенок* — *куценёнок* — *цуценя*; *козел* — *цап*; *телка* — *телиця* — *телушка* — *нетьель*; *свинья* — *леха* и др.

Анализ дублетных наименований показывает, что они, как правило, являются только смысловыми дублетами, дублетами по значению, отличаясь друг от друга степенью и сферой употребления.

По степени употребительности компонентов в группе дублетов, состоящих из заимствованных и русских слов, выделяются, во-первых, дублеты с преобладанием в употреблении русского компонента: *баран* — *двэн*, *козел* — *цап*, *свинья* — *леха*, *поросенок* — *поросё* — *пацюк*, во-вторых, дублеты с более употребительным заимствованным, украинским или болгарским компонентом: *первосточка* — *первёчка* — *первйца*, *шкàпа* — *кляча*, *магарь* — *осел*.

Обычно местные жители дают оценку дублетам как "старым" или "новым", "чужим" или "своим" и т.п. В результате такой стилистической дифференциации появляются стилистические синонимы.

Заимствованные наименования домашних животных, несомненно, обогащают лексико-семантическую систему русских переселенческих говоров. Они позволяют конкретизировать некоторые общие понятия, разграничить оттенки значений, обогащают местную синонимику.

Литература

- Гринченко В. Словарь украинского языка, т.I-IV. — Киев, 1907—1909.
Гриценко П.Ю. Моделирование системы диалектной лексики. — Київ: Наукова думка, 1984.
Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка, т.I-IV. — Москва, 1955.
Дзендзелівський Й.О. Українські говори Нижнього Придністров'я. Канд. дисертація (рукопис), частина I. — Одеса, 1951.
Доза А. История французского языка. — Москва, 1956.
Дроздовський В.П. Спостереження над сільськогосподарською лексикою українських говірок Татарбунарського, Тузлівського і Саратського

районів Одеської області /Праці Одеського державного університету ім. І.І.Мечникова, т.148, вип.ІІ. — Одеса, 1958.

Москаленко А.А. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. — Одеса, 1961.

Трубачев О.Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках: (Этимологические исследования). — Москва: Наука, 1960.

Список сокращений

МРС Молдавско-русский словарь. — Москва, 1961.

РумРС Румынско-русский словарь /Под ред. Б.А.Андрианова и Д.Е.Михальчи. — Москва, 1953.

СРНГ Словарь русских народных говоров /Под ред. Ф.П.Филина. — М.; Л.: Наука, 1965-1991. Вып.1-26.

СЧ С.Чукалов. Българско-руски речник. — София, 1957.

ТВШ Т.В.Швецова. Материалы для словаря болгарских говоров СССР. Словарь говора села Твардицы МССР. Вып.2 — Москва, 1952.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ КЛЕРИКАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКАХ

Е.А. Войцева (Одесса)

Национальный язык как средство общения, интеллектуально-эстетического познания мира обнаруживает национальные и интернациональные тенденции развития. Как известно, изменения, происходящие в жизни общества, наглядно отображаются в лексической подсистеме языка. Возникновение и развитие семантических новообразований вызывается потребностями в номинации новых предметов действительности, а также поисками новых экспрессивных средств. Изменения происходят не только в смысловой структуре слов общенародного языка, но и в специальных лексических слоях. Известные семасиологи (В.В.Виноградов, А.А.Реформатский, В.П.Даниленко, Д.С.Лотте и др.) утвердили тезис о том, что терминологика является частью общей лексической системы языка. Единицы специальных систем составляют слова, подчиняющиеся общезычковым закономерностям и имеющие особый статус в системе языка.

Клерикальная лексика в русском и польском языках, несмотря на ярко выраженный специальный характер, подверглась семантическим сдвигам, присущим словам общего языка. Сопоставительно-типологическое изучение лексики религиозной сферы, развившейся в русском и польском языках переносную семантику, осуществлялось нами на едином синхронном срезе и предусматривало определение общих и специфических черт в лексическом составе рассматриваемого генетического пласта.

Становление лексики религиозной сферы было связано с упрочением на территории Польши и Руси христианского вероучения, закреплением религиозных традиций, освоением языка богослужебной литературы. Христианизация Польши официально осуществилась в 966 г., Руси — в 988-989 гг. В 1054 г. произошел разрыв между восточной и западной христианской церковью, повлекший за собой большие изменения, в частности, в составе клерикальной лексики. Западная церковь стала называться римско-католической (что означало римскую всемирную церковь), восточная — православной (всемирной, верной принципам ортодоксального христианства).

На материальном и лексическом уровнях русские и польские слова, относящиеся к сфере религиозного культа, обнаруживают различные и сходные черты. Различия объясняются конфессиональными причинами, связанными с особенностями католической религии, с одной

стороны, и православной — с другой, ср.: *klasztor* — **собор, монастырь**, *kościół* — **церковь**, *ksiądz* — **поп**, *obraz* — **икона** и т.п. Сходство клирической лексики в рассматриваемых языках обуславливается близостью исторических условий развития славянских языков, общими источниками, из которых была заимствована значительная часть клирической лексики. Древнейший пласт составляют слова праславянского языкового фонда: **Бог/Bóg**, **душа/dusza**, **грех/grzech**, **святыня/świętyńia**, **пекло/piećlo**, **чистилище/czyśćciec** и др. Сильное воздействие на формирование и развитие конфессиональной лексики в русском и польском языках оказали греческий, латинский языки, а также старославянский.

Во второй половине 9 в., в процессе переводов с греческого языка богослужебных книг, языком религиозной литературы становится старославянский, функционирующий у славян в качестве книжного.

Под пером русских переписчиков, старославянский язык приобретает восточнославянские черты. Этот вариант старославянского языка принято называть церковнославянским языком русского извода. Церковнославянский язык сыграл особую роль в развитии русского литературного языка, он выступал в качестве посредника при заимствовании конфессиональной лексики: **ад**, **евангелие**, **монастырь** из греческого, **проповедь** из латинского и др.

Для истории польской культуры и языка важное значение имело принятие христианства по западному или римскому образцу, что усиливало влияние латинского языка. Латынь господствовала в сфере религии и образования около десяти веков. Из латинского языка в польский вошли такие слова, связанные с религиозными обрядами, как *pacierz*, *msza*, *ołtarz*, *opat*, *kościół*, *proboszcz*, *preor* и др. Часть из них проникла непосредственно из латинского (например, *bierzmować*, старопольское *birzować* от лат. *firmare* “укреплять в вере”), другие латинизмы заимствовались через посредство чешского или немецкого языков (Ваг, 1987, с.149; Тихомирова, 1988, с. 7; Маркарьян, 1990, с. 96). При заимствовании грецизмов в качестве языка-посредника также выступает латинский: *anioł*, *neofita*, *chorał*, *anatema* и др.

Сравнительный анализ клирических по происхождению слов позволил выделить три типа лексических единиц: 1) эквивалентные по переносной семантике в русском и польском языках; 2) неполностью эквивалентные или частично совпадающие, когда одно значение не имеет эквивалента, а другое эквивалентно; 3) не имеющие общих переносных смыслов, когда вторичные семемы многозначных слов не имеют эквивалента в другом языке.

Лексемы первого типа обнаруживают семантическую общность, что связано с единой действительностью, окружающей человека, способностью языковых знаков отображать эту действительность. Семанти-

ческая общность проявляется в сходных семантических процессах, которые приводят к образованию общих переносных значений: *культ/ kult* “преклонение перед кем, чем-либо, почитание кого, чего-либо: возводить в культ; *kult jednostki*; *анафема/anatema* “резкое осуждение кого, чего-либо”: О чем шумите вы, народные витии? Зачем *анафемой* грозите вы России (Пушкин, Клеветникам России); *anatema władz gimnazjum*; *проповедь/kazanie* “наставление, нравоучение”: читать проповедь; *wszyscy przyzwyczajili się do jej kazań* (ССРЛЯ, т.5, с.1824-1825; т.11, с.1286; SWO, s. 480; Dor., т.1, s. 125; т.3, s.634). Вторичная номинация наблюдается в лексемах *крест/krzyż* “страдание, тяжелая доля”, *грех/grzech* “ошибка, недостаток”, *индугенция/indulgenca* “прощение”, *литания/litania* “скупный перечень чего-либо” и др.

Во втором типе слов обнаруживается неполнота совпадений словарных соответствий в русском и польском языках, что подтверждает относительность семантической общности между рассматриваемыми единицами: *богиня/bogini* в русском языке переносно “о любимой, обожаемой женщине”: Грушницкий не спускал глаз со своей *богини* (Лермонтов, Герой нашего времени); в польском — “о czarującej, pięknej, uwielbianej, ukochanej kobiecie”: Śliczna *bogini*, dla której pan ofiarę swego serca czyni; *крещение/chrzest*: в русском языке имеется переносный оттенок “первое решительное испытание в каком-либо деле”: боевое *крещение*, *bojowy chrzest*, в польском, кроме того “o uroczystości założenia, otwarcia instytucji, instalacji”: dziennik romantycznego poety brał *chrzest* (ССРЛЯ, т.5, с.1644-1645; БАС, т.1, с.664; Dor., т.1, s.923, s.592). Частично совпадают по своей семантике лексемы *идол, кумир* “предмет восхищения, удивления” в польском — *bożyszcze* “bezkrytycznie uwielbiany człowiek lub przedmiot”; *ангелочек* “кто-либо вызывающий симпатию”, в польском *aniolek* “o ładnym, miłym dziecku”, “pieszczotliwie o kobiecie” и др.

В семантике третьего типа слов отображается национально-своеобразный характер вторичных значений, в связи с тем, что каждый язык несет в себе черты национальной самобытности; языковая система способна отразить в семантике словарных единиц действительность, характерную для данного народа: *пекло* “место, где что-либо бурно происходит”: броситься в самое *пекло* борьбы; “разг. адский огонь”: ... попали мы в самое *пекло*, к самым настоящим чертям: другого я не могу сказать про добрую, старую Европу (А.Н.Толстой, Чертов мост); в польском *piećlo* “miejsce, gdzie doznaje się wielkich cierpień”: Cierpieli jak potępieńcy w dantejskim *piećle*. (ССРЛЯ, т.9, с.362-363; SPP, s.502). Обращают на себя внимание лексемы с дополнительными семемами, не имеющими эквивалентов в одном из рассматриваемых языков. Образование вторичных смыслов у клирических единиц в русском языке, их “омирщение” связано с влиянием общества на язык, критическим отношением к религиозным догматам, массовой секуляризацией населе-

ния в годы советской власти: **инквизиция** “мучение”, **инквизитор** “мучитель”, **панихида**, **реквием** “конец чего-либо”, **рай**, **эдем** “красивая местность, место, где можно счастливо и безмятежно жить”, **религия** “о том, чему слепо поклоняются”, **елей** “утешение, умиротворение”, **фимиами** “восторженная похвала, лесть” и др. В польском языке таких слов меньше: *gehenna tylko przel.* “miejsce wielkich cierpień”; *klasztor* “о zebraniu mężczyzn”: *Dawnia kawiarnia krakowska-klasztor. Sami mężczyźni.* (Dor., t.3, s.708).

Эволюция клерикальной лексики в обоих языках отличается особой сложностью. “Количественный рост лексических инноваций, отражающий номинативные и коммуникативные потребности общества, связан с качественными преобразованиями, обуславливающими стилистическую дифференциацию языка, взаимовлияние разных пластов лексики и структурно-семантическое развитие словарного состава. Это своеобразное движение осуществлялось по дихотомической оси: центр (ядро) — периферия и нейтральная — стилистически окрашенная лексика” (Петыга, 1995, с.53). Ядро клерикальной лексики в русском и польском языках составляют единицы, называющие узкоспециальные понятия религиозного культа, имеющие “когнитивные интеллектуальные значения” (Büntig, 1989, п.216). Они обладают свойствами специальных единиц: моносемичностью, четкостью границ обозначаемого, отсутствием синонимии и омонимии, независимостью от контекста (Воробьева, 1986, с.75). Чем далее от ядра, тем неопределеннее становится специальный характер конфессиональных слов, развивающих частную полисемию, абсолютную синонимию, омонимию. На самой периферии находятся лексемы, сливающиеся с общим языком *Бог/Bóg*, *душа/dusza*, *дух/duch*, *канон/kanon* и др., о чем, в частности, свидетельствует их высокая фразеологическая активность, ср. фразеосхемы **как у бога за паузой (за дверями, за рамкой)** “быть счастливым, жить без забот, в безопасности”; *jak u Pana Boga za pazuchą (za drzwiami, za płecami, za plecami)* (Мокиенко, 1989, с. 35). В устойчивых специальных сочетаниях данные слова выполняют свои первичные функции, а при инконгруэнтном употреблении они реализуют вторичную семантику в свободных словосочетаниях.

Вторичная номинация, развившаяся у конфессиональных слов, была обусловлена спецификой содержания религиозных текстов, их “тяготением” к переносному, отвлеченно-метафорическому и символическому употреблению слов с конкретным значением (Горшков, 1984, с.108). Общая смысловая характеристика данного лексико-семантического ряда, первичные значения предопределили регулярный характер переносных значений клерикальных единиц. Лексика, генетически относящаяся к сфере религиозного культа, развивает метафорические значения по таким моделям: “**деятель** (сверхъестественное существо) — **лицо как носитель определенных физических данных**”: *мадонна/madonna*

“**воплощение божественной красоты**”; *ангелочек/aniołek*; “**деятель — лицо как носитель определенных качеств (позитивных или негативных)**”: *Бог/Bóg*, *богиня/bogini*, *апостол/apostol* с одной стороны, и *фанатик/fanatyk*, *сектант/sekciarz*, *рenegат/reneгат*, *еретик/heretyk*, *отщепенец/odszczępieniec*, *фарисей/faryzeusz* — с другой; “**предмет — качество признака предмета**”: *святыня*, *храм*, *святилище/świętynia* “что-либо внушающее чувство почтения, благоговения”: *храм науки*, *святилище русской поэзии, świętynia sztuki*; *четки/różaniec* образно “о последовательности чего-либо”: На нити праздного веселья Низал он хитрою рукой Прозрачной мести ожерелье И четки мудрости златой (Пушкин, В прохладе сладостных фонтанов); *Miło po listku rwać niepełną stokroc i rozkochanych słów rżaniec cedzić* (Słowacki, Liryka) (ССРЛЯ, т.7, с.1006; Dor., т.7, s.1358); “**понятие — основные свойства, сущность кого, чего-либо**”: *исповедь/spowiedź* “откровенное признание в чем-либо”: Я видел, что ему хочется продолжить вчерашнюю исповедь, и остался (Чернышевский, Пролог); *Sapał ciężko, widać było, jak trudno mu to mówić, jak rzadko pozwalał sobie na takie spowiedzi* (Braun, Lewanty) (Сл Ря, т.1, с.682; Dor., т.8, s.604); *аскетизм/ascęza* “отказ от жизненных удовольствий”, “**воздержание**” и др.

Для метонимических переносов значения характерны модели: “класс предметов — **лицо**”: *жертва/ofiara* “тот, кто пострадал, погиб от несчастия, стихийного бедствия и т.п.”: *жертва голода; ofiara wojny; кумир, идол, божок/bożyszczę* “о человеке, вызывающем обожание”; “**целое — часть**”: *евангелие/ewangelia* “об основных принципах, правилах чего-либо”: *евангелие мещанства; Słowa stawały się jakąś ewangelią; алтарь/oltarz* образно: *алтарь отечества; oltarz sprawy*.

Семантические сдвиги, происходившие в сфере клерикальной лексики в русском и польском языках, обнаруживают полное или частичное совпадение. Выход клерикальных слов за пределы специальной сферы позволил сформировать вторичные значения, расширить их стилистические возможности.

Литература

- Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка: Учеб. пособие по спец. “Рус. яз. и лит.”. — М.: Высш. шк., 1984.
- Воробьева И.Н. Семантика музыкального термина и ее динамика // Сопоставительное изучение семантической динамики. — М., 1986, с.72-81.
- Маркарьян Н.Е., Николаев Г.А. Сопоставительное словообразование и формообразование русского и польского языков. — Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1990.
- Мокиенко В.М. Славянская фразеология: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1989.

Петыга А. Лексические инновации в современном русском и польском языках в лексикографической обработке // Сб. науч. трудов по лексикографии / Под ред. В.В.Дубчинского. — Харьков, 1995, — Вып. 2, с.52-59.

Тихомирова Т.С. Курс польского языка: Учебник для вузов по спец. "Рус. яз. и лит.". — М.: Высш. шк., 1988.

Список сокращений

БАС Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1991, — Т.1.

Сл РЯ Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П.Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1981-1984. — Т.1.

ССРЛЯ Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М., Л., 1948-1965.

Dor. Słownik języka polskiego: w 11t./Pod red. W. Doroszewskiego. — Warszawa, 1958-1969.

SWO Słownik wyrazów obcych. — Warszawa, 1991.

SPP Słownik poprawnej polszczyzny. — Warszawa, 1980.

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКАХ ВОСТОЧНОГО МИКРОАРЕАЛА PAX SLAVIA ORTHODOXA

И.В. Грибанова (Николаев)

В связи с существенным изменением языковых ситуаций в современном славянском мире актуализируются проблемы сравнительного изучения высших стратов славянских языков в различных аспектах: синхронном и диахроническом лингвистических, историко-культурном, этнокультурно-филологическом. Фундамент науки о славянских литературных языках, как справедливо заметил академик Н.И.Толстой, заложили Н.С.Трубецкой, В.В.Виноградов, Б.Гавранек, А.Мейе в 20-30-е годы нашего столетия. Сегодня славистика располагает достаточно серьезными исследованиями славянских литературных языков, в том числе и обобщающими трудами, подобными монографии Н.И.Толстого "История и структура славянских литературных языков" [9]. Однако столь молодая наука только еще вырабатывает свою методологию, сравнительно недавно преодолев младограмматический подход к анализу литературных языков. Актуальными в наше время следует признать вопрос о соотношении высших стратов близкородственных языков, вопрос о преемственности кирилло-мефодиевской традиции в пределах макро- и микроареалов Pax Slavia Orthodoxa и т.п.

"Объединяющим началом умственной жизни" славян, по определению П.Г.Житецкого, со второй половины IX в. становится старославянский язык, благодаря чему "и отверзались уши глухих для услышанных слов книжных, и ясен стал язык". (5:15).

Почти аксиомой в славистике стало понимание старославянского языка как интерславянского. "Этот литературный язык, — как писал Н.С.Трубецкой, — не замедлил распространиться среди всех славян, обращенных в христианство, но не у всех славян удержался". (10:169).

В XI в., как известно, славянский мир раскололся на Slavia Orthodoxa и Slavia Latina, а изначальное единство веры и сакрального языка не сохранилось.

С кирилло-мефодиевской литературно-языковой традицией, в большей или меньшей степени, непосредственно или опосредованно обнаруживают связи такие славянские литературные языки макроареала Pax Slavia Orthodoxa, как русский, украинский, белорусский, сербский, болгарский и македонский. Определяя традицию того или иного современного литературного славянского языка, важно установить, к какой литературно-языковой традиции примыкал язык, на который св. Кирилл перевел Евангелие и литургические тексты, т.е. язык старо-

славянский. Давно доказан факт, что в основе его лежал солунский диалект, но исключительно богатый словарь, развитый синтаксис, разработанная стилистика этого языка доказывают искусственный характер, нормированность, наддиалектность и, несомненно, “примыкание к более древней греческой литературно-языковой традиции”, что позволило ему стать языком “высшей духовной культуры”. (10:168).

Распространение старославянского языка сопровождалось впитыванием элементов живых славянских языков и диалектов и появлением локальных редакций. Этот преемник старославянского — церковнославянский язык — продолжал обрабатываться вслед за начальной кирилло-мефодиевской школой — паннонской школой князя Коцела, восточноболгарской преславской, македонской, охридской школами, затем восточнославянской киевской школой; на следующем этапе — болгарской тырновской и сербской ресавской школами, а далее — снова восточнославянскими школами: киевской, виленской и московской. Стремление к нормализации и сохранению чистоты церковнославянского литературного языка как языка межславянского духовного общения было связано с осознанием единства славян на протяжении очень долгого времени. Этот язык оказал колоссальное влияние на формирование в разное время и в разных исторических условиях национальных литературных славянских языков.

Ощущение языкового единства славян наиболее сильно было в восточном микроареале Pax Slavia Orthodoxa. Занимаясь анализом языка старопечатных восточнославянских памятников XVI — начала XVIII вв., мы обратили внимание на свидетельства русских, украинских и белорусских книжников позднего средневековья и начального периода новой истории, исключительно важные для определения особенностей сохранения традиций, заложенных славянскими первоучителями.

В рассматриваемый период в пределах восточного микроареала православного мира сложились разные типы языковых ситуаций. Если в Московской Руси основной тип языковой ситуации представлял гомогенное двуязычие (церковнославянский и старорусский), то в Украине и Белоруссии наблюдалось гомо- и гетерогенное многоязычие (церковнославянский взаимодействовал с украинским и белорусским языками, они, в свою очередь, с польским языком и, в силу сложившихся исторических обстоятельств, с латинским языком). Несмотря на все особенности и различия в языковых ситуациях северо-востока и юго-запада, восточнославянские литературные языки по-прежнему ориентировались на высокие образцы церковнославянского языка, хотя и содержали много живых языковых новаций.

Белорусский первопечатник Франциск Скорина переводит книги Священного писания на родной язык, “дабы братия моя Русь, люди посполиты чтучей могли лепей разумети”. Он высказывал надежду, что его книги должны послужить “посполитому люду русскаго языка”.

Известный украинский православный пастырь Иван Вишенский, полемизируя с польским иезуитом Петром Скаргой, утверждал, что

“род русский в письме и науке славянского языка благодатию Христа Бога одержал”. Общность происхождения, языка и веры русского и украинского народов для Вишенского бесспорна: “Пойди, Скарго, в Великую Россию и прочитай истории житий оных святых мужей, чудотворцев великих... А навет, если не хочешь плодоносия спасительного языка словенского от Великой России доведоватися, доступи в Киве в монастырь Печерский”.

Единство духовной жизни восточных славян, по мнению и Вишенского, и братьев Зизаниев, и Мелетия Смотрицкого, и многих др., было скреплено единым языком богооткровенного знания — литературным языком святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Не случайна в этот период была и нормализация церковнославянского языка, предпринятая Лаврентием Зизанием и Мелетием Смотрицким. В эпоху польского господства Киев стойко охранял и сохранял церковнославянскую традицию.

И во второй половине XVII в. эта позиция сохранилась, как сохранилось ощущение единства славянских языков. Мы не можем обойти вниманием один из наиболее интересных старопечатных памятников XVII в. — первый печатный труд по истории восточных славян, в котором обосновывалась общность исторических судеб русского и украинского народов, “Синописис”, изданный в 1674 г. в типографии Киево-Печерской лавры при Иннокентии Гизеле и по его благословению. В этом произведении утверждалось: “Аще в неких странах мало что в словесех и пременися, обаче единым славенским языком глаголют”.

Таким образом, единая кирилло-мефодиевская традиция, обнаруживаемая в церковнославянском языке киевского, виленского и московского изводов, а также установка на единые церковнославянские нормы, прослеживаемая и в литературном западнорусском, и в литературном языке Московской Руси, сохранялась в пределах восточного микроареала до XVIII в.

После объединения Украины с Россией украинский литературный язык заметно обогатил русский литературный язык.

С конца XVIII в. возникает новый украинский литературный язык, основателями которого были Котляревский и Шевченко. Этот литературный язык не имел непосредственной связи с прежним литературным языком, а базировался на живых украинских диалектах. Развитие этого литературного языка, расширение его валентности потребовало огромного количества языковых средств, источником которых не могли быть исключительно диалекты. Необходимо было примкнуть к какой-либо существующей литературно-языковой традиции. Однозначно определить мотивы выбора литературной традиции, по нашему мнению, невозможно. Сошлемся все же на исторические и идейно обусловленный, но далеко не бесспорный взгляд Н.С.Трубецкого: “Естественный путь к созданию литературного языка на малорусской основе состоял бы .. в замене средневеликорусской стихии русского литературного языка стихией малорусской: церковнославянскую же стихию рус-

ского литературного языка при этом, конечно, не было бы необходимости устранять, ибо... отказ от церковнославянского преемства был бы и изменой всему прошлому Украины, т.к. введение церковнославянского языка в России и сохранение чистоты русско-церковнославянской традиции теснейшим образом связано именно с Украиной" [10].

Однако в истории языка также невозможно "сослагательное наклонение". Современный украинский литературный язык, по мнению Н.С.Трубецкого и ряда других славистов, может быть охарактеризован как литературный язык западнорусской традиции, которую определяют как традицию по влиянию, а не по преемству. Белорусский литературный язык также не относится к литературным языкам непрерывной кирилло-мефодиевской традиции. Старославянизмы представлены в белорусском литературном языке в еще меньшем объеме, чем в украинском.

Следовательно, в пределах восточного микроареала Pax Slavia Orthodoxa языком непрерывной кирилло-мефодиевской традиции можно считать только русский литературный язык. Он является прямым наследником церковнославянских, а поэтому и греко-византийских языковых сокровищ, дара "паче злата и сребра".

Литература

1. Виноградов В.В. История русского литературного языка. Избранные труды. М., Наука, 1978.
2. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX веков. М., Высшая школа, 1982.
3. Білодід І.К. Курс історії української літературної мови. Київ, 1958.
4. Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. Т.1, изд.2, Спб., 1827.
5. Житецкий П.Г. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVI и XVIII вв. Ч.1, Киев, 1889.
6. Замалеев А.Ф., Зоц В.А. Отечественные мыслители позднего средневековья (конец XIV — первая треть XVII в.). Киев, Лыбедь, 1990.
7. Славянское и балканское языкознание. История литературных языков и письменности. М., Наука, 1979.
8. Спринчак Я.А. К вопросу о взаимовлиянии русского и украинского национальных литературных языков в начальный период их формирования. — Вопросы образования восточнославянских национальных языков. М., изд-во АН СССР, 1962.
9. Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. М., Наука, 1988.
10. Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., изд. группа Прогресс, 1995.
11. Шакун Л.М. Нарысы гісторыі беларускай літаратурнай мовы. Мінск, 1960.

КОНТЕКСТНИЙ СМИСЛ МІФОЛОГІЧНИХ НАЗВ УПИРИ ТА БЕРЕГІНИ У "СЛОВІ СВЯТОГО ГРИГОРІЯ..." ІЗ ПАЇСІВСЬКОГО ЗБІРНИКА XIV СТОЛІТТЯ

М.І. Зубов (Одеса)

Невелике за обсягом давньоруське церковне повчання проти залишків язичництва в народі, знане під назвою "Слово святого Григорія ізобрѣтено в толицѣхъ в томъ, како первое погани сѣще азыци. кланалися ідоломъ. і тревы им клали. то і нынѣ творятъ", відоме у кількох списках. Усі списки подають цікаву періодизацію слов'янського язичництва: "се слов. [словенѣ] і ти начаша тревы клати роду и рожаница". преже перуна вога їхъ. а переже того клали треву. оупире" і верегина". Отже, за цією періодизацією, слов'яни початково поклонялись упирам та берегиням, потім почали поклонятися роду і рожаницям, а потім — Перуну. Періодизація давно привернула увагу дослідників. У свій час її критично проаналізував І.І.Срезневський. На його думку, давньоруський автор не міг мати поняття про таку глибоку хронологію із кількох причин. По-перше, йому, як християнину середніх віків, не могло спастися на думку розглядати язичництво в його еволюційному розвитку. З нього досить було переконання, що язичництво прийшло до слов'ян від поганих еллінів і що воно не відразу викоринилося після прийняття християнства. По-друге, він був віддалений від періоду язичництва найменш трьомастами років, а тому про ту давнину міг лише дещо знати з того, що бачив і чув у свій час і що вчитав у християнських книгах. З цього він не міг прийти до уявлення про три періоди. Отже, робить висновок автор, ця періодизація не може стати фактом для науки, як не можуть стати таким фактом і твердження пам'ятки про те, що язичництво прийшло до слов'ян від еллінів або що період поклоніння Перуну у слов'ян наступив після періоду обожнення греками Артеміди¹. Дійсно, із пізніших дослідників лише один акад. Б.О.Рибаків сприйняв цю хронологію на віру і зробив її одним із наріжних каменів своєї концепції слов'янського язичництва². Щоправда, інші сучасні дослідники також не заперечують цієї давньоруської періодизації, але і не роблять з неї концептуальних висновків.

І.І. Срезневський, який, здається, мав цілковиту рацію у критичному підході до питання, запропонував своє прочитання аналізованого місця, яке значно відрізняється від давньоруського тексту і яке так і залишилося бездоказовим (сам автор оцінював свій крок як поступок сміливий, але необхідний, оскільки, як він стверджує, буквально прочитання тут неможливе³). Так, він висунув думку, що повтор слів *преж-*

де і переже того є помилкою переписувача, ввів у текст нове слово словити ("славити, прославляти"), вираз *Перуна бога их* оцінив як граматично неправильний (оскільки начебто мало б бути *Перуна бога свого*), а тому слово *их* розшифрував як *иных*. У підсумку вийшов текст:

Тако и до Словѣнъ дойде се; [словити] начаша и требы класти роду и рожаницамъ. Переже бо того Перуна бога [и иных] [словити] и клали требу [(имъ и)] упыремъ и берегилямъ. По святѣмъ крещеніи Перуна отринуша, а по Христа Бога яшасъ. Но и нонѣ по украинамъ молятсѣ ему проклятому болвану Перуну [(перену)], и хорсу, и Мокоши, и Виламъ⁴.

Іншими списками "Слова..." дослідник на той час не міг скористатися, він лише висловив сподівання, що такі списки знайдуться і покажуть, наскільки він мав рацію⁵. Але пізніші знахідки не підтверджують такого прочитання. У публікації за рукописом Софійського Новгородського собору це місце повторюється практично у тому ж вигляді (се же словенѣ начали трапезу ставити. роду и рожаницамъ. переже перуна бога ихъ. а преже того клали требы упырем и берегилямъ.⁶). У публікації за рукописом Чудівського монастиря цей уривок читається так: *се же словени начаша требы класти родоу и рожаницамъ (преже) пероуна ба ихъ. а преже того клали оупиремъ. требы и берегилямъ...*⁷ (Видавець пам'ятки М.Гальковський побачив у цьому місці смислово невідповідність і додав від себе в дужках слово *преже*, орієнтуючись на інші списки⁸). Щодо виразу *Перуна бога их*, у якому І.Срезневський побачив граматичну помилку, то у списку "Слова..." за рукописом Новгородської Софії маємо тотожний вираз *бога их Осиріда*, який виразно вказує на присвійне значення форми займенника *их*: ця форма лише підкреслює відстороненість християнського книжника від язичницьких богів (займенником *свій* це виразити неможливо, оскільки він, як відомо, може стосуватися будь-якої граматичної особи).

Починаючи від І.Срезневського і Д.О.Шеппінга, дослідники вважають, що род і рожаниці, про яких йдеться у пам'ятці, є окремими божествами, особними від Осиріса, Артеміди, Перуна, Хорса, Мокоші та інших. Міркування першовідкривача списку "Слова..." у Паісіївському збірнику С.П.Шевирьова про те, що род і рожаниці — це ті ж самі Осиріс, Артеміда, Артемід та ін., виявилось фактично забутиим. Проте саме цей дослідник мав, на наш погляд, цілковиту рацію: у пам'ятці йдеться про богинь-матерів (термін *рожаниці*) та народжуваних ними богів-синів (термін *род*). Увесь комплекс доказів на користь такого прочитання пам'ятки ми наводимо в інших роботах, але деякі міркування з цього приводу будуть наведені принагідно нижче.

Повертаючись до аналізованого місця пам'ятки, зазначимо, що коли зіставити структурно схожі з цим уривком місця усіх списків, то виникає враження, що початково тут замість слова *переже* стояло взагалі інше слово — *пороженю*. Дійсно, у Паісіївському рукопису чи-

тається: *халдѣи. начаша требы имъ творити великиа. роду и роженица⁹. пороженю проклатого бога шсира. сего же шсирида. скажю⁷ книги сороцинъскыа. како нелѣпымъ проходомъ проїде. но смердлци⁸*⁹; у Чудівському рукопису пишеться так: *халдѣи. начаша творити требы великы. родоу и рожаницамъ. положънию проклатого. и скверненаго бога шсирида. того же шсирида скажють книги сорочинъскыа. яко нелѣпымъ проходомъ проїде смердлцим¹⁰*; у списку Софійського Новгородського собору написано: *и ѿ тѣхъ извыкоша древле халдѣи. и начаша трѣбы творити своима богома. роду и рожаницы. по того рожению. проклатого. и сквернаго бога ихъ. шсирида того же шсирида. скажеть книга лъживага и сквернага. срачиньскаго жьрца. моамеда. и вохмита проклатого. како нелѣпымъ проходомъ проїде. рожалася. того ради и богомъ его нарекоша¹¹.*

Таким чином, у всіх трьох випадках фактично йдеться про клоніння *роду*, *рожаниці* і *акту народження*. Особливо важливою тут є синонімія слів *пороженю* і *положънию*, яка виразно вказує саме на таке прочитання (пор. сучасне укр. *пологи*, російська назва свята *полог Богородици*, рос. *быть в положении* "бути вагітною" тощо). Щодо уривку із Софійського рукопису *начаша трѣбы творити своима богома. роду и рожаницы. по того рожению. проклатого. и сквернаго бога ихъ. шсирида того же шсирида. скажеть книга лъживага ...* і далі за текстом, то місце *по того рожению* виникло, очевидно, при пізніших переписках під впливом попереднього виразу *и того створиша богом* та безпосередньо наступного місця *того же Осиріда скажеть книга...* (це останнє місце наявне у всіх списках пам'ятки).

Зіставлення цього місця списків "Слова св. Григорія..." з тим місцем, де йдеться про слов'ян, вельми цікаве:

тако* и до словѣн доїде. се слов. ї ти начаша требы класти роду ї рожаница¹². преже перуна бога ихъ. а переже того клали требу. упыре¹³ і берегиня¹⁴ (Паісіївський збірник);

даже и до словенъ донде. се же словенѣ начали трапезу ставити. родоу и рожаницамъ переже пероуна бога ихъ. а преже того клали требы оупиремъ и берегилямъ (Софійський Новгородський список);

се же словени начаша требы класти родоу и рожаницамъ пероуна бога ихъ. а преже того клали оупиремъ. требы и берегилямъ (Чудівський список).

Паралель, як видно, досить виразна: термінам *пороженю* (*положънью*) стосовно Осиріса відповідають терміни *преже* (*переже*) стосовно Перуна. І це дозволяє аргументувати висловлене вище припущення: дійсно, початково на місці слова *переже* могло стояти слово *пороженю*. Заміна ж цього слова при пізніших переписках могла бути спровокованою наступним протиставленням *а преже* (*переже*) *того* і далі. Тоді текст мав би такий зміст:

Се и словене начаша треби класти роду и рожаницям, пороженю Перуна бога их. А переже того клали требу упирем и берегиням. По святом крещеніи Перуна отринуша, а по Христа бога яшася, но и ныне по украинам моляться ему проклятому богу Перуну, и Хорсу, и Мокоши, и вилу; и то творят отач; сего не могут ся лишити проклятого ставленя вторья трапезы нареченя роду и рожаницам.

Уважне прочитання цього уривку як раз і підтверджує ту думку, що Перун у пам'ятці початково мислиться як род, а не є протиставленим цьому останньому персонажем. Структурно цей уривок становить, так би мовити “рамочну” конструкцію: починається вона нагадуванням рода і рожаниць і закінчується цим же, а всередині ніби тлумачення, що Перун і Хорс та Мокош і вилі є виявом рода і рожаниць. Тому цілком закономірно, що саме Перун-род, якого зреклися, протиставлений Христу Богу (теж роду!). Інакше незрозуміло, чому тут у пам'ятці, виразно і гостро спрямованій проти рода, з'являється антитеза Христа до Перуна, але не до самого рода. Коли ж розуміти наведену періодизацію буквально і вважати, що Перун нагадується через те, що був останнім передхристиянським богом, то підозрілим постає нагадування після Перуна та інших богів стадіально передуючих рода і рожаниць у кінці уривку: адже род і рожаниці — це начебто пройдений етап, як і етап поклоніння упирям та берегиням, про яких у даному разі дійсно вже не говориться, що їм ще й нині поклоняються “по українх”.

Отже, по-справжньому антитеза йде за лінією протиставлення родові і рожаницям упирів та берегинь. І це протиставлення має, на наш погляд, глибоку мотивацію. Ключ до цієї мотивації може дати інша пам'ятка давньоруської доби — “О постѣ к невѣжамъ в понедѣлокъ 2 недѣли”. За висновками М.Гальковського, пам'ятка укладена у XIII столітті і є компіляцією з прозорими виписками з інших тематично близьких документів того часу, що стосуються правил дотримання Великого посту. Важлива вона тим, що головне місце в ній посідає викриття язичницьких звичаїв поклонятися духам предків¹².

Слушно звернути увагу на те, що причина викриття пов'язана тут із християнськими великодніми святами: ці свята, як відомо, нашарувалися на значний передхристиянський культовий цикл, присвячений ушануванню предків. У цьому циклі мрецький, або навський, Великдень припадає на Страсний четвер. Пояснення “О постѣ...” і спрямоване проти тих, хто у цей день готує на ніч лазні для предків і ставить для них страви, а разом із цим порушує правила дотримання Великого посту. Показова й сама назва пам'ятки: ця назва прив'язує її до понеділка другого великодня тижня, тобто до Проводів, або Радуниці. У цілому пафос пам'ятки полягає в тому, що християнам належить з духовною радістю святкувати воскресіння Христа, а не вшановувати

мертвих: от суботы же Лазоревы не несутся просфоры ни кутья за упокой, но все в честь възскресенію Христову¹³.

Ця дуже сильна і концептуальної ваги антитеза не могла бути випадковою, оскільки відображає сутність протиставлення християнства язичництву слов'ян. Використана вона, здається, і в антирожаничному циклі пам'яток. Так, компілятор “Слова св. Григорія...” за Чудівським списком звертається до фігур рода і рожаниць ще і в такому контексті:

сего же не могут ся лишити проклятого ставленя вторья трапезы роду и рожаницамъ на великую прелесть вѣрнымъ крестьяномъ и на хулу святому крещенію; и на гнѣвъ богу вѣроуютъ оупирем и младенци знаменаютъ мертвы и берегинямъ их же нарицаютъ тридесет сестреницъ.

Отже, нагадування про упирів та берегинь розірване у цьому випадку вставкою про поклоніння померлим немовлятам (це саме вставка, бо вона ламає граматично правильну конструкцію, відому з інших місць). Цей розрив-уставка і прилучає берегинь і упирів до культу померлих.

У списку “Слова...” за рукописом Софійського Новгородського собою читаємо, що

тѣмъ же богомъ требу кладуть и творять и словенський языкъ: виламъ, и Мокошью-дивѣ, Перуну, Хѣрсу — роду и рожаницы, упиремъ и берегинямъ, и переплуту, и вертячесь пють ему въ розвѣхъ, и огневи сварожицю моляться, и навѣмъ мовь творять, и въ тѣстѣ мосты дѣлають, и колодязѣ, и ина многа.

Отже, і тут маємо редакцію пам'ятки, де упирі і берегині нагадуються у комплексі вірувань, пов'язаних із культом покійників. Щоправда, у даному випадку співвіднесеність розірвана нагадуванням Переплута і вогню-сварожича. Але в цілому, поза усяким сумнівом, сутність тексту пов'язана з нагадуванням культу померлих.

Наведені спостереження і дають підстави вважати, що упирі і берегині у “Слові св. Григорія...” називаються саме у зв'язку з таким культом предків, померлих. Якщо це так, то постає зрозумілою антитеза поклоніння упирям і берегиням до поклоніння роду і рожаницям: на думку книжника, від еллінів слов'яни навчилися поклонятися народжуваним богам, а до того поклонялись мерцям. Звідси, найімовірніше, і бере витоки та хронологізація, що її бачимо у пам'ятці. По-справжньому, це не періодизація, а ідейне протиставлення, затемнене численними переписками і редакціями джерела.

На завершення підкреслимо ту цікаву і принципово важливу обставину, що пам'ятка послідовно в усіх списках зберігає парну зіставленість жіночих і чоловічих персонажів. Ця ж зіставленість продовжуєть-

ся і в нагадуванні упирів і берегинь. Нічого подібного в інших пам'ятках антиязичницького циклу не спостерігається. Тому можна зробити висновок, що невідомий автор підійшов до свого повчання, маючи внутрішньо чітке і гармонійне уявлення: по-перше, язичницькі род і рожаниці — це бридкі і ганебні кумири, які протиставлені Богородиці та її сину Христу; по-друге, як уже сказано, такими доеллінськими кумирами у слов'ян були упирі та берегині. А те, що у автора пам'ятки "еллінстичному" рівню слов'янського язичництва відповідають фактично ті ж боги, що названі у пантеоні Володимира, ставить ще таке питання: а чи не є уявлення про еллінський вплив тогочасною християнською реакцією на релігійну реформу князя Володимира, про яку йдеться в літопису під 980 роком? Аналіз цього питання, імовірно, зможе пролити світло на те, чому список богів Початкового літопису тотожно повторюється в церковних антиязичницьких повчаннях.

¹ Срезневский И. Свидетельство Паисиевского сборника о языческих суевериях русских // Москвитянин. — 1851. — Ч.2, N5 (Часть 1). — С.60-61.

² Див.: Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. — М., 1981.

³ Срезневский И. Знач. праця. — С.61.

⁴ Там же. — С.57, 58; у прямих дужках наводяться уставки І.І.Срезневського.

⁵ Там же. — С.59.

⁶ Гальковский Н. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. II. Древние слова и поучения, направленные против язычества в народе // Зап. Импер. Моск. археологического института. — М., 1913. — Т.18. — С.23-24.

⁷ Там же. — С.33.

⁸ Пор.: Гальковский Н. Знач. праця. — С.27. — Примітка 43.

⁹ Там же. — С.24.

¹⁰ Там же. — С.33.

¹¹ Там же. — С.24.

¹² Гальковский Н. Знач. праця. — С.1-13.

¹³ Там же. — С.16.

О СТУДИЙСКОМ ЦИКЛЕ ДРЕВНИХ СЛАВЯНО-РУССКИХ ПЕРЕВОДНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Д.С. Ищенко (Одесса)

Древняя Русь на протяжении длительного времени имела тесные и многообразные связи с Византией; древнерусская культура и, в частности, литература испытала значительное византийское воздействие. Большое количество произведений византийской литературы бытовало на Руси в переводах [19]; эти произведения, в том числе и церковного содержания, представляли собою, как пишет С.С.Аверинцев, "один основательный урок словесного вежества" [1:157].

Очень важна роль переводных произведений в развитии литературного языка древних славян. Язык переводных произведений был образцом для произведений оригинальных, а переводческая деятельность являлась школой языкового мастерства и стимулом развития литературного языка. По авторитетному утверждению Н.А.Мещерского, по существу язык древнерусских переводов не отличался от языка оригинальных памятников [18:54,70-71].

Изучение древнерусской переводной литературы и ее языковых особенностей представляет большой научный интерес и имеет прочные традиции в отечественной филологической науке. Однако, несмотря на большие достижения в этой области (труды А.И.Соболевского, М.Н.Сперанского, А.Д.Григорьева, В.М.Истрина, Н.А.Мещерского и др.), исследования переводных произведений развиваются недостаточно интенсивно, многие проблемы еще ждут своего решения.

Развитие литературного языка Древней Руси не может быть всесторонне изучено без привлечения переводных текстов. Учет всей лексики, имевшей хождение на Руси, всех значений слов и особенностей их употребления невозможен без охвата всего рукописного наследия, включая списки переводных произведений. Это заставляет внимательно относиться к неизученным или малоизученным переводным текстам, вовлекать их в орбиту научного исследования. Среди таких текстов заметное место занимают произведения отцов церкви. Важность изучения этой группы текстов давно была ясна исследователям древней письменности. Еще в начале XX столетия А.И.Соболевский отмечал: "Область разнообразных слов и поучений, унаследованная нами от древности, все еще нами не приведена в известность, не только не исследована [24:13]. К сожалению, и в конце столетия можно повторить эти слова. "Единственными серьезными работами, где рассматривается судьба переводов сочинений отцов церкви, до сих пор остаются книги А.С.

Архангельского" [3:34]. Но и А.С. Архангельский исследовал письменную традицию произведений лишь немногих авторов [2]. На это указал в рецензии на его книгу П.В.Владимиров, подчеркнув, в частности, что автор "не сообщает никаких сведений о славянских и русских списках творений Феодора Студита... Оглашения Феодора Студита, по церковному и монастырскому уставу второй половины XI века, читались в великом посте и потому часто встречаются в древнерусских сборниках" [4:5]. Спустя полвека М.В.Левченко подчеркивал: "Заслуживают серьезного изучения труды Феодора Студита" [15:9].

Обратимся поэтому к циклу переводов византийских произведений, связанных с именем Феодора Студита, издревле известных на Руси.

Феодор Студит (759–826 г.г.) — выдающийся, широко образованный деятель, прославившийся активными выступлениями против иконоборцев, четкой организацией и регламентацией монашеской жизни [9; 11:65–69]. Авторитет его в Византии был очень велик, имя его пользовалось широкой известностью. Отметим, например, в этой связи великолепное мозаичное изображение Феодора Студита, находящееся в монастыре Неа Мони на о.Хиосе (середина XI в.). В этом портрете, как пишет А.Грабарь, передана строгая индивидуальность Феодора, подчеркнута пластика его лица, изнуренного аскетизмом [26: табл. 13 и с.18].

Феодор был сильной личностью с твердыми убеждениями, стойким борцом против всего, что этим убеждениям противоречило. В конкретных исторических условиях его времени (конец VIII–начало IX в.) эти его качества находили применение в непреклонной борьбе с иконоборчеством, в неутомимом внедрении строгих уставных правил внутри руководимого им Студийского монастыря в Константинополе. Литературное наследие Феодора Студита довольно значительно и дает основание считать Феодора видным писателем. Главное содержание его творчества заключено в поучениях, составляющих Большой катехизис (3 книги) и Малый катехизис (134 поучения). Огласительные поучения предназначались для произнесения (чтения) перед монастырской братией; в них затрагиваются все стороны жизни монастыря, все особенности монастырского быта и, главным образом, уделяется внимание необходимости достижения духовного совершенства и средствам для этого.

К произведениям самого Феодора примыкает и Житие Студита. Автор Жития пользовался сочинениями Феодора для его написания [16:161]. это роднит Житие с творчеством Феодора и позволяет отнести его к тому циклу произведений, который назовем Студийским. К этому циклу относится и так называемый Устав Студийский, созданный константинопольским патриархом Алексеем в XI в. на основе устных правил Студийского монастыря, восходящих к Феодору Студиту, и утраченный в греческом оригинале (он сохранился только в древнерусском

переводе, старейший полный список — рукопись ГИМ, Син., N330) [14].

Произведения Студийского цикла в славянских переводах получили новую жизнь на Руси. Переход их на Русь был связан с деятельностью Феодосия Печерского, одного из основателей Киево-Печерского монастыря (XI век).

Устав Студийский был первым из произведений Студийского цикла, перенесенным на Русь. Естественно предположить, что его появление здесь повлекло за собою приобретение и других студийских творений, и прежде всего поучений Феодора Студита.

Эту мысль со всей определенностью высказали А.В.Горский и К.И. Невоструев, описывая старейший полный древнерусский список Студийского устава по рукописи XII в. (ныне ГИМ, Син., N330) [8:239–270]. Отметив, что в уставе часто говорится о чтении оглашений, слов и сказаний Феодора Студита (и других отцов церкви), и перечислив их, авторы описания подчеркивают: "Надобно полагать, что такими указаниями устав церковный возбуждал к переводу сих поучений на славянский язык прежде других слов"; "такими требованиями устава возбуждалась... заботливость — вскоре приобрести сии жития и слова в славянском переводе". Еще ранее эту связь между Уставом студийским и поучениями Феодора Студита подметил митрополит Макарий, первым указавший, что писания Феодора оказали большое влияние на поучения Феодосия Печерского, введшего устав в своем монастыре [17:274]. Мнение о существовании перевода поучений Феодора Студита на Руси уже в XI веке и о связи приобретения этого перевода с введением Студийского устава и деятельностью Феодосия Печерского было высказано затем в целом ряде работ (напр.[20:366–367; 7:733,921–922; 25:44,47,125]).

Исследователей интересовал вопрос о происхождении этого бытовавшего в домонгольской Руси перевода поучений, о месте перевода: был ли он выполнен южными славянами и заимствован у них или же был осуществлен на Руси.

Е.Е.Голубинский предполагал, что поучения Феодора Студита появились в славянском переводе у болгар, однако допускал при этом, что "если же почему-нибудь не сделали перевода болгары, то необходимо думать, что он был сделан стараниями нашего преп. Феодосия Печерского" [7:922]. В более ранней работе Е.Е.Голубинский писал о древнем переводе поучений Феодора Студита в Болгарии [6:170].

П.В.Владимиров считал, что поучения Феодора Студита были переведены уже в XI в. или у южных славян, или в Киеве, но, характеризуя поучения по рукописи XIV века Московской духовной академии № 52 (теперь в РГБ), он решительно заявил: "Перевод несомненно русский". Он, что очень важно, привел целый ряд древнерусских слов,

употребленных в тексте, в доказательство русского происхождения перевода и отметил: "Никаких следов болгаризмов не замечается". Автор подчеркнул связь поучений Феодосия Печерского с поучениями Феодора Студита и высказал примечательную мысль: "Очень вероятно, что в XI веке в Печерском монастыре переведены были важнейшие сочинения Феодора Студита" [5:26,27,144-146].

А.И.Соболевский привел перечень первых древнерусских переводов, в котором нашли место и произведения Студийского цикла. Вначале он включил в этот список только Устав Студийский [21:2,3,4], относя древнерусский перевод слов и поучений Феодора Студита не к домонгольскому периоду, а ко времени не ранее середины XIV в. [22:19,305]. По-видимому, А.И.Соболевский считал тогда, что несомненно известные на Руси уже в XI в. поучения Феодора Студита и его житие пришли на Русь в южнославянском переводе. Но в своей более поздней, основополагающей работе "Особенности русских переводов домонгольского периода" он назвал устав, поучения и житие Феодора Студита в числе древнейших русских переводов [23:168, 172-173].

Выдающийся исследователь древнерусской переводной литературы В.М.Истрин высказал важные соображения о рассматриваемых произведениях. Со ссылкой на П.В.Владимирова и А.И.Соболевского он подчеркнул русское происхождение древнего перевода огласительных поучений Феодора Студита и в доказательство добавил к приведенным этими авторами словам еще целый ряд древнерусских слов, употребленных в поучениях [12:323]. Но особого внимания заслуживают высказывания В.М.Истрина, сделанные в его фундаментальном исследовании о славяно-русском переводе Хроники Георгия Амартола. Здесь читаем: "Особенно должно быть обращено внимание на разъяснение вопроса о разделении памятников на группы по месту и времени их происхождения. Такие группы, несомненно, существовали. При князе Ярославле был совершен ряд переводов. Быть может, существовала особая школа переводчиков, руководящихся при переводах какими-либо особыми правилами... Памятники могут соединяться и в более мелкие группы. Напр., есть основания думать, что Феодосий Печерский, вводя в своем монастыре Студийский устав, позаботился приобрести переводы главнейших памятников, связанных с именем Феодора Студита, именно — Устава, Поучений и Жития. Ближайший анализ этих трех памятников именно со стороны словарного материала мог бы открыть много интересного и нового в этом отношении" [13:224-225].

Круг древнерусских переводов домонгольского периода устанавливает и Н.Н.Дурново (опираясь в основном на список А.И.Соболевского). В данном им перечне первые три места занимают Устав Студийский, огласительные поучения Феодора Студита и его житие. При этом Н.Н.Дурново относил перевод Устава к несомненно русским, а два ос-

тальных памятника считал переведенными "вероятно, при Феодосии Печерском" и древнерусское происхождение их переводов называл весьма вероятным [10:105].

Так вырисовывается на основе учета исторических обстоятельств развития древнерусской письменности цикл переводных произведений, называемый нами Студийским. В Византии эти памятники возникли в разное время, и объединяющим моментом для них служила связь с именем Феодора Студита и Студийским монастырем. Для выяснения предполагаемого многими исследователями единства этих памятников на славянской почве нельзя ограничиться фактами внешней истории текстов; необходимо провести сопоставительный лингвистический анализ памятников, предпослав ему текстологические исследования списков, в которых эти памятники дошли до нас.

Литература

1. Аверинцев С.С. Западно-восточный генезис литературных канонів византийского средневековья // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.
2. Архангельский А.С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Т. I-IV. Казань, 1889-1890.
3. Буланин Д.М. Классическая культура в Древней Руси и проблемы ее изучения // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979.
4. Владимирова П.В. Из истории древнерусской письменности (переводные творения отцов церкви, вопросы и ответы, Измарагды). Киев, 1895.
5. Владимирова П.В. Древняя русская литература киевского периода XI-XIII веков. Киев, 1900.
6. Голубинский Е.Е. Краткий очерк истории православных церковей болгарской, сербской и румынской или молдо-валахской. М., 1871.
7. Голубинский Е.Е. История русской церкви. Изд. 2, т.1, ч.1, М., 1901.
8. Горский А.В. и Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отдел третий. Книги богослужебные. Часть первая. М., 1869.
9. Доброклонский А.П. Преподобный Феодор, исповедник и игумен Студийский. 1 часть. Его эпоха, жизнь и деятельность. Одесса, 1913. II часть. Его творения. Вып. 1. Письма. Одесса, 1914.
10. Дурново Н.Н. Введение в историю русского языка. Изд. 2. М., 1969.
11. История Византии, т.2. М., 1967.
12. Истрин В.М. Где было переведено Житие Василия Нового? // Известия ОРЯС, т. XXII, кн. 2, 1917.
13. Истрин В.М. Книги временныя и образныя Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. II. Пг., 1922.

14. Ищенко Д.С. "Устав Студийский" по списку XIIв. //Источники по истории русского языка. М., 1976.
15. Левченко М.В. Задачи советского византиноведения // Византийский сборник. М., — Л., 1945.
16. Лопарев Х.М. Греческие жития святых VIII и IX веков. ч.1. Современные жития. Пг., 1914.
17. Макарий, митр. Преподобный Феодосий Печерский как писатель // Известия АН по ОРЯС, т.IV, 1855.
18. Мещерский Н.А. Искусство перевода Киевской Руси //ТОДРЛ, XV, 1958.
19. Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX-XV веков. Л., 1978.
20. Сведения о древних переводах творений св. отцев на славяно-русский язык (X-XV в.) //Православный собеседник, Казань, 1859, часть третья.
21. Соболевский А.И. О древних русских переводах в домонгольский период. М., 1897.
22. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903.
23. Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. VIII. Особенности русских переводов домонгольского периода //Сборник ОРЯС, т.88, №3, СПб., 1910.
24. Соболевский А.И. Древняя церковно-славянская литература и ее значение. Харьков, 1908.
25. Чаговец В.А. Преподобный Феодосий Печерский, его жизнь и сочинения. Историко-литературный очерк. Киев, 1901.
26. Greek mosaics of the Byzantine period. Introduction by Andre Grabar. New York, 1964.

КЕЛЬТСЬКА ГІДРОНІМІЯ В СХІДНИХ КАРПАТАХ

Ю.А. Карпенко (Одеса)

Про кельтів в Україні й зокрема в Карпатах добре написав О.Стрижак (Стрижак 1988, 57-90; 1989, 266-277). Досить докладно вивчивши питання, вчений висноує, що кельти приходили в Україну, можна сказати, трьома хвилями: 1) у VI ст. до н.е. (неврі — нервіі, вольки); 2) у кінці III — на початку II ст. до н.е. (галати, скіри); 3) у III — IV ст. до н.е. (бойї, боїски). Усі ці три хвилі так чи інакше сягали Карпат, піднімаючись сюди переважно долиною Тиси й далі через Дуклянський та інші перевали — в Прикарпаття (Стрижак 1989, 274,276).

Вчений цитує В.Мавродіна: "Сліди проживання кельтів біля Карпат легко виявляються в топонімії" (Стрижак 1988, 80), але сам говорить значно обережніше: сліди ці "можна простежити, виходячи лише із скупих свідчень, глибоко закодованих у локальних топоніміїних мікро-системах" (Стрижак 1989, 267). Цю обережність варто посилити: слідів тих у топонімії взагалі і в гідронімії зокрема майже непомітно.

Власне, можна притоку Західного Бугу **Нурець** (давніше — **Нур**) з її допливом **Нурчик** і озером **Нүри** (HW, 125, 158) разом з **Нурською землею**, що свідчиться в нижній течії Західного Бугу в XVI ст., уважати залишком геродотівського етноніма **неври**, який прийнято виводити з назви кельтського племені **нервіі** (буквальний сенс: "люди", за іншим тлумаченням: "герої"). Але можна пропонувати й інші, слов'янські інтерпретації. В усякому разі І.Железняк притоку Росі **Нурець** (з варіантом: **Норець**), яку О.Стрижак теж зараховує до кельтизмів, тлумачить з терміна **нора** "джерело" (Железняк 1987, 33). Та й сам учений, розглянувши велику топонімічну групу назв типу **Нур**, **Нурець**, **Нарва**, зрештою змушений визнати: "питання зв'язку нервів із гідронімами на **Нур**- залишається хоч і гіпотетичним, проте не позбавленим сенсу" (Стрижак 1988, 67).

Волькам у карпатській ономастиці пощастило більше, ніж нервіям. Етнічне наймення цього племені **VOLCAE**, утворене від назви вовка, вірогідно тотему племені, збереглися досі й широко вживається з різними осмисленнями й перенесеннями на різні етноси як укр. **волохи**, **валахи**, пор. **Волощина**, **Валахія**, пол. **Wlochy** "Італія", пд.-слов. **влахи** (Трубачев 1983, 255-256; Стрижак 1989, 274). Загальний напрямок переосмислень цього кельтського етноніма вказує на романізацію кельтів-вольків, а отже — і на їх шлях у Карпати через Південь. Але саму слов'янську форму назви з переходом к > х можна осмислити тільки через германське посередництво: кельт. **Volcae** дало герм.***Walhōz** (Трубачев 1983, 252), звідки вже з'явилися слов'янські продовження за

нормами розвитку групи *toIt*. Якби слов'янська прабатьківщина знаходилася на Середньому Дунаї, у чому твердо переконаний О.Трубачов, то таке германське посередництво виявилось би просто неможливим.

В усякому разі волоську колонізацію в Карпатах, якщо така дійсно існувала, почали саме волохи, тобто кельти-вольки, ще задовго до нашої ери. Потім естафету підхопили волохи-романці (передусім румуни), перебравши від кельтів і це ім'я. На фінальному етапі в дію вступили улличі-гуцули, уже українці. Це істотно господарське значення діяльності волохів-кельтів та перехід їх імені на інші етноси уневиразнило, знецінило відбиття назви *волох* у гідронімії. Маємо, приміром, гідроніми *Волдська* у горішньому Дністрі, *Волдський* (двічі), *Волдський Потік* у басейні Тиси (СГУ, 120) чи румунські топоніми *Vlaha*, *Vlahii*, *Vlahei*, *Vlăhița*, *Vlașca*, *Voloșcani* та ін. (Jordan 1963, 304), чеський хоронім *Valašsko* /Lutterer та ін. 1982, 321), але в жодному з цих чи подібних випадків не можемо говорити про кельтську назву. Наведений онімічний ряд вказує на румунів, на волоське право, на особові імена, і лише на початку досить довгого ланцюжка семантичних і поняттєвих трансформацій стоять кельти-вольки.

Кельтське плем'я *галатів* (<галлів) залишило в топонімії Карпат чи не найвиразніші сліди. Маємо притоку *Сяну* в його верхів'ях *Halicz* (HW, 63), гору *Halicz* у Гуцульщині (Hrabec 1950, 133), славне місто в Івано-Франківщині *Галич*, що дало ім'я усій *Галичині*, — три тожонні звучанням і походженням назви різнотипних об'єктів. За територіальними та історичними ознаками тут недоречно говорити про перенесення одної назви з об'єкта на об'єкт. Вони виникли незалежно одна від одної, але з єдиного джерела, засвідчивши перебування тут кельтів. Саме так найчастіше тлумачать назву міста (Трубачев 1983, 253). О.Стрижак реконструє **Galat-jь > *Galaśь* і далі з народноетимологічною перебудовою під впливом назви птаха — *Галич* (Стрижак 1988, 80). Але та ж етимологія в однаковій мірі поширюється на гідронім та оронім: просто останні привернули до себе менше уваги дослідників. А три перебудови *Галач > Галич* — то вже занадто. Тому скоріше тут за вихідний послугував етнонім *гал(л)и*, а не *галати*. Власне топонімічне, не антропонімічно-патронімічне функціонування суфікса *-ич* відоме здавна й досить широко. Пор. ще й етноніми неантропонімічного походження *русич*, також *улич*, *дрегович* тощо. Усі інші етимології назви *Галич* (Никонов 1966, 95) супроти кельтської виглядають відверто слабкими. Пор. ще назви лівого допливу Сучави *Галиця*, *Галицівка* (Карпенко 1973, 113), також *Галичів Яр* у Закарпатті (СГУ, 127).

Кельтське плем'я *скірів*, на думку О.Стрижака, теж залишило по собі гідронімічну пам'ять у Карпатах. Йдеться про ліву притоку Дністра *Щирець*, *Щирок* на Львівщині (СГУ, 630), пор. у літописі під 1213 р.: на *Щирѣцѣ*, варіант: на *Щирци* (ЕСЛГН, 176). Учений виводить гідронім

із *скір > щир*, із закономірним переходом за першою палаталізацією (Стрижак 1989, 267). Чисто теоретично це — інтерпретація можлива, але куди вірогідніш виводити гідронім *Щирець* з прикметника *щирий* (ЕСЛГН, 176), а точніше — з українського терміна *щирець* “крупний пісок, щєбінь”, що походить у кінцевому рахунку від індоевропейського **(s)ker-* “різати, колоти” (Вербич 1966, 17, з посиланням на В.Шульгача, який навів широкий гідронімічний контекст). Назва ця, отже, з кельтами не пов'язана.

Ще один причетний до України кельтський етнонім *бойї*, *боїски* залишив у Карпатах виразний слід у назві *бойки*, *Бойківщина*. В усякому разі саме так розуміє ці назви О.Стрижак, рішуче відхиляючи всі інші інтерпретації (Стрижак 1988, 73-74). І дійсно, чому *бойї* (сєнс етноніма: “страшні”) могли дати імена *Баварії* та *Богемії* (стара назва Чехії) і така інтерпретація цих хоронімів є загальноприйнятою (Никонов 1966, 37-38; Lutterer та ін. 1976, 43), а *бойкам* — не могли, і цю думку треба з обуренням відкидати? Перехід етноніма від одного етносу до іншого — найзвичайніша річ. У власне ж гідронімії жодного утворення безпосередньо від наймення кельтів-бойїв чи боїсків не фіксується. Карпатські гідроніми *Бойків* у басейні Білої Тиси, тим паче *Боярський* та *Боярчик* в Івано-Франківщині (СГУ, 62, 67, 68) можуть мати лише дуже опосередковані кельтські зв'язки, якщо взагалі їх мають. Пор. ще *Вojmia* в басейні Західного Бугу (HW,160).

За межами розглянутого вище кельтські сліди в гідронімії (і ширше — топонімії) Східних Карпат стають ще менш виразними й доказовими. У цьому відношенні характерним є обговорення назви знаного червенського міста в Галицькій землі *Белзь*, фіксованого літописами з 1030 р.: Ярославъ Белзы взалъ; 1150 р.: оу Белза (ЕСЛГН, 26-27), нині м. *Белз* у Сокальському районі Львівської області. Зазначимо до цього, що існують і гідроніми того ж кореня: *Белзєць* у басейні Західного Бугу, у Золочівському районі Львівщини (СГУ, 38); *Белза* у басейні Вісли в Польщі (HW,127). Та й сама річка *Солокія*, на якій стоїть м. *Белз*, у ряді джерел іменується теж *Белз* (СГУ, 516; HW, 148), і ще невідомо, чи не гідронім тут є первинним. З цими власними назвами явно пов'язана термінологічна група *бєвз*, *бєвза*, *бєвзина* “глибока вода, глибока долина потоку” (Рудницький 1962, 18), засвідчена рядом дослідників.

Так ось, О.Стрижак, зважаючи на найдавнішу плюральну форму *Белзы*, розглядає цю назву як можливий етнонім, як залишок кельт. *Belgae* (Стрижак 1988, 73-74, 76), пор. *Бельгія* тощо. Думка смілива, але фонетично неприйнятна. Кельтська назва до праформи **bьlg-* зведена бути не може, а праформа **belg-* для розглядуваних карпатських назв неможлива. Власне, кельт. *Belgae* мало б дати у східних слов'ян щось на зразок рос. *Бологое*, а не *Белз*.

Із значно ліпшим фонетичним та власне етимологічним обґрунту-

ванням О.Трубачов пов'язав назву **Белз**, як це він зробив з багатьма топонімами, з іллірійською мовою, зіставивши її з іллір. назвою гори *Bulsinus* — від іллір. *bulz-/*buls- “брус, балка”. Для слов'янського топоніма приймається праформа *bъlz- з несхіднослов'янським, польським рефлексом, бо українська форма мала б звучати *бовз (Трубачев 1968, 280).

Ю.Удольф, обережно відкинувши пояснення О.Трубачова (“сумнівне”), обстоює думку, що названі слов'янські топоніми та апелятиви є автохтонними, незапозиченими, продовжуючи іє. *bhlg- “прибувати (про воду)”. З властивою йому скрупульозністю вчений зібрав мало не весь стосовний питання матеріал, і його вийшло багато. Вивчення цього матеріалу та його картографування засвідчило, що йдеться про праслов'янський корінь, збережений тільки східними слов'янами. Найвний у румунській мові термін *bulz* “клубок, куля” (та ін.) є незалежним від слов'янського матеріалу продовженням дакської чи іллірійської лексеми (Udolph 1979, 471-475).

Думка Ю.Удольфа видається найпереконливішою, але й вона не пояснює всіх фонетичних аспектів розвитку форм **Белз**, **бевз**. Зміна *g > z* засвідчує, що індоевропейський проривний у цьому корені був середньо-піднебінним, палатальним. Ця палатальність і перешкодила нормальній лабіовеляризації *l*, як у **шлькь > шовк**, яка лише пізніше, діалектно все ж реалізувалась у переході *l > v*, але вплинула на якість попереднього голосного.

Взагалі, кельтські гідроніміїні зіставлення О.Стрижака видаються приблизними, випадковими і в усякому разі етимологічно обґрунтованими недостатньо. Сюди належать зокрема зближення **Немия** (лівий доплив Дністра у Вінницькій області: СГУ, 385) — озеро **Немі** в Італії; **Тибр** (басейн Дністра в Хмельницькій області: СГУ, 563) — р. **Тібр** в Італії (Стрижак 1989, 268); **Бebra** (Biebrza з варіантами *Bobra*, *Bóbr* — басейн Західного Бугу в Польщі: НВ, 1665) — р. **Бебр** у Франції (Стрижак 1988, 67) та ін.

Немия є виразним представником назв з “гідронімічним запереченням”, дуже поширених у слов'янських потамонімах, у тім числі в Карпатах (Трубачев 1968, 257-260), пор. дієслово **мити**. **Тибр** аж занадто близький до прийнятої у слов'ян форми відомого італійського гідроніма, що має імовірно кельтське походження, але з вихідними формами лат. *Tiberis*, італ. *Tevere* (Никонов 1966, 417) не стикується. Давня форма не могла б зберегти кінцевого **-бр** від кельтських часів без вокалічних додатків. **Бebra** все ж пов'язана з бобрами явно дужче, ніж з кельтами...

Децо несподівано кельтську етимологію висунуто й для групи українських гідронімів **Дуброва** (СГУ, 187, вказує 6 таких назв, з них три в карпатському регіоні), **Дубрівка** (СГУ, 186-187, подає 7 назв, серед

них чотири стосуються Карпат, усі на Львівщині), **Дубравка** (басейн Дністра у Львівській області). І.Железняк, яка запропонувала цю інтерпретацію, навела широкі балканські паралелі (наприклад, *Dubrova* в басейні Сави) і пов'язала все те з кельт. **dubro-*, галл. *dubron* “вода”, активно відображеним у кельтській гідронімії (ГУ, 44-45). Перевага кельтам, а не апелятиву **дїброва**, давніше **дуброва** (і **дубрава**) віддана з огляду на семантичну типологію: у слов'янських гідронімах нема ад'єктивних формантів, а річки “не можуть називатися просто ліс, поле, степ, дїброва тощо” (ГУ, 45). Це загалом добре узасаднює кельтську етимологію гідрогрупи **Дуброва**, і пізніше І.Железняк її підтвердила (Железняк 1987, 120).

Однак апелятив **дуброва** так просто оминати не можна. Відхилені І.Железняк думки Е.Дікенмана та І.Дуріданова, які пов'язували дану гідрогрупу саме з апелятивом **дуброва**, були, гадаю, слухними. У басейні Вісли фіксується 6 гідронімів *Dałrowa* й 19 — *Dałrówka*, з носовим голосним, якого в кельт. **dubro-* не було, а в апелятиві **дуброва** він колись був. Ці дані засвідчують український (а не кельтський) вокалізм єдиної у Віслянському басейні форми *Dałrówka* (НВ, 305, 309) і водночас — слов'янське (а не кельтське) походження всієї гідрогрупи. Що ж до її словотвору, то тут можливі і звичайні метонімії, і осмислення фінальної частини назви **Дуброва** саме як ад'єктивної, пор. характерне коливання родів у назві того ж озера: *Mała Dałrowa* — *Małe Dałrowo* (НВ, 234).

Розгляд матеріалу, таким чином, підтверджує думку, що гідронімічних кельтських слідів у Карпатах майже непомітно. Не випадково О.Трубачов у своїй монографії “Названия рек Правобережной Украины” про кельтську гідронімію як онімичний страт не говорить взагалі. Почасти це зумовлено й близькістю субстратних мовних шарів, простежуваних у карпатській гідронімії. “Слід зауважити, — пише І.Железняк, — що іллірійська й фракійська ономастика була близька до кельтської” (ГУ, 64). На думку авторки, яка спирається на того ж О.Трубачова, у Правобережній Україні “за кількістю на першому місці стоять іллірійські з походження гідроніми, фракійських трохи менше, таких, що можуть бути пов'язані з кельтськими мовами, ще менше” (ГУ, 64).

Наші карпатські студії не зовсім узгоджуються з цими висновками. Можемо твердити, що в Карпатах досить сильний давньоєвропейський гідроніміїний шар заступився фракійським, який теж був потужним і, гадаємо, суцільним. Іллірійських же й кельтських гідронімів у цьому регіоні значно менше, тому для обох етнічних груп слід говорити про несущільну (і не масову) інфільтрацію. При цьому іллірійський гідроніміїчний внесок простежується виразніше і кількісно є більшим, ніж кельтський.

Оскільки в Карпатах засвідчуються безперечні фракійсько-слов'янські гідронімичні зв'язки (наприклад, у назві **Стрий**), а отже й фракійсько-слов'янські контакти, можемо висновувати, що кельтська інфільтрація в Карпатах зустрілася в часі з їх слов'янським залюдненням. Так що "жваві кельто-слов'янські взаємозв'язки" (Стрижак 1989, 276) могли мати місце і в Карпатах.

Література

- Вербиц С.О. Гідроніми Черхава, Щирець — праслов'янська реконструкція // Ономастика східних слов'ян. — К., 1996.
- ГУ — Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках. — К., 1981.
- ЕСЛНГ — Етимологічний словник літописних географічних назв Південної Русі. — К., 1985.
- Желєзняк І.М. Рось і етнолінгвістичні процеси Сереньонаддніпряньського Правобережжя. — К., 1987.
- Карпенко Ю.О. Топонімія Буковини. — К., 1973.
- Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. — М., 1966.
- Рудницький Я. Географічні назви Бойківщини. — 2-е вид. — Вінніпег, 1962.
- СГУ — Словник гідронімів України. — К., 1979.
- Стрижак О.С. Етнонімія Геродотової Скіфії. — К., 1988.
- Стрижак О.С. Кельти й Україна // Наука і культура. Україна. Щорічник. — К., 1989. — Вип.23.
- Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. — М., 1968.
- Трубачев О.Н. Языкознание и этногенез славян: древние славяне по данным этимологии и ономастики // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. — М., 1983.
- Hrabec S. Nazwy geograficzne Nuczyszczyny. — Kraków, 1950.
- HW — Hydronimia Wisły. Cz. 1. Wykaz nazw w układzie hydrograficznym/Pod red. P. Zwolińskiego. — Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965.
- Iordan I. Toponimia românească. — București, 1963.
- Lutterer I., Kropáček L., Huňáček V. Původ zeměpisných jmen. — Praha, 1976.
- Lutterer I., Majtán M., Šrámek R. Zeměpisná jména Československa. — Praha, 1982.
- Udolph J. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. — Heidelberg, 1979.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ БОЛГАРСКОЙ ДИАСПОРЫ

В.А. Колесник (Одесса)

Исследуя материальную и духовную культуру болгарской диаспоры, этнографы пришли к выводу, что в результате консолидационных и интеграционных процессов к концу XIX в. на территории Бессарабии складывается однородная культура субэтнических групп, не сравнимая с этнографическим разнообразием населения Болгарии.¹ Тенденция к постоянному укрупнению этнических единиц проявляется в истории народонаселения с большей определенностью и силой, чем конвергентные явления в области языковых контактов. Т.е. процесс языковой интеграции проходит медленнее, чем процесс этнического объединения. В языке обнаруживаем большую устойчивость субэтнических элементов.

Представление о характере и мере сходства и различий между болгарской литературной, диалектной и инославянской лексикой может сложиться при условии достаточно полного охвата словаря этих языковых феноменов, сопоставления слов как лексических единиц определенной системы, представляющих в свою очередь микросистему форм и значений, определенным образом функционирующих в речи.² Необходимой предпосылкой для этого является выбор соответствующей методики анализа, ибо оценка лексической близости и различий зависит от способа ее определения. Такое сопоставление возможно, естественно, после того как будут описаны лексические системы каждого из языковых феноменов в отдельности, причем по одному образцу, одинаковой модели, что обеспечит адекватность результатов. Подобного рода внутриязыковых описаний, однако, пока нет. При отсутствии таких описаний лексики сопоставление можно вести, сравнивая отдельные ее участки, принимая во внимание их системные отношения, парадигматические и синтагматические связи.

Для выявления специфики этнокультурного компонента, своеобразия лексической, словообразовательной, номинативной системы языков представляется наиболее эффективной следующая методика исследования:

¹ Маркова Л.В., Особенности этнического развития болгар СССР // Болгаристика в системе общественных наук. Вторая Всесоюзная конференция по болгаристике. — Харьков, 1991, стр.23.

² Червенкова И. В., О сопоставительном описании русской и болгарской лексики. // Вопросы сопоставительного описания русского и болгарского языков. Фонетика и лексика. София, 1982, стр. 131.

- 1) — выбор тематической группы;
- 2) — вычленение наиболее типичных ситуаций (напр.: в тематической группе “овцеводство”: подвижное овцеводство, стрижка овец, изготовление брынзы, болезни овец и др.);
- 3) — выбор ключевых слов в каждой ситуации или лексико-семантической группе и выяснение их происхождения;
- 4) — составление типовых семантико-словообразовательных парадигм ключевых слов в исследуемых литературных языках и для каждого исследуемого говора в отдельности;
- 5) — наложение типовых парадигм, словообразовательных гнезд, цепочек и т.п.;
- 6) — сопоставительное описание плана выражения;
- 7) — сопоставительное описание плана содержания слов, определенные ассоциативного поля, лексического фона на основе словарей, анкетирования, данных устного народного творчества и т.п.;
- 8) — сопоставительное описание функционирования слов в речи;
- 9) — характеристика слова с точки зрения его валентных свойств и модели управления.

Источником материала для подобного анализа должны служить письменные тексты разных жанров, словари, исследования по этнографии, записи устной речи, анкетирование. Создание соответствующих картотек — первоочередная задача в программе проведения сопоставительного исследования.

Рассмотрим действенность, эффективность этой методики на конкретных примерах.

Тематическая группа “постройки, жилье” дает весомые результаты уже на первом этапе исследования — при рассмотрении состава, происхождения и количества лексических единиц в этой группе. Сравнивая лексический состав данной тематической группы в разных говорах, обнаруживаем, что в болгарских говорах юга Украины для названий дома, стен, потолка, пола функционируют одни и те же лексеммы во всех селах с незначительными фонетическими отличиями. Для названия же *окна* функционируют 5 лексем (*пенджюра*, *джам*, *цъкло*, *прозури*, *викно*), при этом лишь в одном селе (Кричином) эта лексема совпадает с болгарской литературной — *прозури* (литер. *прозорец*). Сравнивая исследуемые говоры с говорами метрополии, обнаруживаем, что лексема *пенджур* (*пенджюра*, *пенжур*) характерна для выходцев из северо-восточных районов Болгарии, а *джам* (*жам*) — для балканских. В Колесном (Кулевче) вообще нет болгарской лексеммы для наименования этой реалии, а используется заимствование из украинского языка — *викно*. В 4 селах, относящихся к той же диалектной группе (так называемой фракийской), используется для наименования этой реалии лексема *цъкло*, также не употребляющаяся в говорах метрополии.

Исследуя работы по этнографии болгарских субэтнических групп метрополии, находим объяснение этим факторам. Хр. Вакарельский выделяет 10 типов жилых построек у болгар метрополии, из которых три типа жилья были, как правило, без окон: “В най-южните предели на Тракия българите са имали приземни къщи, иззидани изцяло с камък и глина... Жилищната част заема ... две или три отделения: огнището (къщи) и странични без огнища. Никое от тях няма прозорци на стените, а се осветяват през малки отвори на покрива”.³ Очаг, открытая дверь, свечи и позже лампы служили для освещения в этих постройках. Т.о. в данном случае заимствование названия у украинцев вызвано заимствованием самой вещи, реалии.

Имеющиеся же в других видах жилья окна были небольшой формы, иногда только дыры в стене, на которых висела высушенная кожа овцы или другого животного, а с начала XIX в. — стекло. Такой формой окна объясняется и отсутствие еще двух болгарских лексем в исследуемых говорах — для наименования форточка и подоконника.

В Колесном для наименования форточка используется новообразование *викнице* — лексема, которой нет и в украинском языке.

Примечательно, что в этих же говорах и для наименования лестницы используется также заимствование из украинского языка — *драбина*, это объясняется также, вероятно, приземистым характером жилья данной субэтнической группы и отсутствием этой реалии.

Как видим, наиболее древними заимствованиями в языке болгарских поселенцев юга Украины были заимствования из украинского языка, и это наглядно проявляется при рассмотрении тематической группы “постройки, жилье”.

Однако, многие явления, представляющие собой предмет языковедения, не даны нам в непосредственном наблюдении. Нередко выражение различий сосредоточено не в самом факте, а в его окружении, в его производных.

Этимологически тождественные слова, сохранившие до наших дней очевидное и для неспециалиста внешнее сходство, составляют немалую часть русского, украинского и болгарского словарей. В лингвистической литературе не раз отмечалась сложность проблемы изучения лексики близкородственных языков, заключающаяся в том, что лексическое сходство здесь тесно связано с имеющимися различиями. И вопрос в том, где кончается сходство и начинается различие. Эти различия проявляются при сравнении словообразовательных гнезд, сочетаемости, валентности тех или иных лексем, типовых семантико-словообразовательных парадигм, при определении количества семантических мест сравниваемых лексем.

³ Вакарельски, Хр., Етнография на България, София, 1977, стр. 242

Типовую семантико-словообразовательную парадигму получаем, отвлекаясь от конкретных способов выражения тех или иных деривационных значений.⁴ Ее формируют конкретные словообразовательные парадигмы — одинаковый набор деривационных значений, которые имеют не совпадающие средства выражения.⁵ Между членами парадигм имеются, как правило, отношения взаимозависимости. Т.е., если в парадигме есть название лица мужского пола, то можно ожидать и название лица женского пола, если есть название самки, должно быть и название детеныша. Эти матрицы обладают прогностической мощностью. Пустоты в них могут заполняться данными диалектов близкородственных языков.

Важным моментом начала составления типовых парадигм является выбор ключевых слов в каждой ситуации или лексико-семантической группе. Интересными для сравнения, например, являются названия пищи, поскольку, по мнению этнографов, она может служить признаком той или иной субэтнической группы: для фракийцев и полянцев характерна растительная пища и разнообразие мучных изделий, а для балканцев и рупцев — молочные и мясные продукты.⁶ В конечном счете эта особенность связана прежде всего с преобладанием либо скотоводства, либо земледелия в тех или иных областях метрополии.

Из названий растений, употребляемых в пищу, наиболее результативным представляется выбор в качестве ключевой лексемы “боб”. Это самая распространенная и наиболее характерная для болгарина пища. Даже В. Даль отмечал, что это “общая пища во всей Болгарии”.⁷ Сравнение данных двух словарей — болгарского Найдена Герова и русского Владимира Даля — показывает, что эта лексема в болгарском языке имеет больше семантических мест, чем в русском.

Кроме 9 общих семантических мест, производные от боб в болгарском языке и говорах имеют следующие значения:⁸

- 1) пища, приготовленная из этих растений и (разг.) порция этой еды (Дай ми един боб, моля.);
- 2) место, где растут только бобы, бобовое поле (бобинце, бобак);
- 3) пруттик, на котором вьется стебель бобов (бобовина) диал.
- 4) кожица, оболочка зерна (бобинка) диал.
- 5) названия болезни — ветрянка (бобине) диал.
- 6) плод шелковицы (бобонка, боболка) диал.

⁴ Современный русский язык. Под ред. Белошапковой В.А., Москва, 1985, стр.225.

⁵ Там же, стр. 226.

⁶ Колев Н., Българска етнография. В.Търново, 1982, с.174.

⁷ Даль В., Толковый словарь живого великорусского языка. т.1, М., 1981, с.101.

⁸ Геров Н., Речник на българския език, т.1, София, 1975, стр.52.

7) название кустов и плодов малины (бобинки) диал.

8) насекомое, которое кусает скот (бобован) диал.

9) камушек в детской игре (бобак) диал.

10) человек, который любит есть бобы (бобар).

Разнообразие видов этих растений и пищи, приготовленной из них, отражено в наличии следующих сочетаний: бял боб, червен боб, шарен боб, йовин боб, черен боб, райкин боб, манастирски боб, влашки боб ‘старое название картофеля, которую впервые завезли в Болгарию из Румынии’.⁹

Кроме того, в болгарских говорах каждое из семантических мест может иметь несколько производных (с разными формантами). Так, количество словоформ со значением уменьшительности и оценки в болгарском языке больше, чем в русском (срв. болг.: бобец, бобченце, бобче и рус. бобок). В общей сложности, типовую парадигму этого названия растения составляют 25 семантических мест; 30 словоформ в болгарском языке и 15 в русском.

В лексико-семантической группе названий животных наиболее разветвленной в болгарском языке оказывается парадигма с ключевым словом овца — 82 семантических места. По наблюдениям Н.С.Державина, “современные частности народного быта, ...рисуют нам широкую картину их бывшего кочевого быта, в котором овцеводство было главным занятием народа и составляло главнейший, если не единственный, источник народного благосостояния. Еще в более раннюю пору предки наших болгар колонистов или соседний народ, оказавший сильное культурное влияние на болгарских предков, жили, должно быть, большую часть года под открытым небом. Для освещения употребляли овечий жир, отопляли свои юрты овечьим навозом,¹⁰ удобряли землю также овечьим навозом.

В языке находим много подтверждений этого замечательного наблюдения известного этнографа. Их 82 семантических мест парадигмы овца в болгарских говорах метрополии 19 мест занимают названия овец по возрасту и полу: ягненок, родившийся раньше времени — качарма, двухдневный ягненок — баначка, до одной недели — слузак, до года — шиле, после года — дзвиска, дзвизак, звизе; беременная овца — гебе, первородка — първескиня, овца, которая первый год не рожала — преходница, дойная овца — доилница, овца, у которой отобрали ягненка, чтобы заколоть или продать — сирица, яловая овца — штеррица, овца, которая уже не рождает — мъррия, трехлетний баран — матор, четырехлетний баран — батал и т.п.¹¹

⁹ Державин Н.С., Болгарския колонии въ Россия, София, Мартилен, стр.50.

¹⁰ Державин Н.С., Цит. соч., стр. 50.

¹¹ Страджа. Материална и духовна култура. София, 1996, стр. 61.

Нередко точкой отсчета (ориентационным моментом) определения возраста ягненка и овцы является Гергьовден (6 мая). Именно в это время в районах с развитым подвижным овцеводством пастухи возвращались в село. Гергьовден и Димитровден являются, как известно, самыми почитаемыми праздниками у болгар. С этим днем связаны следующие названия: *сугарче* 'ягненок, который родился после Гергьовдня', *дзвизка* 'годовалая овца (от Гергьовдня до Димитровдня). Лексемой *ягне* во многих селах называют ягненка до Гергьовдня. На праздник его обычно колют и традиционно во всех селах готовят курбан. Этот ягненок нередко тоже имеет особое название — *кужи, кужинце* (с. Заря, Одесская обл.).

Названия этих народных болгарских праздников нередко лежат в основе наименования растений: *димитровче*. 'хризантема', *гергёвденча, гергёвы бабки*¹² 'ландыш', который цветет, как известно, в это время.

Для названия пастуха овец в болгарских говорах также существует много лексем: *кехая* 'старший пастух', *одаджия* 'пастух, который отвечает за приготовление пищи', *шиллегар* 'пасет ягнят (шилета)', *кочовар* 'пасет баранов (кочове)', *яловар* 'пасет яловых овец', *сагмалджия* 'пасет дойных овец' и т.п.

Наименования помещений для животных, в данном случае для овцы, представлено 5 семантическими местами. Эти лексемы, как правило, дифференцируют говоры. Лексема *къшла* характерна для выходцев из восточной Болгарии, *баччи, дайма* — для западной, *агъл, гъгл* — для северной, *слон* — для юго-восточной и т.д. В болгарских говорах юга Украины лексем со значением "овчарник" — более 20.

Сравнение парадигмы с ключевым словом *овца* с парадигмой ключевого слова *коза* на материале болгарского языка дает интересные данные в плане специфики средств выражения одного и того же деривационного значения. Семантические места в парадигме *коза* представлены в большинстве случаев дериватами с корнем *коз-*, в то время как в парадигме *овца* — это, как правило, супплетивные основы тюркского происхождения. Т.е. в парадигме *коза* больше исконно славянских лексем и славянских формантов, но в болгарском литературном языке и в говорах она имеет меньше семантических мест, чем в русском.

Как видим, номинативные средства языка теснее всего связаны с внеязыковой реальностью, поэтому различия, связанные со своеобразием культур, наиболее заметны в лексике и фразеологии, но немало важное значение при этом имеет и словообразование. Все изменения в лексической системе так или иначе связаны с историей народа, с развитием его материальной и духовной культуры. В семантике каждого

¹² Геров Н., Цит. соч., т.3, София, 1975, стр.79.

языка есть отражение общего, универсального компонента общечеловеческой культуры и отражение своеобразия культуры данного конкретного народа.

Вышеизложенные примеры отражают следы кочевого образа жизни болгар. На это указывает, во-первых, обилие специальной лексики, связанной с овцеводством; во-вторых, скудность лексем, характеризующих тип жилья; в-третьих, наличие ориентационного момента "Гергьовден — Димитровден" при названии многих реалий; в-четвертых, преобладание супплетивных форм тюркского происхождения в типовой семантико-словообразовательной парадигме с ключевым словом *овца*.

Все эти черты характеризуют в большей степени южноболгарские говоры, в то время как на севере и северо-востоке более разветвленной оказывается тематическая группа земледелия, растениеводство, огородничество, здесь преобладают славянские элементы в специальной лексике и в типологической парадигме дериваты от ключевых слов.

ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЕВАНГЕЛИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Л.П.ЖУКОВСКОЙ

Е.А. Кон (Одесса)

Л.П. Жуковская (1920–1994) была виднейшим современным специалистом в области славяно-русской кирилловской палеографии. В круг ее научных интересов входил и вопрос о начале славянской письменности, о переводческой деятельности Кирилла и Мефодия (Жуковская 1959, 1960, 1963, 1971). Вопрос об объеме переведенных Кириллом и Мефодием богослужебных текстов, относящихся к первому веку существования известного нам славянского письма, изучается специалистами уже более 150 лет. Известно, что первым переводом на славянский язык, осуществленным Кириллом и Мефодием, было Евангелие. По мнению Л.П.Жуковской, для того чтобы решить вопрос об объеме первой переведенной на славянский язык книги, необходимо изучить состав всех имеющихся в мировых древлехранилищах славянских рукописей того или иного содержания (например, евангелия, псалтыри, апостола и др.). Только это позволит выявить некоторые дошедшие до нас типы книг, т.к. необходимо иметь в виду, что некоторые из них могут сохраниться лишь в одном списке (Жуковская 1963, 73). Л.П.Жуковской было просмотрено около 600 рукописей в книгохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Софии, Пловдива, Рильского монастыря и др., в результате чего выявлены типы славянского евангелия по спискам 10–11 вв. Можно говорить о следующих древних типах евангелия:

1. Четвероевангелие, или тетр (древнейшим датированным списком является Галичское евангелие 1144 г.)

2. Евангелие апракос:

1) Полный апракос (Мстиславово ев. 1117 г.)

2) Краткий апракос (Остромирово ев. 1056–1057 г.)

3) Воскресный апракос.

Для того, чтобы предположить, каковой была последовательность появления на славянской почве основных типов евангелия, исследовательница берет для сравнения древнейшие рукописи 10–11 вв.: Саввину книгу, Ассеманиево евангелие, Остромирово евангелие и Архангельское евангелие, с целью проследить присутствие либо отсутствие каких-либо чтений на определенный день недели. Исследование ясно показывает, что некоторые различия в содержании и последовательности текста апракоса были уже в славянских кратких апракосах 10–11 вв. Так, в чтениях до страстной недели в большинстве случаев Саввина книга противостоит остальным трем рукописям. В чтении на воскресенье мясопустной недели всем рукописям противостоит Архангельское евангелие, которое содержит более объемный текст.

На основании полученных фактов Л.П.Жуковская делает следующие выводы:

1. Чтения литургий страстной недели, за исключением литургии в пятницу, в кратких апракосах и полных по сравнению с чтениями заутрень более стабильны, а потому, вероятно, восходят к первому переводу, т.е. переводу Кирилла Философа.

2. Не только в рукописях краткого апракоса, но и в рукописях полного апракоса литургии страстной недели могут быть предметом особого лингвистического изучения с установкой на язык 11 в.

3. Рукописи полного апракоса, не содержащие чтений на заутрени и представляющие изначальную последовательность отрывков текста на литургии в пятницу, восходят, вероятно, к наиболее древним архетипам и потому могут содержать более ранние языковые особенности.

4. В процессе оценки языковых фактов с точки зрения их хронологии необходимо учитывать имеющую место возможность последующих унификаций в процессе редактирования языка не только архетипов, но и языка промежуточных списков на протяжении нескольких веков существования славянской письменности.

Исследования, проведенные Л.П.Жуковской, показывают, что и краткие апракосы 11 в. не представляли полного единства в наборе чтений. Причем существенно, что старославянские рукописи, написанные глаголицей, — Ассеманиево евангелие, кириллицей — Саввина книга, во многих случаях не предстают как единство. Древнерусские рукописи — Остромирово евангелие 1056–1057 гг. и Архангельское евангелие 1092 г. — тоже не оказываются вместе как противостоящие обеим южнославянским рукописям, вместе взятым или каждой из них в отдельности. Наоборот, обе древнерусские рукописи в одних случаях совпадают с Ассеманиевым евангелием, в других — с Саввиной книгой, но при этом между собой различаются.

Все это свидетельствует о том, что даже краткие апракосы 11 в. на Руси не восходили к какому-то единому старославянскому источнику, но, имея неодинаковый набор и последовательность чтений, должны были восходить к разным источникам.

Л.П. Жуковская высказала предположение, что последовательность появления на славянской почве основных типов евангелий была такой: краткий апракос, тетр, полный апракос. Исследовательница также предполагает, что Кирилл и Мефодий перевели, видимо, краткий или воскресный апракос. Полный же апракос и его два подтипа, Мстиславовский и Мирославовский, возникли параллельно на разных территориях, либо последовательно, но независимо друг от друга. Однако это происходило уже после перевода краткого апракоса (Жуковская 1971, 33).

В настоящее время вопрос об объеме (составе) первых переводов на

славянський язык, о последующих дополнительных переводах является одним из важнейших в кирилло-мефодиевской проблематике. Он может рассматриваться и решаться только с учетом того вклада, который внесла в его изучение Л.П.Жуковская.

Литература

1. Жуковская Л.П. Об объеме первой славянской книги, переведенной с греческого Кириллом и Мефодием // Вопросы славянского языкознания. — 1963 — №7. — С.73-81.
2. Жуковская Л.П. Текстологические исследования наследия Константина-Кирилла Философа // Константин-Кирилл Философ: доклады от симпозиума. — София, 1974. — С.31-40.
3. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. — М.: Наука, 1976. — 368 с.
4. Жуковская Л.П. О переводах Евангелия на славянский язык по “древнерусской редакции” славянского Евангелия // Славянское языкознание. — М., 1959 — С.63-72.
5. Жуковская Л.П. Развитие славяно-русской палеографии в дореволюционной России и в СССР. — М.: Наука, 1963. — 142 с.
6. Жуковская Л.П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса 11-14 вв. в связи с лингвистическим изучением их // Памятники древнерусской письменности. Язык и текстология. — М.: Наука, 1968. — С.199-332.
7. Жуковская Л.П. Памятники письменности традиционного содержания как лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению. — М.: Наука, 1963. — С. 20-35.
8. Іщенко Д.С. Л.П. Жуковська — дослідниця давньої рукописної спадщини слов'ян // Пам'ятки писемності східнослов'янськими мовами 11-18 століть. — Випуск 2. — Київ, 1995. — С.3-11.
9. Мошински Л. Лидия Петровна Жуковска // Старобългаристика. — 1995. — №4. — С.122-123.

СПЕЦИФИКА ГІПОНІМІЧНИХ ЗВ'ЯЗКІВ У ЖАНРІ НАУКОВОЇ ФАНТАСТИКИ (НА МАТЕРІАЛІ СЕРБСЬКОЇ ТА ХОРВАТСЬКОЇ МОВ)

А.А. Лусенко (Київ)

При дослідженні функціонування авторських неологізмів у жанрі наукової фантастики (НФ) певний інтерес викликає механізм входження авторського неологізму в гіпонімічні зв'язки з загальномовною лексикою.

Л.О. Новиков визначає гіпонімію як “одне з основних парадигматичних відношень у семантичному полі — ієрархічну організацію його елементів, засновану на родо-видових відношеннях”¹.

Необхідність встановлення гіпонімічних зв'язків у НФ-тексті великою мірою пояснюється специфічною природою неологізмів у цьому жанрі. Метою введення неологізма у НФ-твір є творення фантастичної реальності, тобто, на відміну від інших жанрів, у НФ неологізм претендує на те, щоб подавати фантастичне як реальне, звичне явище. Неологізм у НФ-тексті, таким чином, виступає як неологізм тільки для читача, в той час як з точки зору персонажів твору він є звичайним нейтральним словом. Наприклад: “Пужао је као што пужу мали, чупави зији, чудна і крвожедна шестнога шумска створења” (Ш. — с.22).

Слово *зи* для нас є авторським неологізмом, що позначає фантастичного хижого звіра, але для персонажів твору *зи* такий же звичний, як для нас *вовк*, *лисиця*, *ведмідь*. Проте, як бачимо, і для читача неологізм стає в ряд видових понять, що підпорядковуються одному родовому: *хижий звір*: *вук*, *лисиця*, *мечка*, *зи*.

Як показує наше дослідження, таке включення неологізмів у гіпонімічні зв'язки є характерним і надзвичайно важливим фактором функціонування неологізмів у НФ-тексті.

“Мораш и да будеш мало стрпљив, као, рецимо, дивљи саноти. Гледао си неког санота, зар не? Они стрпљиво чекају жртву да напусти своју рупу, и тек онда нападају.” (VI — с.12). “Рука му склизну у унутрашњи џеп из кога извуче новчаник од праве коже оприкуса.” (VI — с.128)

Подібно до *зи*, *саноти* і *оприкуси* також є представниками тваринного світу.

“Како ћете излијечити човјека који стално жваче траву мелех од које се ум претвара у кошмар лијепих привиђења?” (VI — с.43). “Да

¹ Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — С.104

није можда жвакао траву темзем или се опијао димом у неком скровитом углу ...” (1. — с.52).

У наведених прикладах мелех и темзем є назвами рослин. Причому в тексті встановлюється прямий зв'язок між фантастичними гіпонімами і цілком реальними гіперонімами: трава — темзем, трава — мелех. “Њене стегнуте груди су задрхтале када сам извадио из цепа оне златне калинте” (VI — с.133). “ипак од двадесет хиљада калинта остало ми је на рачуну још мало” (VI — с.150).

Із контексту можна зрозуміти, що калинти — це грошова одиниця іншої планети (Калина). При цьому в свідомості читача встановлюються такі асоціативні зв'язки: а) гіпонім — гіперонім: калинт — новчана одиница б) гіпонім — співгіпоніми: калинт, динар, долар, форинт...

Таким чином, як ми переконалися, авторський неологізм, що позначає фантастичну реалію, у НФ-тексті вступає в семантичні зв'язки з гіпонімами й гіперонімами, які є загальномовними словами, що означають дійсні реалії нашого світу. Саме така добудова до ряду співгіпонімів дає можливість автору НФ-твору створити достовірну картину фантастичної реальності, оскільки гіпонімія є “одним з найфундаментальніших парадигматичних відношень, за допомогою яких структуровано словарний склад мови”.¹

Крім того, встановлення таких гіпер- та гіпонімічних зв'язків виконує в тексті ще одну надзвичайно важливу функцію — функцію семантизації неологізма. Саме гіперонім та ряд співгіпонімів і наповнюють своєю семантикою авторський неологізм. Відомо, що саноти і оприкус — це фантастичні хижі звіри. У свідомості читача існує загальне уявлення про хижого звіра з усіма спільними для хижаків властивостями. Одночасно в його свідомості в тій чи іншій мірі актуалізуються знання про конкретні реальні види хижих звірів з усіма їх специфічними рисами. Отже, коли читач зустрічається в тексті з неологізмами саноти і оприкус, вся ця сукупність знань підключається до їх семантизації. Причому всі конкретні риси і властивості реальних хижаків потенційно можуть бути притаманні фантастичним звірам, а усвідомлення того, що цей звір фантастичний, робить діапазон його можливих характеристик необмеженим. Уже цих загальних відомостей цілком достатньо для повноцінного функціонування слів в НФ-контексті. Від автора залежить, які вакантні “хижацькі” семи він потім заповнить конкретною інформацією, а які залишить неконкретизованими. Наприклад, про **зи** із тексту ми дізнаємося таке: “мали, чупави зи”; “зи із шума је неухватлив и лукав”; “нестрпљиви зи”; “зи трагач”; “обилази преперке, оставља празне клопке, зауставља дах, непомичан је, а затим поново бежи”.

Як бачимо, автор дає дуже багато конкретних рис фантастичного звіра, хоча і цього недостатньо, щоб повністю уявити собі його зовнішній

вигляд. У той же час про **оприкуса** відомо тільки те, що з його шкіри роблять гаманці.

Тепер розглянемо способи встановлення гіпер- та гіпонімічних зв'язків (а отже, і семантизації) авторських неологізмів із загальномовною лексикою контексту.

1. Введення в один і той же контекст неологізму і його гіпероніма.
“Допуштено врїјеме: четири тина. (V — с.183) врїјеме — тин.
2. Введення в один контекст неологізму і його співгіпоніма.
“То вам је “звездотрес” као на земљи што је “земљотрес” (III — с.14) земљотрес — звездотрес.
3. Встановлення синонімічних зв'язків між неологізмом і загальномовним словом.
“Али “плавобради” без трака, они који проводе својих 500 дана у служби одавно су измислили и мало друкчија имена за своје претпостављене: сваки десетар био је “жутац”, стотник “плавац”, затим “црвендач”, “зелембач”, “сребрењак” и “златник”, а имали су и једно заједничко име “главоње”! Само тако што их звали” (IV — с.34). стотник — плавац, десетар — жутац.

4. Встановлення в контексті синтаксичних та семантичних зв'язків між неологізмом і словами, для яких характерна семантична сполучуваність із членами гіпонімічного ряду, до якого добудовується неологізм.

“Пре две године. Загрпао га је одрон у руднику галта. Галт ископавамо и продајемо Земљи за заштитни омотач бродова” (VI — с.126).

Неологізм галт сполучається із словами рудник и ископавати. Із цими словами, як правило, сполучаються назви руд металів рудник злата, рудник урана, ископавати олово. Таким чином, галт — це назва фантастичного металу, яка стає в один ряд з такими словами, як злато, уран, олово...

5. У тексті може знаходитись тлумачення семантики неологізму.
“Као и у свих галата — расе које је и он припадник ...” (V — с.180).
6. Семантизувати неологізм, а отже і встановити його гіпер- та гіпонімічні зв'язки, може і внутрішня форма неологізма.

“Тандијине очи су светлуцале у полутами лебделице... (VI — с.142). Неологізм лебделица утворено від дієслова лебдети і суфікса -иц — за моделлю загальномовного летелица. Таким чином, лебделица — це літальний апарат, що “лебди” над землею.

Досі ми розглядали найбільш типові і прості випадки, коли до ряду реальних співгіпонімів, що підпорядковуються реальному гіпероніму, додається ще один, фантастичний співгіпонім — авторський неологізм. Однак у жанрі НФ трапляються і більш складні випадки встановлення зв'язків між неологізмом та загальною лексикою: “Најзад, закон Калина важи за све људе и откупљене андроиде. Андроиде као што је и Туг Фелог.” (IV — с. 152).

Якщо в реальному світі гіпероніму розумна істота підпорядковується-

¹ Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. — С.478.

ся тільки один гіпонім — людина, то в НФ до нього додано ще один, фантастичний співгіпонім — андроид “штучна людина”. Крім того, на відміну від попереднього випадку, у свідомості читача слово андроид підключається і до іншого гіпонімічного ряду — андроид, робот, киборг, що підпорядковуються іншому родовому поняттю — розумна антропоморфна машина. Таке перехрещення гіпонімічних рядів є характерним прийомом жанру НФ.

Отже, авторський неологізм у тексті НФ-жанру вступає в гіпер- і гіпонімічні зв'язки із загальномовною лексикою, що дає можливість авторові створити картину фантастичної реальності. Як правило, неологізм, що означає фантастичну реалію, приєднується до ряду реальних співгіпонімів. Але в жанрі НФ можливі і більш складні випадки гіпер- та гіпонімічних зв'язків. Кілька неологізмів можуть утворювати ряд співгіпонімів до загальномовного слова, яке саме по собі загальномовних співгіпонімів такого роду не має. Неологізм може служити точкою перетину двох гіпонімічних рядів, які в загальномовному вжитку не перетинаються.

Встановлення гіпонімічних зв'язків відіграє велику роль у семантизації неологізмів, оскільки в контексті семантика неологізму великою мірою вибудовується за рахунок семантики гіпероніма та співгіпонімів.

Існує кілька різних способів підключення неологізму — фантастичної реалії до гіпонімічного ряду загальномовних слів: 1. Введення в контекст неологізму і загальномовного гіпероніма. 2. Введення неологізму і його загальномовного співгіпоніма. 3. Введення неологізму і його загальномовного синоніма. 4. Введення неологізму в лексико-синтаксичні зв'язки, характерні для певного гіпонімічного ряду. 5. Тлумачення неологізму в тексті. 6. Включення неологізму в гіпонімічні зв'язки за допомогою його внутрішньої форми.

Література

- I. Б'язић Младен. Фуртингер Звонимир. Освајач 2 се не јавља. — Загреб. Епоха, 1952, 297 с. Библ. фантастичних романа. Књ 7/.
 - II. Десница Владан. Проналазак атханатика. — Књига: Десница В. Прольећа Ивана Галеба. Игре прољећа и смрти. — Загреб: Просвета, 1975. — 417 с.
 - III. Дудаш Ана. Путовање на планету Златосан. — Новинско-издавачка радна организација “Графостиг”. Мало црниће. — 43с.
 - IV. Косиер Берислав. Бели потоц. — Београд: Нолит, 1976. — 210с.
 - VI. Чурчић Слободан. Шуме, Кише, Град и Звезде. — Београд: Просвета, 1988. — 221с.
- * * *
1. Лингвистичекий енциклопедический словарь. — М.: Сов. энциклопедия 1990. — 685с.
 2. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978 — 548с.

СЛАВЯНСКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ТРАНСПОЗИТОЛОГИЯ И ЕЕ ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ

Ю.В. Мельник (Кировоград)

В современной лингвистике транспозицией (от ср.-век. лат. transpositio — перестановка) именуется “использование одной языковой формы в функции другой формы — ее противочлена в парадигматическом ряду” (Лингвистич. энциклопедич. словарь, .519).

В настоящее время написано много серьезных работ, посвященных проблемам транспозиции, что позволяет выделить транспозитологию как особое направление науки о языке (см. раб. Ш. Балли, А.В. Бондарко, С.С. Ермоленко, А.В. Исаченко, Ю.А. Пупынина, Л. Теньера, А.Г. Широковой и др.). Исследователями доказано, что транспозиция является важным условием самого существования языковой системы. Известно, что процесс усвоения глагольной системы родного языка ребенком сопровождается таким использованием отдельных форм, при котором они выступают в чрезвычайно широком (не свойственном конвенциональному языку) значении. То, что в конвенциональной системе представлено только как возможность, реализуемая лишь в строго определенных ситуациях, ребенок воспринимает как общий принцип и благодаря этому плавно переходит от одних фрагментов системы к другим в процессе усвоения (Ю.А.Пупынин, С.93).

В лингвистике традиционно изучались внутриязыковые глагольные транспозиции в каждом отдельном языке (“Настоящее историческое”, “футуральный презенс” и др.). Представляется, что необходима новая постановка вопроса: о внутриязыковой (вт) и межъязыковой (мт) транспозиции и их связях, причем межъязыковую транспозицию целесообразно изучать на текстах единого смысла — оригинальных и переводных. Углубленное представление о процессе межъязыковой транспозиции позволит дополнить понятийный аппарат транспозитологии, внести определенные уточнения в характеристику темпоральной системы славянских языков.

Транспозиционные межъязыковые процессы активно проявляются при переводе любого славянского текста на близкородственные языки. В основу данного исследования были положены русско-болгарские художественные переводы прозы XX века. Исследование было проведено на уровне глагольной категории времени и показало, что МТ времени может быть двух типов: соотносительная и несоотносительная.

Соотносительная МТ (СМТ) — такая разновидность МТ, когда и в оригинале, и в переводе присутствует ВТ; при этом возможны две разновидности СМТ: симметричная, когда в обоих сравниваемых тек-

стах одинаковая разновидность ВТ (напр., настоящее историческое), и асимметричная, когда ВТ носит разный характер.

1. Я ему **объясняю**, что вы ждете, а он не принимает мер! Пришлось попросить к вам. (К.М.Симонов. Живые и мертвые). Аз му **объяснявам**, че чакаме, а той не взима мерки! Трябваше да го повикам при вас. (К.М.Симонов, Живи и мъртви).

2. Примером асимметричной СМТ является перевод русских форм прошедшего времени в значении будущего футуральным презенсом (рус. “пошел” — болг. “тръгвам”).

Несоотносительная МТ (НМТ) — такой тип МТ, при котором ВТ присутствует только в одном из сравниваемых текстов либо ее нет ни в одном из них, т.е. МТ не связана с ВТ. Выделено 5 видов НМТ: обратная, последовательная, асимметричная, акциональная (условная) и конверсивная (замена глагола вербоидом).

Обратная НМТ, или НМТ восстановительная — это восстановление той временной формы, которая была исходной для внутренней транспозиции оригинала.

Какие ваши документы **будут**? (К.М.Симонов. Живые и мертвые)

Какви документи **имате**? (К.М.Симонов. Живи и мъртви)

При таком типе МТ разговорно-просторечной форме глагола в оригинале соответствует нейтральный перевод.

Последовательная НМТ заключается в развитии импульсов ВТ оригинала, одним из примеров является тип “настоящее историческое — прошедшее”.

Взял этого деда за манишку, так, что из него чуть душа не выскочила, и **кричу**... (М.А.Булгаков. Белая гвардия).

Разгърсих дядото за яката — едва не му изскочи душата — **че като креснах**... (М.А.Булгаков. Бялата гвардия).

В данном случае употребление сочетания с аористом “че като креснах” (“да как закричу”) не вполне соответствует оригиналу с точки зрения стилистики, т.к. перевод становится эмоциональнее оригинала.

Асимметричная НМТ характеризуется отсутствием ВТ в оригинале и наличием ее в переводе. Причиной НМТ является потенциальная возможность ВТ в оригинале.

— А ты-то откуда поскачил? — глядя на Мишкину физиономию и тоже невольно смеясь, спросил Синцов.

— Еду, понимаешь, по шоссе, **увидел**, как по немецким танкам бьют, подскочил и снял. Три танка разделали, как бог черепаху, только далеко друг от друга стоят. Ну, ничего, если один к другому подклеить, а природу вырезать, панорама будет — во! — и Мишка показал большой палец. (К.М.Симонов. Живые и мертвые).

— А ти откъде отскочи? — попита Синцов, като гледаше Мишка в лицето и също тъй невольно се смееше.

— Карам, разбираш ли, по шосето, **виждам** как бият по немските танкове, отскочих и ги снех, три танка **ги** направиха на старо железо, само че са далеч един от друг. Е, нищо, ако ги залепя един до друг, а природата се изреже, ще излезе панорама един път! — Мишка показа палец. (К.М.Симонов. Живи и мъртви).

Если в оригинале можно определить тенденцию к осмысленной упорядоченности чередования видо-временных глагольных форм, несущих в себе дополнительный указатель темпа развития событий, то этого нельзя сказать о переводе. Форма настоящего исторического “еду” и соответствующий ей по форме глагол “бьют”, настраивающие читателя на медленно текущие события, разделены глаголом прошедшего времени СВ “увидел” с аористическим значением, который заранее, за один шаг до кульминационной точки описываемого микротекста готовит читателя к предстоящему мгновенному изменению ситуации и позволяет не просто узнать о событиях, а прочувствовать весь динамизм обстановки (“подскочил”, “снял”, “разделали”). В переводе форме прошедшего времени сов. вида “увидел” соответствует настоящее историческое “виждам”, таким образом, происходит изменение структуры текста оригинала и, как следствие, художественного образа.

Обратимся к переводам этого отрывка на другие славянские языки. Перевод на чешский язык.

“A odkud ty jsi přiharcoval?” — opáčil Sincov s usměvem.

“Představ si, hasím si to po silnici, a najednou německé tanky. Zajedu blíz a cvaknu. Tři tam leží jako rozplázle želvy, jenomže moc daleko od sebe. No nic, ty stromy vystřihnu, slepím to k sobě a bude zaběr — jedna bázeň.” (K. Simonov, Živí a mrtví)

Необходимо отметить, что рассматриваемому глаголу “увидел” в переводе соответствует наречие “najednou” (“вдруг”), которое не может считаться грамматическим эквивалентом, хотя передает темп событий достаточно точно. Что касается употребления форм перфектного презенса от глаголов “cvaknout” и “снял”, то оно обусловлено активным функционированием подобных форм в чешском языке. Однако чередование видо-временных форм, художественно значимое в русском тексте, у переводчика не получилось.

Перевод на украинский язык по исследуемым параметрам соответствует оригиналу.

— А ти сам відкіля підскачив? — дивлячись на Мишкову фізіономію і теж мимоволі сміючись, питав Синцов.

— Іду, розумієш, по шосе, побачив, як німецькі танки б'ють, підскачив і зняв. Три танки роздобали, як бог черепаху, тільки далеко один від одного стоять. Ну нічого, якщо один до одного підклеїти, а природу вирізати, панорама буде ось яка! — Мишко показав великого пальця. (К.М.Симонов. Живі та мертві)

Акциональная транспозиция — это уточняющая НМТ, например,

“прошедшее время в оригинале — одно из прошедших времен в переводе”. В ходе исследования переводов отмечены факты неоправданного выбора форм прошедшего времени болгарского языка.

Сначала под пером корреспондентов, а потом под красным карандашом Синцова, приводившего заметки в соответствие со сводками, из них постепенно **исчезало** все, что могло дать представление о том, в каких местах сейчас шли бои. (К.М.Симонов. Живые и мертвые)

Отначало под перото на дописниците, а после под червения молив на Синцов, който съгласуваше бележките с бюлетините, постепенно от тях **изчезна** всичко, което можеше да даде представа по кои места се водят сега боевете. (К.М.Симонов. Живи и мъртви)

В оригинале действие представлено как процесс, что подчеркивается наречием “постепенно”, поэтому в переводе необходим имперфект, но в болгарском языке аорист достаточно частотен и привычен для носителя языка. Однако при таком переводе изменяется образ, созданный автором.

В переводах на другие славянские языки этот тип НМТ фиксируется редко, т.к. только болгарский язык сохранил исконную многоступенчатую систему прошедшего времени.

... Он **хотел** пошутить по поводу иррациональной игры подсознания, однако его опередил Дицман (Ю.В.Бондарев. Берег)

... Він хотів був пожартувати з приводу ірраціональної гри підсвідомості, але його випередив Діцман. (Ю.В. Бондарев. Берег)

Конверсивная транспозиция в русско-болгарских переводах мало частотна, она связана с заменой глагола вербойдом и может быть обусловлена различной валентностью, связью с именами существительными некоторых семантически адекватных глаголов, иногда невнимательным отношением переводчика к глаголу.

Ты знаешь, что сейчас в музее **сидит** тысяча человек наших, голодных, с пулеметами. Ведь их ... как клопов, передушат (М.А.Булгаков. Белая гвардия)

Русскому глаголу “сидеть” (в тюрьме) соответствует болгарский глагол “леже” (см. словарь С.К.Чукалова), но поскольку в оригинале употреблено сочетание “сидит в музее”, то переводчику пришлось выбрать причастие, образованное от глагола с другим корнем, но передающее смысл события.

Ти знаеш ли, че сега в музея **са затворени** хиляда души наши, гладни, с картеници... Нали... ще ги избият като дървеници. (М.А. Булгаков. Бялата гвардия)

В последнее время исследователи все чаще говорят о категории глагольной репрезентации, которая позволяет объединить личные и неличные формы глагола в систему форм одного слова (см. раб. Т.Н. Молошной). В данном случае происходит замена собственно глагольной

репрезентации на адъективную. Изменение времени в данном случае не происходит, т.к. “са” — показатель настоящего времени. О собственно конверсивной НМТ можно говорить лишь в случае замены глагола на причастие с другой временной отнесенностью.

Транспозиция времени — одна из сложнейших универсалий современных языков, требующая рассмотрения как на внутриязыковом материале разных языков, так и в контрастивном плане. Привлечение в будущем материала других языковых семей позволит максимально полно ответить на вопрос о функциональных возможностях глагольного слова и собрать значительное количество фактов для создания сопоставительной типологии глагола.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. Е.В. и Т.В.Вентцель. — М.: Изд-во ин. лит., 1955. — 413 с.
2. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. — М.: Просвещение, 1971. — 239 с.
3. Ермоленко С.С. Образные средства морфологии. — К.: Наук. думка, 1987. — 123 с.
4. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч.2. — Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. — 577 с.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Сов. энциклопедия, 1990. — 685 с.
6. Молошная Т.Н. Грамматическая категория глагольной репрезентации в современных славянских языках // Славяноведение. — 1996. — № 4. — С.35-44.
7. Пупынин Ю.А. Усвоение системы глагольных времен ребенком // Вопросы языкознания. — 1996. — №3. — С.84-93.
8. Сучасна українська мова. Морфологія / За заг. ред. І.К. Білодіда. — К.: Наук. думка, 1969. — 654 с.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Пер. с фр. И.М.Богуславского. — М.: Прогресс, 1988. — 654 с.
10. Украинская грамматика / Отв. ред. В.М. Русановский. — К.: Наук. думка, 1986. — 360 с.
11. Широкова А.Г. Проблемы сопоставительного изучения образноэкспрессивного употребления форм грамматических категорий // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1990. — С.15-35.
12. Чукалов С.К. Русско-болгарский словарь. — М.: Рус. яз., 1981. — 911 с.

Цитируемые источники

1. Бондарев Ю.В. Берег. — М.: Худ. лит., 1982. — 384 с.
2. Бондарев Ю.В. Берег. Вибір / Пер. з рос. Н.Орлової. — К.: Дніпро, 1984. — 622 с.
3. Булгаков М.А. Белая гвардия. Театральный роман. Мастер и Маргарита. — М.: Худ. лит., 1973. — 547 с.
4. Булгаков М.А. Бялата гвардия / пр. Л. Минкова. — София: Нар. култура, 1983. — 293 с.
5. Коцюбинський М.М. Тіні забутих предків // М.М. Коцюбинський. Вибране. — Львів: Каменяр, 1983. — С.256-303.
6. Коцюбинський М.М. Цвіт яблуні // М.М. Коцюбинський. Вибране. — Львів: Каменяр, 1983. — С.132-138.
7. Коцюбинський М.М. Intermezzo // М.М. Коцюбинський. Вибране. — Львів: Каменяр, 1983. — С.149-160.
8. Симонов К. Живи и мертвы / Пр. А. Далчев. — С.: Изд-во на отеч. фронт, 1982. — 541 с.
9. Симонов К. Живые и мертвые. — М.: Сов. писатель, 1960. — 528 с.
10. Симонов К. Живі і мертві / Пер. Б. Антоненка-Давидовича. — К.: Дніпро, 1964. — 494 с.
11. Simonov K. Živí a mrtví. — Praha: Naše vojsko, 1964. — 358 s.

ВОПРОСЫ СЛАВИСТИКИ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Н.В. ПАВЛЮКА

Е.А. Нечаева (Одесса)

Николай Владимирович Павлюк (1920-1978) — известный украинский ученый, работавший в Одесском университете в пятидесятых-шестидесятых годах.

123 научные работы составляют творческое наследие этого исследователя. Тематику большинства работ Николая Владимировича были язык, литература, история, духовная культура славянских народов.

Его научная деятельность началась с диссертации "Категория местоимения в старопольском языке" (1951), в которой он одним из первых сопоставил явления польского и восточнославянских языков. Ранее предпринимались попытки исследования польского языка путем сравнения его форм с формами латинского, чешского и старославянского языков. Однако на протяжении многих столетий польский и восточнославянские языки находились в родственной близости, которая сохранилась до наших дней. Целый ряд богослужебных книг, утверждает Н.В.Павлюк, был переведен не с латинского и немецких оригиналов, а с восточнославянских (2:7).

Полагаем, диссертация ученого и другие его исследования, посвященные категории местоимения в старопольском языке (см.: 2,3,14), явились значительным вкладом в развитие славистики. Изучив памятники старопольской письменности XIV в., Николай Владимирович делает следующие выводы: основные элементы польского книжного языка использовались уже в XIV в., так как грамматическая система польского языка в то время была окончательно сформирована (3:64).

В работах, посвященных местоимению, Н.В.Павлюк показал всю значимость этой категории. Для него местоимение не просто лексико-семантический разряд, который в ходе развития славянских языков утратил дифференцирующие признаки, а активный фактор воздействия на формирование системы склонения полных прилагательных и числительных, на образование некоторых глагольных форм, на синтаксическую систему. Область синтаксиса, по его мнению, — наименее разработанный вопрос славистики. Поэтому ученый-новатор стремился заполнить своими работами пробел, который мешал созданию сравнительного синтаксиса славянских языков, и призывал к этому других исследователей.

Интересы Н.В. Павлюка в области славистики поистине всеохватны. История славянских языков, историческая география, межязыковые контакты, грамматическая структура, семантика, стилистика художественного текста — все это входило в круг его исследований, который

со временем еще больше расширялся, так как ученого необычайно привлекали новые направления в лингвистике.

Не случайно, когда активизировалась топонимическая работа в СССР, получили развитие ономастические славянские исследования, славянская лексикография, он не мог не заинтересоваться этим. Труды Н.В.Павлюка в этой области весомы и многообразны. На его счету работа над составлением словаря омонимов славянских языков (см.: 5), "Инверсійного словника української мови" (1971-1976), в котором помещаются методические материалы по украинскому словообразованию, разработка программы-вопросника для собирания материалов для областного словаря украинского языка (см.: 10), статьи "Про вивчення назв вітрів в діалектах слов'янських мов" (1971), "Власні імена та прізвиська в творах Остапа Вишні післявоєнного часу" (1964), "Питання ономастики на сторінках "Записок Одеського общества истории и древностей" (1969), "Назви річок Дністро-Бузького межиріччя, їх будова та лексико-семантична характеристика" (1965), посвященная вопросу о восточнославянских гидронимии. Обращаясь к новой для него теме, Н.В.Павлюк подходит к ней профессионально и творчески. Собрав названия рек этого региона, он подвергает их структурному, семантическому и историческому анализу. Ни одному из методов автор не отдает предпочтения, не делает окончательных выводов о происхождении топонимов, а предлагает читателю самому найти правильные варианты, учитывая параллельные образования разных языков.

В период с 1950 по семидесятые годы учеными-лингвистами страны разрабатываются разнообразные области славяноведения, возникают новые проблемы и темы, новые методики исследования. Семья славянских языков вовлекается в сферу сравнительно-исторического исследования. Разрабатывается сам принцип историзма, рассматриваются причины развития языка, общие и частные законы развития языка, принципы сравнительно-исторических грамматик. Здесь, по нашему мнению, уместно вспомнить об участии Н.В. Павлюка в составлении первой сопоставительной грамматики восточнославянских языков (см.: 6,7). Он автор разделов "Местоимение" и "Имя прилагательное". Дальнейшие исследования этих частей речи не добавили ничего принципиально нового к сказанному ученым. Более четким в последующие годы становится лишь акцентирование стилистических возможностей грамматических форм.

Таким образом, выпущенные еще в 1958 году "Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков" до сих пор сохраняют свою значимость как фундаментальное учебное пособие. Сам Н.В. Павлюк понимал важность составления такого учебника для будущих филологов: ведь особенности восточнославянских языков, образованные на протяжении веков, могут быть понятны только на фоне их общности.

Не случайно в творчестве Николая Владимировича органически соединялись интерес к истории и к функционированию современных славянских языков. В ряде статей (см.: 4,9,11,12) ученый представил пути формирования литературных языков и их стилей, что стало важным вкладом в историю развития лингвистики.

Особый пласт научного творчества Н.В.Павлюка составляют работы, посвященные истории развития науки (см.: 8,13). Предметом его внимания и интереса стала деятельность выдающихся ученых-славистов, работавших в нашем университете. Это В. Ягич, Ф. Успенский, А. Кочубинский, Н. Петрович, представители болгаристики П. Потапов, С. Бернштейн, М. Беляев, В. Шерцль. Центральное место в этом списке занимает В. Григорович, который, по мнению Н.В. Павлюка, является одним из основателей славянской филологической науки в России и который был первым деканом историко-филологического факультета Новороссийского (Одесского) университета. Именно благодаря работе этих ученых славистика в ОГУ находится и сейчас на высоком уровне, университет имеет глубокие традиции в развитии науки о славянских языках.

Результатом многолетней напряженной работы Николая Владимировича Павлюка, венцом его творчества стала фундаментальная монография, вышедшая посмертно, "Основні етапи розвитку українського мовознавства дожовтневого періоду" (1978), которая до недавнего времени являлась наиболее полным обзором истории украинского языковедения этого периода (см.: 1:9).

Вклад Н.В.Павлюка в развитие науки нельзя переоценить. Многие его работы остались неопубликованными, но все его творчество, по нашему мнению, можно считать важным этапом развития отечественной славистики.

Литература

1. Бевзенко С.П. Історія українського мовознавства. Історія вивчення української мови. — К., 1991.
2. Павлюк Н.В. Категорія местоимення в старопольському мові. Автореф. канд. дис. — Львів, 1951.
3. Павлюк М.В. Категорія займенника в старопольській мові // Праці Од. держ. ун-ту, 1953. — Т.3 — С.59-64.
4. Павлюк Н.В. И.П. Котляревський и украинский язык // Науч. ежегодник ОГУ, 1956. — Одесса, 1957. — С.50-52.
5. Павлюк Н.В. Проект словаря омонимов славянских языков // Науч. ежегодник ОГУ, 1956. — Одесса, 1957. — С.53-54.
6. Павлюк Н.В. Местоимение // Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. — Одесса, 1958. — С.151-161.
7. Павлюк Н.В. Имя прилагательное // Очерки по сравнительной грамматике восточнославянских языков. — Одесса, 1958. — С.111-115.

8. Павлюк Н.В. Славянское языкознание в Одесском (Новороссийском) университете за 90 лет //Труды Од. гос. ун-та, 1958. — Т.148. — Вып.7. — С.5-31.
9. Павлюк М.В. Петро Панч про мову //Питання радянської літератури. — Одеса, 1959. — С.204-210.
10. Павлюк М.В. Програма-питальник для збирання матеріалів до крайового словника української мови Одещини /В співавт. з І.Є. Грицютенком, І.Р. Швецем та ін. — Одеса, 1959.
11. Павлюк М.В. Максим Рильський — перекладач Юліуша Словацького //Максим Рильський. — Одеса, 1960. — С.216-226.
12. Павлюк Н.В. О языке первых глав “Евгения Онегина” //Пушкин на юге. — Кишинев, 1961. — Т.2. — С.289-293.
13. Павлюк М.В. Болгаристика в Одеському університеті за 100 років //Праці Од. держ. ун-ту, 1962. — Т.152. — Вип.15. — С.236-243.
14. Павлюк М.В. Роль займенника у формуванні речення в старопольській мові //Питання слов’янського мовознавства. — Львів, 1963. — Кн. 7-8. — С.146-150.
15. Павлюк М.В. Назви річок Дністро-Бузького межиріччя, їх будова та лексико-семантична характеристика //III Респ. ономастична (гідронімічна) конф. — К., 1965. — С.44-48.
16. Павлюк М.В. Основні етапи розвитку українського мовознавства дожовтневого періоду. — К. — Одеса, 1978.

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ ЧУДОВСКОЙ РУКОПИСИ (ЛИНГВО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

А.С. Новикова (Москва)

Чудовская рукопись — очень интересный и мало изученный лингвистически памятник славянской письменности середины XIV в. До Октябрьской революции 1917 г. рукопись хранилась в Московском Чудовом монастыре, откуда и получила свое название. После разрушения Чудова монастыря памятник исчез. Есть предположение, что он был вывезен на Запад в 30-ые годы XX в. (1, с. 18). К счастью, сохранилось фототипическое издание рукописи, сделанное митрополитом Леонтием, и наше национальное достояние не исчезло бесследно. При фототипическом воспроизведении Чудовской рукописи были выдержаны размеры оригинала (17см x 11см). Это рукопись с русским правописанием, без юсов. Она состоит из 169 пергаменных листов и одного бумажного с записью-завещанием митрополита Платона по-гречески на лицевой стороне и церковнославянском языке на оборотной. Этот лист был присоединен к рукописи в XVIII в., когда памятник переплетался заново. Чудовская рукопись содержит полный текст Нового Завета. Листы 3-52 об. занимает четвероевангелие. По классификации профессора Московской Духовной Академии Г.А. Воскресенского это третья редакция евангельского текста, к которой принадлежат еще два списка: Никоновское ризничное и Толстовское.

Чудовский список давно привлекает внимание исследователей. Однако до сих пор нет единого мнения об авторе этой рукописи. Г.А. Воскресенский, много занимавшийся изучением текста Евангелия и Апостола Чудовского Нового Завета, издатель рукописи митрополит Леонтий, протоирей А.В. Горский и другие богословы полагали, что эта рукопись не только переведена, но и написана самим Святителем Алексием. Так, М.Д. Муретов сто лет тому назад писал о том, что “в труде Святителю Алексия мы имеем полный, написанный одною рукою и исправленный в одном духе славяно-русский текст Нового завета” (рядка наша; 2, с.182). И.В. Ягич, А.И. Соболевский, М.Н. Сперанский были противниками данной точки зрения. А.И. Соболевский, признавая написание памятника при жизни митрополита Алексия, подчеркивал, что эта рукопись “не имеет в себе ничего такого, что позволило бы ставить ее в какую-либо связь с Алексием” (3, с.37).

На основании проведенного нами лингво-тестологического анализа евангельского текста Чудовской рукописи, сопоставления чтений памятника с параллельными чтениями евангельских кодексов разных из-

водов, привлечения данных памятников других жанров с языковыми особенностями Преславской книжной школы, можно заключить, что этот текст отличается от других списков Евангелия, но не настолько, чтобы можно было говорить о новом переводе. Ряд чтений евангельского текста рукописи совпадает с параллельными чтениями болгарских списков Воскр. 1 (этот памятник написан на Афоне), N1140 НБКМ (рукопись Тырновской книжной школы), русских Константинопольского 1383 г., Галтяевского евангелия нач. XV в., Галичского 1144 г. и вставного евангелия Супрасльской рукописи.

В настоящее время наука не располагает никакими данными, которые позволили бы считать митрополита Алексия автором Чудовской рукописи или ее переписчиком.

Над обработкой жития митрополита Алексия трудился ряд писателей, начиная с Питирима (середина XV в.) и кончая иноком Чудовского монастыря, известным справщиком Евфимием, сотрудником Епифания Славинецкого (4, с. 132, 356). Из дошедших до нас пяти редакций жития только в последней XVII столетия записано предание о принадлежности Чудовской рукописи Святителю Алексию и о переводе им Нового Завета, что, по-видимому, является позднейшей интерполяцией.

Палеографические и орфографические особенности рукописи свидетельствуют о том, что в написании этого памятника принимало участие восемь человек. Текст рукописи переписан в два столбца. Палеографические приметы полууставного письма середины XIV в. проявляются в обилии лигатур, в многочисленных сокращениях слов с выносными буквами. Все писцы различаются графическими и орфографическими особенностями. Участие разных лиц видно также и в орнаментике памятника. Весь текст четвероевангелия переписан одной рукой (первый почерк). Наличие в Чудовском Новом Завете восьми почерков кладет конец спорам о принадлежности рукописи перу митрополита Алексия.

Чудовская рукопись скорее всего была переписана для митрополита Алексия с недошедшего до нас южнославянского протографа во время пребывания Святителя в Константинополе в русском Студийском монастыре в 1354-1355 гг. Эта рукопись — акцентуированный памятник, а в древнерусской письменности не было традиции акцентуировать тексты вплоть до XVI в. Поэтому предположение М. Корнеевой-Петрулан о написании памятника на московской земле (5, с.3) представляется необоснованным.

Рукопись Нового Завета стала собственностью митрополита Алексия и была вывезена им в Москву.

Евангельский текст Чудовской рукописи хорошо отражает эволюцию славянского перевода Евангелия. В нем нарушены традиции кирилло-мефодиевского перевода: отсутствует строгая выдержанность,

последовательность в переводе одних и тех же греческих слов, здесь нередко наблюдается смешение времен и залогов.

Ср. Мт. XIV, 36 молѣша вм. молѣахъ; греч. καὶ παρεκάλουν Мт. XXVI, 24 пишеть (с) вм. естъ писано; греч. γέγραπται. Греч. εὐόνομος в чтениях Мт. XXV, 33 и Мт. XXV, 41 соответствует первоначальное слово шон; в чтениях Мт. XX, 21,23; Мт. XXVII, 38; Мрк. X, 37, 40; Мрк. XV, 27 — преславизм лѣвын.

Необычайно разнообразно представлена в евангелии Чудовской рукописи преславская лексика, часть которой является широко употребительной в древнерусских полных апракосах, болгарских и сербских списках XIV в. Так, в рукописи известны лексемы влижьнини вм. искрѣнини; лѣвын вм. шон; мьчтьть вм. призракъ; плиць вм. млѣва; пастоухъ вм. пастырь; причастьникъ вм. наслѣдьникъ; писание вм. кѣннигы; раславленъ вм. ославленъ; рать вм. врань и много других. К числу редко встречающихся преславизмов следует отнести слово сватнилице (греч. ἱερόν). В тексте Чудовского евангелия оно наблюдается в 18 чтениях вместо первоначального црькъвь. Это слово было создано преславскими книжниками, о чем свидетельствуют данные Супр.: къ сватнилицѣ 248, 13. Лексема сватнилице встречается также в Воскр. 1 в чтении Мт. XXI, 23. В Чудовском Новом Завете здесь цркв.

В тексте Чудовского Нового Завета отмечается увеличение калек с греческого, замена словосочетаний сложными словами и одновременно более точный перевод греческих сложных слов. Все это отражает характерные черты преславской правки текста. Так, в рукописи в 13 чтениях употребляется глагол благодарити и формы причастия от этого глагола в соответствии со словосочетанием кирилло-мефодиевского перевода хвалѣ въздати (греч. εὐχαριστεῖν). Эта лексема встречается в евангельской цитате Ио. XI, 41 в Супр. 309,7; 309,12; 316,29. Интересно, что в этом чтении в Чудовской рукописи та же лексема: оче благодарю ти. Глагол благодарити есть также в болгарских списках Воскр. 1 и N1140 НБКМ.

Ряд вариантов в Чудовском тексте взят из текста Толкового евангелия Феофилакта Болгарского, переведенного в Болгарии, вероятно, в XI-XII вв.

Ср. въстоугва (греч. τὸν ἰμάντα) — “ремень”. Мрк. 1,7 въстѣгве сапогѣ; Л. III, 16 встѣгве сапогѣ; Ио. 1,7 въстоугвѣ сапожною. В кирилло-мефодиевском переводе во всех чтениях ремене сапогоу.

Слѣдва (греч. κρημνός) — “круча, утес, скалистый берег реки”. Мт. VIII, 32; Мрк. V, 13 по слѣдва^н; Л. IX, 30 по слоудва^н. В Мар. по врѣгоу.

Сѣустаница (греч. συστασιώτης) — “участник шайки, мятежник”. Мрк. XV, 7 (тетровое) съ сѣустаницѣю свѣза^н, в кирилло-мефодиевском переводе съ своими ковынники съвѣзанъ; в соответствии с греч. στίσις — “заговор, козни”. Мрк. XV, 7 в сѣустаницѣ, в кирилло-мефодиевском переводе — въ ковѣ.

Следующее исправление текста протографа, который лег в основу Чудовского списка Евангелия, было осуществлено на Афоне в первой половине XIV в. Именно здесь текст старого преславского протографа сверялся с греческим и исправлялся по греческим образцам того времени. Отличительной особенностью Афонской редакции является **буквальная близость славянского текста к греческому**, появление в лексике и синтаксисе грецизмов, иное, чем в кирилло-мефодиевском переводе, морфологическое оформление грецизмов. Чудовский список тетраевангелия лучше других текстов отражает языковые особенности этой редакции.

Так, например, можно отметить некоторые фразы, где редактор пытается достичь совершенной буквальности: Мрк. XII, 4 греч. *κακεῖνον λιθοβολήσαντες ἐκεφαλαίωσαν* и **того камень^а метавше оглавиша**; *Ἐγλαвиша* Ник., Толст. Ср., в Зогр. *і того каменнемъ вивъше провиша главѣ емоу*. В Чудовском списке Евангелия весьма употребительны лексемы с приставками *с, со*, обозначающие совокупность, совместное действие. Наличие этих приставок обусловлено желанием достигнуть совершенной буквальности при переводе с греческого языка: *σπασάδωвати, со-возлежати, слезжати, сдѣнствовати, ссѣдати, свѣсѣдовати, съпосовити, споспѣвати, срадовати са, съглаголати, сраспинати* и др. Ср. Л. XXIII, 48 *спришедшии народі* (греч. *συνπαραγενόμενοι ὄχλοι*) В Мар. *пришедшеи*. Попытка достижения буквальности отражена при переводе греч. *συνέδριον* — **ссѣдалище** Мрк. XIII, 9; XIV, 55; XV, 1. В Мрк. XIII, 9 в Мст. преславизм **сѣдалище**, в Никон. и Толст. преславизм **сѣворище**.

Рабское подражание греческому протографу наблюдается в морфологическом оформлении следующих слов: *ἀλόης* — **алонс** Ио. XIX, 39; *κῆνος* — **кинсонъ** Мт. XVII, 25; Мт. XXII, 17; Мрк. XII, 14; *κοδραντής* — **кодрантис** Мрк. XII, 42; *λέντιον* — **лентіон** Ио. XIX, 45, то же в Воскр., и Галт.; *λιθόστρωτον* — **лиѣостро^атон** Ио. XIX, 13, то же в Воскр., и Галт. В пяти чтениях I главы Евангелия от Луки — **марнам**. Эта лексема есть в Воскр., Галт., 2 Вг 42 МГУ.

Собственные имена пишутся иногда наполовину по-русски, наполовину по-гречески: **Вар-оломаѣа** Мрк. III, 18; **Фарисѣѣѣѣ** Мрк. III, 6; **садоукѣѣѣѣ** Мрк. XII, 18.

Намечается тенденция приближения к греческим формам и в синтаксисе. Например, греч. *πρὸς τὸν θεόν* Ио. I, 1 переведено **къ боу**. То же в Воскр., Констант. 1383 г. и большинстве евангелий XV-XVII вв. разных изводов. В первоначальном переводе здесь было **оу ва** (Асс.) или **отъ ва** (Мар., Зогр.).

Итак, в евангельском тексте Чудовской рукописи четко прослеживается процесс постепенного отхода от кирилло-мефодиевских традиций в сторону механического подражания греческим образцам.

Текст тетраевангелия Чудовской рукописи содержит важные све-

дения и по истории древнерусского языка. В памятнике отражены некоторые фонетические и морфологические особенности древнерусского языка, здесь есть лексические русизмы. На месте сочетания *dj в отдельных словах находим **ѣ**: **вожи слѣпнѣ, нѣжа, межю, надежю, одежа** (только!), **одеже^а са**. На месте *tj, *kt обычно **št**, но встречается и русское **č**: **мечюче** л. 24^{об}. В рукописи употребляются местоимения **товѣ, совѣ**. К числу лексических русизмов можно отнести слова **погостъ** Мт. IX, 35, X, 11; Мрк. VI, 6; **заіакливъ** Мрк. VII, 32; **оградъ** Ио. XVIII, 1, XIX, 41; **по^аточіѣ** Мрк. XII, 1; **грамота** Л. XVI, 6, 7 в. **воукъви** в значении “долговая расписка” и **верста** (русская огласовка) в м. **пѣпърище** Мт. V, 41.

Евангельский текст Чудовской рукописи представляет большую научную ценность, так как содержит богатейший материал для исследования на всех языковых уровнях, который может оказать неоценимую помощь историкам славянских литературных языков древнейшей поры.

Список сокращений

I. Рукописи

Государственный исторический музей (ГИМ) Москва.
Воскресенское (Воскр.1) тетр XIV в., болг.
Константинопольское (Конст.) 1383 г., тетр, русск.
Российская государственная библиотека. Москва.
Галтяевское (Галт.) евангелие-тетр нач. XV в., русск.
Никоновское (Никон.) евангелие-тетр XIV в., русск.
Российская национальная библиотека. Санкт-Петербург.
Толстовское (Толст.) евангелие-тетр XIV в., русск.
Московский государственный университет. Москва.
2 Вг 42 МГУ. евангелие-тетр XIV в., русск.
Народная библиотека имени Кирилла и Мефодия. София.
N 1140 НБКМ евангелие-тетр сер. XV в., болг.

II. Печатные тексты

Мариинское (Мар.) евангелие. Труд И.В.Ягича. Спб, 1883
Мстиславово (Мст.) евангелие. Апракос Мстислава Великого. Под редакцией Л.П.Жуковской. Москва. 1983.
Зографское (Зогр.) евангелие. Издание И.В.Ягича “Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus”, Berolini, 1879.
Супрасльская (Супр.) рукопись. Супрасльски или Ретков сборник. София, т.1, 1982, т.2, 1983. Йордан Заимов.

Литература

1. Огонек, 1989, № 6.
2. Муретов М.Д. Церковно-практическое и научно-богословское значение славянского перевода Нового Завета в труде Святителя Алек-

- сия, Митрополита Киево-Московского и Всероссийского //Богословский вестник, ноябрь-декабрь 1897 г. Сергиев Посад, 1897.
3. Соболевский А.И. Славяно-русская палеография. Спб, 1908.
 4. Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. Москва, 1871.
 5. Корнеева-Петрулан М. К истории русского языка. Особенности письма и языка писцов московских владык XIV в. //Slavia. Ročník XV. Sešit 1. Praha, 1937.

О ФОНЕМЕ “В” В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И ДИАЛЕКТАХ

О.Н. Пейчева (Одесса)

Предлагаемая работа посвящена исследованию лингвистического статуса одного из нестабильных консонантов в славянских языках, а именно губно-зубного согласного “в”, а также определению основных причин нестабильности этой фонемы в некоторых славянских языках и диалектах.

Сразу отметим, что нестабильность фонем следует отличать от фонематической вариативности, изменения, при котором аллофоны сохраняются в пределах одного звукового типа, фонемы. Отсюда следует, что фонетические изменения, с которыми обычно имеют дело в истории языка, бывают двух принципиально различных видов. Одни изменения происходят в фонетическом облике морфем или слов при сохранении старого состава фонем в языке в целом. Другие касаются самого состава фонем и заключаются в том, что возникают ранее отсутствующие фонематические противопоставления, или же, напротив, исчезают ранее существовавшие.

Исследования фонетических изменений как одного, так и другого вида одинаково важны, так как часто фонетические различия могут стать толчком для возникновения фонологических противопоставлений.

Примером такого явления может служить освоение славянскими языками фонемы “ф”, которая могла впервые появиться в связи с заимствованием из других языков (греческого), т.к. в праславянском языке данная фонема не существовала. Это, однако, не означает отсутствия звука [ф] в позднеславянский период. Известно, что после падения сверхкратких гласных возникли условия для перехода звонких согласных в глухие $d > t$, $z > s$, $ž > š$, и т.д. Звонкий губно-зубной [v] соответствующей пары не имел, но это не могло помешать ему пережить аналогичный процесс, и [v] подвергся оглушению, перейдя в [f]. Так система консонантизма ряда славянских языков обогатилась новым звуком, который, оставаясь позиционной разновидностью фонемы v, сыграл, безусловно, решающую роль в освоении и фонематизации иноязычного f.

Такой органически развившийся звук [f] имеется в языках русском, в его северной и средней, а следовательно, и литературной разновидности, в болгарском, македонском, в восточных говорах словенского языка, в польском, кашубском, чешском и в окраинных говорах словацкого языка. (См.: Нахтигал Р., 1963., С.65).

Глухой фрикативный [f] мог развиваться в отдельных славянских языках и в связи с оглушением [v] в результате прогрессивной ассимиля-

ции. Наиболее распространено это явление в польском языке, в котором совершенно обычно произношение *tfuj*, *sfuj* в соответствии с написанием *twoj*, *swój* и т.д.

Аналогичное явление известно и южнославянским языкам. Сравним болгарское *фащам* из *xvat > xfat > fat*; сербское *фалити* из *xvaliti > xfaliti > faliti*. А.Мейе отмечает, что “если глухое [f] в дальнейшем и вошло в большую часть славянских наречий, то это произошло потому, что праславянское *w изменилось в губно-зубной [v] — явление эпохи дробления на диалекты”. (Мейе А., 1951., С.35).

Известно, что индоевропейское *w (согласный *ц*) перешло в славянских диалектах в губно-зубной спирант [v]. Но это преобразование, наблюдаемое также в балтийских, романских, немецком и армянском языках, не является общеславянским. Очевидно, что в позднепраславянский период этот звук имел в славянских диалектах различное артикуляционное образование: он мог быть губно-зубным в одних диалектах и билабиальным — в других. Отсюда и возникли различия в реализации данной фонемы.

Консонант [v] претерпел в славянских языках различные изменения, связанные с его артикуляционными особенностями. Весьма значительными они были в том случае, если данную форму представлял билабиальный вариант типа [w]. В одних позициях он изменялся в гласный [u], в других — в [ɥ], в третьих — в глухой [φ], в четвертых мог утратиться бесследно.

Во всех славянских языках и диалектах, где фонема *v имела билабиальное образование, наблюдается тенденция превратить [v] в конце слога в неслоговое [ɥ], а в начале слова перед согласным развивается слогообразующий [ɥ]. Эта тенденция в большей или меньшей степени наблюдается в языках русском (в его южнорусской разновидности), белорусском, украинском, словенском, словацком, сербском.

Приводим для сравнения:

белорусское роў, сплаў, столоў, унук, услед;

украинское рів, плав, взяти и узяти, вголос и уголос, вслід и услід, где буква “в” означает билабиальный звонкий [w], в большинстве говоров переходящее в [ɥ];

словацкое rov, splav, lavka, где также в большинстве говоров слышится [w] или [ɥ]. Начальное [ɥ], развившееся в нижнелужицком из *v перед согласным звуком, имеет тенденцию к ослаблению и полному исчезновению. Например, *wšak* и *šak*, *wzes* и *zes*, *wtos* и *tos*, *włokno* и *lokno* и т.д.

Широкое распространение звук [w] имел в древнем белорусском языке. Это фиксируется уже в памятниках XIII века. Вот почему в современном белорусском языке отмечается *карова*, но *кароўка*; *галава*, но *галоўка*. При исконном губно-зубном имели бы место формы *karofka*, *galofka*.

Широко был распространен [w] и в сербском языке. Это объясняет и ряд фонетических явлений, пережитых этим языком:

а) утрату этого звука в начале слова перед гласными [o], [и], сонантами [r], [l]. Ср.: диалектное *laditi* < *wladiti*, *odoval'a* < *wodoval'a* (“водосточная труба”), *učas* < *wučas* (“гангрена”);

б) изменение [w] в [u] в начале слова перед [ь], [ъ]: *унук* < *wъnукъ*, *удовица* < *wъdovica*, *упити* < *wъpiti*. Конечно, гласный [u] не мог непосредственно возникнуть из [w]. Нужно предполагать промежуточную стадию [ɥ]. С.Б. Бернштейн отмечает, что наряду с [w] сербский язык хорошо знал и [v]. Именно он и сохраняется в современном литературном языке: *вода*, *веран* и др. (Бернштейн С.Б., 1961., С.299).

В украинском языке основное проявление *v — губно-губное [w], его вариация [ɥ] и вариант [u]. Все эти три звука находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: 1) [w] употребляется перед гласными; 2) [ɥ] — в конце слова или слога, а также в начале слова, если между ним и гласным стоит хотя бы один согласный; 3) [u] употребляется в независимой позиции (предлог “в”) с консонантным окружением, а также в начале слова, если предыдущее слово заканчивается согласным звуком. Например: *вугол*, *варта*; *буу*, *сіуба*; *був у брата* (но *була в Одесі*); *він убіг до хати* (но *вона вбігла [ɥбігла] до хати*). (См.: Карпенко Ю.А., 1996., С. 77).

В последнее время в украинистике утвердилось мнение, что к губно-зубным согласным в украинском языке относится только один глухой щелевой [φ]. Существует его звонкий вариант [v], но он фигурирует только как разновидность, аллофон губно-губного [w], который является основным представителем данной фонемы. Билабиальное [w], регулярно употребляясь перед лабиализованными [y] и [o] (*вулик*, *вогонь*), может находиться и перед другими гласными (*ватра*, *весна*, *вир*), тогда как губно-зубной [v] в правильном украинском произношении не может употребляться перед [y] и [o]. (См.: *Сучасна українська літературна мова*, 1993., С. 35).

Одной из ярких особенностей украинского языка является чередование *у/в*, которым охвачено большинство исконных слов с начальным “в”, после которого стоит согласный. Главным условием чередования является конечный звук предыдущего слова: на *Україні*, но в *Україні*; *приспів урожай* — *приспів врожай*.

Профессор Ю.А.Карпенко отмечает, что для установления фонематичности начального “в” или начального безударного “у” следует обращаться к данным истории языка (например, слово *вдова* происходит от древнего *въдова*), стилистики (в возвышенном стиле, контексте употребляется только форма *Україна*, независимо от предыдущего согласного), терминологии (в документах, юридической литературе употребляется только *вдова*, а не *удова*). (Карпенко Ю.А., 1996., С. 90).

Но есть и другие примеры, такие как **вбити** — **убити**. По-русски говорят **вбить гвоздь**, но **убить человека**, а по-украински можно сказать **убити** (или **вбити**) **цвях** и также **убити** (**вбити**) **людину**. Существует мнение, что в украинском языке начальное “в” и безударное “у”, если за ним стоит согласный, тяготеют к нейтрализации, утрачивают различия. В орфографическом словаре 1994 года из 141 слова на “у” 110 (78%) имеют параллельные формы на “в”. Например, **убік** — **вбік**, **увитися** — **ввитися** и др) (Орфографічний словник, с.774-775).

Таким образом, чередование у/в можно считать проявлением значительного тяготения украинского языка к милозвучности. Но есть и другая тенденция в языке — стремление к выражению разного содержания разными формами, т.е. преодолению омонимии: ряд слов-вариантов закрепились в языке с разным значением, что, конечно, остановило ситуацию чередования. Например, **управа** и **вправа**, **уступ** (скалы) и **вступ** (сочинения), **уклад** (государственный) и **вклад** (денежный) и др. Существуют и слова, которые не включаются в чередования по традиции: **уряд**, **установа**, **урок**, **указ**, **влада**, **вплив**, **врода**, **взуття** и др.

Неустойчивость начального “в” наблюдается и в болгарском языке, где часты случаи полного выпадения данного звука в диалектной речи. Например, **довица** < **вдовица**, **рабче** < **врабче**, **осък** < **восък**, **ода** (уда) < **вода**. (Брандт Р., 1901. — С.62).

Наиболее слабой позицией “в” в македонском языке является интервокальная. Б.Конески отмечает: “Одделни случаи на губење на интервокално “в” им се познати на сите наши дијалекти, особено во брзиот говор: **правам** > **праам** и др. **Меѓутоа**, само во западното наречие тоа представува покомплексна појава”. (Конески Б. — 1966. — С.62). В западном наречии македонского языка обычным является произношение **чоек**, **биол**, **глаа**, **жиот**, **дејче** (<девојче). Это явление развилось уже в последние столетия. В записях Охридской церкви Константина и Елены XV века последовательно отмечается “в” в названиях сел и местностей: **Леско(в)ец**, **Велсто(в)о**, **Кане(в)о** и др. Записи XVI века также не указывают на утрату “в”, тогда как в таких же записях XVIII века уже есть примеры с утраченным “в”: **Кушеани**, **Лескоец**, **Орехоец** но и **Ореховец**. Следовательно, этот процесс начался в западном наречии македонского языка примерно в конце XVII века, и в XVIII еще были случаи двойного произношения.

Главным условием ослабления интенсивности “в” было соседство с вокалом [о]. В этой позиции выпадение “в” наиболее частотно. По мнению Б.Конеского, вокальный [о] помог развиться неинтенсивному билабиальному произношению “в”, который предшествовал его полному исчезновению. Например: **невола** > **newола** > **неола**. (Конески Б., 1966., С. 63).

Утеря интервокального “в” — частое явление в языках. Оно известно как диалектное не только в славянских языках (например, в некоторых черногорских говорах сербского языка). “В” также выпадает в диалектах романских языков. Исчезновение консонантов (γ, β, δ) в интервокальной позиции отмечено с различной регулярностью и в отдельных греческих говорах. Это явление очень характерно для албанского языка, в котором оно охватило почти все звонкие согласные. Б.Конески считает: “Може да се предполага дека и меѓујазичниот контакт в балканската средина, придонесал за губењето на консонантите во интервокална позиција во нашиот јазик”. (Конески Б., 1966., С. 65).

Интересно поведение фонемы <в> в болгарском переселенческом говоре с. Ореховка (Пандаклия) Одесской области, говоре, исследуемом нами более углубленно. Безусловно, [в] в говоре существует. Он сохраняется в таких словах, как **венчѝлу**, **вѝжди**, **вѝра**, **вѝлна**, **вѝну** и др. Естественно, что губо-зубной [в] употребляется и в словах, заимствованных в позднейшее время: **вазилѝн**, **ва̀кса**, **вакѝна**, **витириѝнар**, **ва̀за** и т.д. Однако, нельзя не отметить, что в некоторых случаях вместо [в] в начале слова отчетливо слышится [у]. Например: **урѝдѝвам**, **урѝва**, **урѝла** **удѝ** и др. В речи представителей старшего поколения еще произносится **унук**, **унучка**, тогда как жители среднего и молодого возраста употребляют формы **внук**, **внучок**, что, безусловно, указывает на влияние русского литературного языка на говор.

Часты случаи полного выпадения [в] в начале слова. Например: **сички** < **всички**, **сакуѝ** < **всякой**, **уйна** < **вуйна**, **уйчу** < **вуйчо**.

На конце прилагательных мужского рода вместо ожидаемого оглушения, перехода в >ф, отмечается только [у]: **красѝу**, **адиѝнакау**, **марѝзѝлаѝу**, **страуѝлу** и др.

Нами отмечена оригинальная особенность данного говора: неслоговое [у] и безударное слогообразующее [у] несут словоразличительную (форморазличительную) функцию. Так, например, различаются только этим конечным звуком формы среднего и мужского рода имен прилагательных на -в: м.р. **красѝу** — с.р. **красѝу**, **страуѝлу** — **страуѝлу** и т.д.

Сравним с литературным **красив** — **красиво**, **страхлив** — **страхливо**. Очевидно, в данном случае в говоре в форме среднего рода слились <в> > [у] и <о>, в безударной позиции редуцированная [о'] или [у]. На месте предлога в (вѝв) употребляется только “у”, независимо от начального звука последующего слова, как, например, это имеет место в украинском языке. В исследуемом говоре: **у** **укѝту**, **у** **ушѝту**, **у** **ина** **кѝшта**, **у** **лѝзиту**, **у** **лукѝ**, **у** **винуту**, **у** **удѝта** (в литературном языке — **вѝв** **вино**, **вѝв** **водата**). Это явление усугубило процесс совпадения в одном варианте двух различных предлогов: **в** < ***вѝ** и **у** < ***и**. Например, **да** **у** **шкѝлата** — **жувеѝа** **у** **бабини**, **тѝр’** **ам** **сахар** **у** **чаѝ** — **дадаѝа** **гѝсти** **у** **наѝ**.

КОМУНИКАТИВНИ СВОЙСТВА НА БЪЛГАРСКИТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧНИ ЕДИНИЦИ (с оглед на функционирането им в българска диалектна среда в Южна Украйна)

Лидия Славова (Варна)

От съвременна лингвистична гледна точка езикът е “функционираща система, която служи за целите на комуникацията и се реализира в нея”¹. Функционалната значимост на езиковите единици се определя от присъщите особености на формата и съдържанието им. Заедно с това използването на всяко езиково средство в речта разкрива неговите формално-съдържателни свойства и определя мястото му в йерархията на езиковите единици.

Разглеждането на въпроса за характеристиката на фразеологизма като комуникативна единица изисква съобразяване с неговата лингвистична същност. Болшинството учени (Шанский, Молотков, Бабкин, Л. Андрейчин, К. Ничева) го отнасят към междинните езикови явления, обяснявайки този факт с двойствената му природа — формално тъждество със синтактичните единици и съдържателно сходство с лексическите единици. Тази двойственост и междинност се проявява и в категориалните, и във функционалните свойства на фразеологичните единици (ФЕ).

Според дефиницията, дадена от К. Ничева², коригирана и допълнена в сравнение с предговора на фразеологичния речник на българския език, “ФЕ е общоизвестна в даден речеви колектив свърхсловна, разделно оформена, относително устойчива, възпроизводима езикова единица с единно значение, съставена от лексикални единици, чието значение е повече или по-малко избледняло или напълно се е десемантизирило, близка (но неравна) семантично и функционално до думата; по структура ФЕ е словосъчетание или отворено (рядко затворено) изречение и по правило има ярка експресивност”. Като изрази средства с особена номинация — “характеризирища, съчетана с експресивност”, ФЕ са комуникативно значима част от лексико-фразеологичното ядро на езика. Подобно на думите те са строителен езиков материал, който в процеса на комуникацията изпълнява важни информативно-прагматически функции, а именно: служи за означаване на предмета на речта (процеси, факти, явления от действителността) и съдържа обобщено-експресивна оценка, т.е. не е само средство за съоб-

¹ Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1983, стр.10.

² Ничева, К. Българска фразеология. С., стр. 19.

Таким образом, особый статус консонанта “в” в славянских языках, его нестабильность, по нашему мнению, не вызывает сомнений. Причиной этого явления можно считать различное артикуляционное оформление данного звука в славянских диалектах позднеславянского периода.

Литература

1. Бернштейн С.Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков М., 1961.
2. Брандт Р. Краткая фонетика и морфология болгарского языка. — М., — 1901.
3. Карпенко Ю.О. Фонетика і фонологія сучасної української літературної мови. — Одеса, 1996.
4. Конески Б. Историја на македонскиот јазик. — Београд. — 1966.
5. Мейе А. Общеславянский язык. — М., 1951.
6. Нахтигал Р. Славянские языки. — М., 1963.
7. Орфографічний словник української мови. — Київ, 1994.
8. Сучасна українська літературна мова. За ред. Грищенка А.П. — К., 1993.

щение, но и за въздействие. Следователно информативността и експресивността са характерните черти на ФЕ, с които се свързва нейната комуникативност.

Известно е, че ФЕ са дял от речника на езика, който създава неговия национален колорит, защото съдържат в семантиката си национално-културния компонент в синхронен и в диахронен аспект¹. В този смисъл ще отбележа български ФЕ, чиято семантика ги отнася към основните семантико-тематични разрези фразеологизми, съдържащи информация за сложната човешка природа според светоусещането на българина. От езиково-стилно гледище това са битово-разговорни изрази, тъй като нито един стил не изобилства с такова фразеологично богатство, както разговорният. Това е свързано с преобладаването на конкретното мислене в сферата на всекидневното общуване, с обобщаването на същественото, а не на частното в конкретни наблюдения от ежедневието. Резултат от тази т.н. "обобщена конкретност" са особени съждения, чийто езиков израз са ФЕ, които се опират на колективния жизнен опит.² Именно неговата специфика за българската социолингвистична зона в Южна Украйна, от една страна, и усвояването на българското фразеологично богатство главно по книжен път при отсъствието на жива книжовноезикова практика, което затруднява общуващите в разграничаването на емоционално-оценъчната окраска на фразеологизмите, от друга страна, е предпоставка да се ограничи обектът на описание и изследване само върху битово-разговорната фразеология. Изграждането на езиков усет към тази група фразеологизми е актуално за местните условия на комуникация.

Ето български ФЕ, функциониращи в съвременната българска реч в качеството на конкретно-образни еквиваленти на книжните абстрактни съждения, представящи в обобщен вид някои характеристики на сложната и противоречива човешка същност:

— човешки действия и постъпки — улавям се в капана, виря си главата, хвърлям котва, меля брашно, ям бой, гълтам/гълтна си езика, кълча си езика, удрям на камък, хващам си пътя и др.;

— обстоятелствата, с които са свързани действията и постъпките — капка в морето, през пръсти, през куп за грош, от игла до конец, като гръм от ясно небе и др.;

— психофизически и делови качества — зли езици, гроб съм, броят ми се ребрата, кожа и кости, както го майка родила, заешко сърце, кучешка душа, с две леви ръце, едно за глава, друго за крака, стрелян (гърмян) заек, врял и кипял съм, на трън задоян човек и т.н.;

¹ Верещагин, Е.М., В.Г.Костомаров. Язык и культура. М., 1983, с.88.

² Васильева, А. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1975, с.173.

— способности — умът ми сече като бръснач, турям в джоба си (някаго), не може да се закачи на малкия му пръст;

— душевно и физическо състояние — да прескоча трапа, тъмнее ми пред очите, бере душа, дере котки, свила се е змия в пазвата ми, свил съм се на ер голям, тресе ме треска, станал съм с краката нагоре, сякаш са ми потънали гемииите, жив умрял съм;

— чувства — по сърце ми е, куче и котка;

— морал — стъпвам бос в огъня (за някого), да изгоря душицата (някаму), вземам на око (някаго), правя се на света вода ненапита, удавам в капка вода и т.н.;

— поведение — ни лук ял, ни лук мирисал, не ритам срещу ръжена, свалям звезди от небето и т.н.

Широката употреба на ФЕ в разговорната и публицистичната реч, в художествената литература като едни от основните стилистични средства на езика се дължи на характера на тяхната експресивност като особени езикови единици. Придържам се към становището на К.Ничева¹, която разглежда експресивността на ФЕ тясно свързана със семантиката (образност, използване на изобразителни езикови средства) и формата им (структурно-фонетични особености).

На семантична основа експресивността възниква на базата на интензивността на дадено действие или качество, чувство и т.н. — проявата му в много висока степен (пие за живите и за умрелите, коремът му залепнал за гърба), в много ниска степен (капка в морето, на един хвърлей, от дъжд на вятър, не съм слагал троха в устата си, нито на йота); или състоянието му на пълно изчерпване (до крак, до живот, до дъно, до шушка). Качествено различна е експресивността, а оттам и комуникативната ценност, на фразеологичните изрази-варианти в различни контекстови ситуации, когато принадлежат към една и съща речева разновидност (например "ям бой" и "ям дървен господ"; "гълтна си езика" и "гълтна си граматиката"), а още повече, при различни речеви разновидности (например разговорна и просторечна — "сече му главата" и "сече му пипето"; затваряй си устата" и "затваряй си човката", "затваряй си плювалника").

Отрицателните страни на човешката природа намират по-ярък експресивен израз в сравнение с положителните във фразеологичния фонд на езика. Негативна оценъчност съдържат редица ФЕ, които означават посредственост (на две магарета сламата не може да раздели, за пет пари акъл няма), повърхностност (морето му е до колене), нищожност (не струва колкото калта под ногтите му), лицемерие и коварство (тиха вода, троянски кон, наливам масло в огъня), отмъстителност (подпалвам чергата на някого), бърбуривост (дърнкам като празна мелница).

¹ Ничева, К. Пак там, с.127-139.

Експресивността е обусловена и от образността, породена от използването на тропите при създаване на значенията на ФЕ, а именно:

— сравнение — то стои в основата на “ситуативния фразеологизъм” и езиковият му израз е със или без структурен показател — (като) паднал от небето, (като) цапнат с мокър парцал, (като) мокра кокошка, (като) куче и котка;

— метафоричен пренос според ситуацията (ситуативна метафора) — поливам/полея със студен душ, лазят мравки по гърба ми, пия студена вода и т.н.;

— ирония и хипербола — риза няма, гайда иска; на гол тумбак чифте пицови; с един куршум — два заека; цепя косъма на две; хващам се за сламка; пукам се през гърба; акъл — море, глава — кофа; буря в чаша вода; “не взема само от голо риза, дете от майка”.

Експресивността при някои ФЕ от типа на “когато цъфнат нальмити”, “на куково лято”, “ям хляб и зъби” е основана на алогичността.

С външни черти от формалноезиково естество е свързана така наречената “външна експресивност” на ФЕ, произтичаща от техните структурни и фонетични особености — употреба на синоними и антоними в компонентния състав на ФЕ, наличието на синтактичен паралелизъм, повторение на компонентите (тавтология във ФЕ), използване на рима и алитерация.¹ Споделям изразеното от К.Ничева становище, че образността е факултативен признак, а експресивността е категориален признак на ФЕ.

В разговорната реч преобладават фразеологизми с активна вътрешна форма. Поради това експресивността в повечето случаи е резултат от образността в комбинация с някои от посочените формалноезикови черти. Има и групи фразеологизми, чието фразеологизиране и респективно експресивност възникват само на структурно-фонетична основа. Към първите спадат ФЕ като “Присмял се Хърбел на Щърбел”, “На свинче звънче”, “Брада царска, глава воденичарска”, при които е налице съчетание от образност и римуване. Към вторите могат да се отнесат изрази като “силен — вилен”, “скрито — покрито”, “здрав — прав”; фразеологични реплики “Кой? — Дядо Благой” и др., при които единствено на римата е основана фразеологизацията.

Към формалноезиковите средства с фразеологизираща функция спада алитерацията. Нпр. “Не ми търпи търпилото”, “Къде е Киро на кирия”, “Кой? — Койчо от Койновци”.

При част от фразеологизмите-изречения фразеологизиращ фактор е интонацията. Ако разглеждаме изречението като комуникативна единица, то принадлежи към един от двата основни типа изказвания — повествователен и въпросителен, т.е. съдържа съобщение на някак-

ва информация или въпрос за получаване на информация.¹ От тази гледна точка фразеологизмът-изречение, произнесен със съответната интонация (повествователна, възклицателна), независимо от формалните синтактични марки (нпр. въпросителни думи в състава му), може да се разглежда като функционална разновидност на определен тип изказване. Нпр. изразите “Къде се намираш!”, “У баща си врати видял ли си?”, “Къде мерих, къде се пука”, въпреки че съдържат въпросително наречие и въпросителна частица, изговорени съответно с възклицателна и повествователна интонация, придобиват фразеологично свързана употреба и означават както следва: ‘държиш се неприлично или непристойно’; ‘затвори вратата’; ‘предвиждах едно, а излезе друго’. Изразът “На свинята дай ново корито”, в чийто компонентен състав е включена повелителна форма, изречен с повествователна интонация, има фразеологично значение ‘той не си пази дрехите’. Обичайните поздрави “Добър ден” и “Добро утро”, интонирани като възклицателни изречения, придобиват аналогичен смисъл на “Откри Америка!”. Свободните словосъчетания “Имаш много здраве” и “ще си вържа черно”, употребени с отсянка на пренебрежителност в тона се фразеологизират и означават ‘не си прав в това, което твърдиш’ и ‘не ме интересуват неблагоприятията и затрудненията на някого’. Елементът на антонимичност, който се появява във фразеологичното значение в сравнение с прякото значение, е в основата на “повишената” експресивност на израза във фразеологичната му употреба.

Експресивната обогатеност, а оттам и комуникативната значимост на ФЕ в битово-разговорната речева сфера, произтича и от наличието на специфични структурни компоненти в състава им, а именно:

— антоними (същински или контекстови) — на едно слънце, на една месечина спали; отгоре белисана, отдолу вмирисана; мало и голямо; ни зряло, ни зелено; ни жив, ни умрял; там, дето отиваш, оттам се връщам; от едното влязло, от другото излязло; хвърлям празно за пълно; нищо нещо работа;

— синоними (по-рядко) — не било в тикви, ами в кратуни; от пусто в празно и т.н.

Активното функциониране на разговорните ФЕ се дължи на още една особеност в структурирането им, при която се разчита на употребата на еднакви синтактични конструкции в състава им — синтактичен паралелизъм. Нпр. “делник ли е, празник ли е”; “ни чул, ни видял”; “ни в клин, ни в ръкав”; “ни риба, ни рак” и др.

Въз основа на съществуващата “семантична симетрия в езика” семантично и структурно сходство може да се наблюдава не само вътре

¹ Ничева, К. Пак там, с.130.

¹ Бухарин, В.И. Комуникативный синтаксис в преподавании русского языка как иностранного. М., 1986, с.26.

в състава на ФЕ, но и между отделни ФЕ. Нпр. “ни врели, ни кипели” и “ни зряло, ни зелено”; “от дъжд на вятър” и “от ден до пладне”; “наливам масло в огъня” и “наливам вода в мелницата (на някого)” и др.

Не винаги могат да се диференцират или класифицират поотделно структурно-фонетичните особености на българските ФЕ. Обикновено те се наблюдават комплексно. Все пак основна роля за експресивността като съществена черта от гледна точка на комуникативността на българските разговорни фразеологизми има значението и образността. Емоционално-оценъчната експресия на разговорните ФЕ се ражда от съотношението между значението на нейната вътрешна форма и актуалното значение в речта.¹

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМИ С НЕПОЛНОГЛАСИЕМ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

М.А. Сокаль (Одесса)

Как справедливо писал академик И.И. Срезневский, “каждое слово для историка есть свидетель, памятник, факт жизни народа” (1959, с.30), и, без сомнения, несмотря на имеющиеся исследования, по-прежнему нуждаются в детальном изучении старославянизмы — т.е. слова, заимствованные из близкородственного старославянского языка. Их количество в языке трудно определить: “по А.А.Шахматову, церковнославянизмов в современном русском литературном языке больше половины, Ф.П.Филин считал, что “слов, усвоенных современным литературным языком из церковнославянского источника... не более трех-четырёх процентов” (Горшков, 1984, с.63).

Старославянизмы отличаются от исконно русских слов рядом фонетических, морфологических и семантических признаков. Однако наиболее определено о старославянском происхождении слова свидетельствуют признаки фонетические, среди которых одним из самых ярких является неполногласие. Научные изыскания о словах с неполногласием значительны. Однако при изучении как ранних памятников русского языка, так и художественных произведений XVIII-XIX вв. особенно тщательно исследовалось стилистическое использование старославянизмов. Меньше внимания уделялось значению полногласных и неполногласных форм. Например, генезис таких пар, как страна — сторона, храм — хоромы и под. не был еще предметом детального изучения.

Среди старославянизмов с неполногласием в современном русском языке можно выделить две группы: (1) группу, где неполногласные формы имеют полногласные пары, и (2) группу слов с неполногласием, не имеющих полногласных соответствий. Остановимся на краткой характеристике первой.

(1). В тех случаях, когда в современном русском языке параллельно сосуществуют дублетные пары, возникает вопрос: чем оправдана их сохранность в языке? Тем, что, существуя одновременно, эти слова различаются:

- либо семантически (1.1),
- либо стилистически (1.2),
- либо сферой употребления (1.3).

(1.1). Семантически дифференцировались в современном русском языке такие пары, как прах — порошок, хранить — хоронить, бразда — борозда и др. Обращаясь к истории этих пар, правомерно предположить, что они должны были иметь в какой-то мере различные значе-

¹ Васильева, А. Пак там, с. 178.

ния и в ранний период своей жизни. Остановимся подробнее на судьбе слов ворота и врата. По поводу этой пары Ф.П.Филин писал: "Семантического различия между **врата** и **ворота** в древнерусских летописях не имеется. Оба варианта используются в стилистических целях" (1949, с.104). Однако С.П.Обнорский, анализируя использование этих слов в "Слове о полку Игореве", отмечает, что неполногласная форма врата употреблялась в прямом значении (ср. "отворяеши Киеву врата", "отвори врата Новугороду"), а форма ворота — в переносном (ср. "затворив Дунаю ворота", "загородите полю ворота своими острыми стрелами") (1946, с.192).

Вероятно и другое толкование семантических различий этой пары: полногласная форма имела более широкое значение 'путь, вход, направление', а врата — более узкое — 'двери, ворота крепости, внешнего или внутреннего укрепления'. Возможность такого предположения подтверждается как данными памятников, так и словарями. Сравним в текстах (примеры из рукописей — см. Соколова, 1969, с. 213-216):

"Привлѣжнѣмъ къ вратомъ граду" (Остромирово евангелие), "Предъ враты монастыря" (Синайский патерик XIв.), "Створишася врата мѣдяна" (Повесть временных лет) — в этих текстах (количество их можно увеличить) слово врата имеет более узкое значение, равное нашему позднему значению 'ворота, двери'.

Для лексемы ворота показателен, например, такой контекст: "И есмь у тоне плотины для судового ходу дѣлати ворота, чтобы тѣмн ворота можно было судами ходити" (Уложение ... царя Алексея Михайловича, 1649), или устойчивое сочетание "князь **ворота отворилъ**" — т.е. 'сдался, открыл путь, дорогу, перестал сопротивляться' (Новгородская летопись, список XIII-XIV вв., Лаврентьевская летопись 1377 г. и др.). Они дают возможность понимать значение слова ворота как близкое к 'путь'.

Эти предположения подкрепляются и лексикографическими данными — иллюстративными примерами и толкованиями "Старославянско-го словаря (по рукописям X-XI веков)" (Ст.с.) и Словаря И.И.Срезневского (Ср.) Ср.:

Врата — 'ворота, дверь'. В подтверждение — контексты: "внѣдѣте жъкъми враты" (Зографское, Мариинское, Ассеманиево Евангелия); "врата адовъската съкроушивъ" (Супрасльская рукопись) (Ср. с., с. 122).

И.И. Срезневский врата толкует как 'дверь', а ворота — как (1) 'ворота'; (2) 'вход' — с цитатой из "Слова о полку Игореве"; "затворивъ Дунаю ворота"; (3) собственное название местности в Галицком княжестве (Ср., 1, с. 254).

В современном русском литературном языке лексема ворота функционирует в таких значениях: 'широкий вход или проезд, запираемый створами (в строениях, стенах, заборах), а также створы для запира-ния этого входа или проезда'; 'затворы шлюзов...', "узкий проход меж-

ду скалами, отмелями и т.п.' — с этим значением связаны топонимы Железные ворота (пролив в Онежском заливе Белого моря), Карские ворота (пролив между Новой землей и островом Вайгач) (МАС, 1, с.213).

К слову врата имеем лишь следующие пояснения: — пометы "книжное, устарелое"; — контексты: "Твой щит на вратах Цареграда" (Пушкин), "Пред вратами монастырскими" (Лермонтов); — устойчивое словосочетание (из сферы богословия) — Царские врата (МАС, 1, с.225). Т.о. словарная статья приближает значение слова врата к номинации двери.

Итак, полногласная форма, по сравнению с неполногласной, обладает более широкой семантикой, но в ходе собственного семантического развития сузила свое исходное значение 'вход, путь, направление'. Следы его сохраняются в топонимах, а также в архисеме терминологических значений слова ворота: — медицинского: 'место **вхождения** и **выхода** из какого-либо органа кровеносных и лимфатических сосудов' (МАС), ср. также **ворота заражения** — 'место **проникновения** инфекции в организм' (БАС); — спортивного: 'точно обозначенная защищаемая (от **проникновения**, **вхождения** мяча, шайбы... (М.С.)) часть поля каждой из двух команд при игре в футбол, хоккей и т.п.' (МАС).

Подчеркнем, что степень смысловых расхождений старославянизмов и слов с полногласием может быть различной. Так, напр., слова в парах древо — дерево, глава — голова, нрав — норов можно классифицировать как семантические синонимы. Иные отношения — в парах прах — порох, храм — хоромы, ограда — огород и под. Здесь налицо семантическая дифференциация. Напр., уже в древнерусском языке заимствование власть функционирует в значении 'власти', а древнерусское волость закрепляется для обозначения территориальной единицы, ср. также брашно — 'еда вообще, пища' и борошно — 'мука, ржаная мука' (См. Якубинский, 1953, с.318).

(1.2). Слова с неполногласием, имеющие полногласные соответствия, различаются не только семантически, но и стилистически, ср. пары золотой — златой, город — град, здоровье — здравие и др., где полногласные единицы представляют нейтральную речь, а устаревшие неполногласные придают речи торжественность.

Анализируя стилистические особенности старославянизмов в диахронии, необходимо подчеркнуть, во-первых, постепенное ограничение их функций, обусловленное ограничением функций церковнославянского языка, прошедшего путь от господствующего и даже единственного литературного языка (диглоссия Киевской Руси) — к стилистической разновидности русского литературного языка (что проявлялось наиболее ярко с XVII до вт. пол. XIX в.) — и до одного из стилистических средств придания торжественности повествованию, создания исторического колорита и пр. (в современном русском литературном языке).

Во-вторых, даже те образования, которые определяются как стилистические дублеты, в прошлом могли иметь несовпадающие парадигмы значений. Так, к примеру, номинация берег сейчас сохраняет свою семантику — выступает со значением 'край земли у водной поверхности' (МАС, 1, с.79). Ее полногласный вариант не был однозначным, но одно из значений — исконное — утратил. В старославянском языке значение слова *врѣгъ* — (1) 'крутой склон'; (2) 'берег' (Ст.с., с.102). Ср. у И.И. Срезневского *врѣгъ* (*врѣгъ*) дано в значениях: (1) 'скала' и (2) 'берег' с примерами из Остромирова евангелия: (1) "Оустрѣми сѧ стадо въсе свинок по врѣгоу в море" (МФ.УЩ, 32) (ср. греч. κρηνοσ "крутизна, крутая насыпь рва, утес") и (2) "Сѧ Ис при врѣзѣ" (Ио. XXI, 4) (ср. греч. αἰγιαλос — 'морской берег') (Ср., 1, 185). Для сравнения приведем еще один пример перевода греч. κρηνοσ: "Все стадо свиней бросилось с крутизны в море..." (НЗ, с.21).

То развитие значение слова берег шло метонимическим путем от общего ('крутой склон как определенный вид берега', 'высокий берег') — и вновь к общему ('берег вообще' — см. МАС, 1, с.114).

Заметим, что значения, подобные значению старославянского *врѣгъ*, сохраняются и в некоторых живых славянских языках. Так в словенском *brég* — не только 'берег', но и 'холм'; болгарское *бряг* — 'берег' и 'край оврага, рва, возвышенность'; в сербском литературном языке слово берег также многозначно, но значение 'небольшая горка, холм' вытесняет значение 'берег' (РМС, 1, с.269), и поэтому рус. берег в большей степени соответствует серб. обала.

Необходимо учитывать, что о старославянизмах как стилистической категории можно говорить только имея в виду русский язык прошлого (до вт. пол. XIX в.). А в современном русском языке особую стилистическую роль выполняют лишь некоторые из них, напр. *хлад*, *глас*, *здравие* (т.е. такие, которые являются архаизмами).

(1.3). Слова с неполногласием, имеющие полногласные пары, различаются также сферой употребления. Некоторые старославянизмы стали не только частью общеупотребительной лексики, но и вошли в диалекты. Ср., напр., диал. *прах* в некоторых выражениях выступает как эвфемизм для названия черта: "Прах те возьми!" (вятск.), "Прах его секани!" (смоленск.), диал. *враг* — 'черт, дьявол, сатана' (олонецк., архангельск. и др.) (см. Якубинский, 1953, с. 113-118; Петрова, 1973 и др.).

Старославянизмы, зафиксированные в диалектах, зачастую функционируют в таких значениях, которые не засвидетельствованы в русском языке XVIII-XIX вв. и в более ранних литературных памятниках. Часть старославянизмов трансформировала свое значение уже в самих диалектах. Но, изучая историю языка, особенно важно учитывать, что диалектные значения старославянизмов могут отражать их

семантику в разговорном языке книжных людей, из которого они проникли в диалекты.

Естественно, что приведенная нами схема анализа полногласных форм в русском языке нуждается в дальнейшей разработке и детализации, поскольку для изучения судьбы слов с неполногласием и их полногласных соответствий необходимо тщательным образом собирать материал и исследовать в диахронии значения компонентов каждой пары.

Литература

- Горшков А.И. Теория и история русского литературного языка. — М., 1984.
- Обнорский С.П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. — М., Л., 1946.
- Петрова З.М. Вопросы изучения лексики русских народных говоров // ВЯ, 1973, — № 1.
- Соколова М.А. К вопросу о церковнославянизмах // Вопросы теории и истории языка. — Л., Изд-во ЛГУ, 1969.
- Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка. — М., 1959.
- Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка (древнекиевской эпохи) // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И.Герцена. — Л., 1949. — Т.80.
- Якубинский Л.П. История древнерусского языка. — М., 1953.

Список сокращений:

- БАС Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. — М.; Л., 1950-1965.
- МАС Словарь русского языка: В 4 т. — М., 1985-1989.
- НЗ Новый завет (на славянском и русском языках). — 12-е изд. — СПб., 1903.
- РМС Речник српскохрватског књижевног језика: В 6 т. — Нови Сад, 1967-19776.
- Ср. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. — М., 1958.
- Ст.с. Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков). — М., 1994.

ДО ПИТАННЯ СЛОВ'ЯНО-ГЕРМАНСЬКОЇ МОВНОЇ СПІЛЬНОСТІ

В.Г. Таранець (Одеса)

Починаючи від Я.Грімма і А.Шлейхера існує точка зору, згідно з якою після розпаду індоєвропейської прамови деякий час існувала слов'яно-германська мовна спільність. Проведені впродовж більше ніж сторіччя дослідження не дають однозначної відповіді на поставлену проблему. Спільна для обох груп мов лексика опонентами кваліфікується як індоєвропейська за своїм походженням або розглядається як запозичена однією з мов, а звукові зміни — як загальнофонетичні, притаманні також мовам різних систем, у тому числі і не контактуючим між собою. До сьогодні не існує достовірного критерію, який би міг ствердити чи заперечити поставлену проблему (див.: Grimm, 1848; Schleicher, 1876; Георгиев, 1958; Мартынов, 1963; Stang, 1972; Непокупный, Быховец, Буниятова, 1989).

Важливим при розгляді названої проблеми є визначення часу співіснування слов'янських і германських мов. Такий час, як правило, називається після розпаду індоєвропейської прамови. По відношенню до германських мов це той період, коли в них діяли фонетичні закони Грімма і Вернера. Згідно з цими закономірностями індоєвропейські зімкнені глухі *p*, *t*, *k* змінилися в германських мовах на щілинні глухі або дзвінки, залежно від місця словесного наголосу. Подібні результати фонетичних змін треба допустити і в слов'янських мовах, якщо вони співіснували в цей час разом з германськими. Таким чином, для періоду слов'яно-германської мовної єдності допускається спільність рефлексів деяких індоєвропейських приголосних фонем. В нашому аналізі розглядаються такі приголосні, зміни яких виступають у вигляді різних інновацій у подальшому розвитку окремо германських і слов'янських мов.

1. Про такий спільний рефлекс свідчить розвиток і.-є. **k^w*-, який в прадавній час для германських і слов'янських мов реконструюється у вигляді **h^w* (див.: Таранець, 1996). Наприклад: герм. **hauhoz* “высокий, высота” — псл. *vys-okъ*, герм. **hgrabnoz* “ворона” — псл. **vorna*, дісл. *hann* “він” — укр. він, вл. wón, нл. won.

2. Важливим для розгляду вищезазначеної проблеми є розвиток індоєвропейського зімкненого гутурального **k*, який в германських мовах представлений щілинним **h* (по закону Грімма), а в слов'янських мовах перейшов у передньоязиковий **s* (див.: Семерень, 1980, с.70-75). В зв'язку з цим і стали розрізнятися мови групи кентум і сатем. Проте треба зазначити, що слов'янське **s* не могло проявитися безпосередньо з **k*, тут повинна була бути проміжна стадія. Із історичної фоно-

логії відомо, що в звукових переходах одноразово відбувається зміна лише однієї фонематичної ознаки, а потім іншої (див.: Стеблин-Каменский, 1953). Тобто, для слов'янських мов треба припустити зміну в напрямку: **k* → **h* → **s*. Проміжна стадія з приголосним **h* є спільною для германських і слов'янських мов. Це явище можна проілюструвати багатьма прикладами. Назвемо найбільш відомі: лат. *cor* — гот. *hairto* — ст.-сл. *srъdъse*; лат. *porcus* — днв. *far(a)h* — укр. *porosja*, а також: герм. **hauhoz* — псл. **vys-*, дісл. *hár* — укр. *siryj*, днв. *hewi* — укр. *sino*, днв. *hiutu* — укр. *sjohodni*, днв. *háhan* — укр. *rovisyty*. Розглянуте фонетичне явище притаманне тільки германським та слов'янським мовам, у балтійських мовах у розглянутій позиції засвідчено щілинний *š* (Семерень, 1980, с.75). Таким чином, наведений матеріал свідчить про спільний період розвитку слов'янських та германських мов, який перебував безпосередньо виділенню групи мов сатем.

3. До близьких за формою і спільних за значенням слід віднести герм. **dagoz* “день” і псл. **dънь*, первинним значенням яких є “світла частина доби” (Duden, т.7, с.698; ЭССЯ, вип.5, с.213). В наведених формах спільною є реконструйована початкова частина зі значенням і.-є. **dheg^w]h-* “горіти” та і.-є. **di-/*dei-* “світити”. Названі корені мають місце в словах: псл. *data*, англ. *tide* “час”, швед. *tid*, голл. *tijd*. Корінь псл. **dънь* зустрічається в гот. *sinteino* “завжди, в любий час”, *sinteins* “щоденно”; герм. **dagoz* у вигляді **tak-* має місце в рос. *сутки* (суток), де су- давній префікс “з, разом”, а також в ст.-сл. *четврътъкъ* “четвер”, *пѣтъкъ* “п'ятниця”, де *-тъкъ* має значення “день”. Наявність **тъкъ* є спільним для германських та слов'янських мов в давній час їх існування.

Наведений вище аналіз словоформ з урахуванням фонетичних змін у них дозволяє припустити спільне існування германських та слов'янських мов. Цей час приходиться на період розпаду індоєвропейської прамови перед виділенням із неї груп кентум і сатем.

Література

- В.И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. — М., 1958.
В.В. Мартынов. Славянско-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры (к прародине славян) — Минск, 1963.
А.П. Непокупный, Н.Н. Быховец, И.Р. Буниятова и др. Общая лексика германских и балто-славянских языков. — К., 1989.
О. Семерень. Введение в сравнительное языкознание (пер. с нем.). — М., 1980.
М.И. Стеблин-Каменский. История скандинавских языков. — М. — Л., 1953.
В.Г. Таранець, Рефлекси індоєвропейського **k^w* в слов'янських мовах //

- Слов'янський збірник, вип.1. — Одеса, 1996.
 Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) (под ред. О.Н.Трубачева). Вып.5. — М., 1978.
 Duden. Etymologie. Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Bd.7. — Mannheim — Wien — Zürich, 1963.
 J.Grimm. Geschichte der deutschen Sprache. Bd.II. — Leipzig, 1848.
 A.Schleicher. Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprache. 4. Aufl. — Weimar, 1876.
 Chr.S. Stang. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. — Oslo, 1972.

ОСОБЫЕ УКАЗАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ЧИЙШИЙСКИХ БОЛГАРСКИХ ГОВОРАХ БЕССАРАБИИ

Светлана Топалова (Болград)

Чийшийские говоры (названы так по имени самого яркого представителя — с.Чийший в Болградском районе)¹ или *туканские* (реже) — это болгарские переселенческие говоры в Бессарабии и Таврии, которые не имеют точного аналога на территории Болгарии (С.Бернштейн и его коллеги определяли их как мизийские τ -тип говоры², а в последних исследованиях русских болгаристов-диалектологов их соотносят с балканскими говорами³).

Этот тип говоров (по характерным его особенностям можно с уверенностью сказать, что это восточноболгарские говоры) характерен для десятка болгарских сел Бессарабии и Таврии (Измаил и село Каменка (Ташбунар), Тараклия (Молдова) и др.). Описываемое нами явление встречается в трех из четырех чийшийских сел Болградского района (Кальчево, Бановка, Чийший (Огородное). В четвертом, Импуцита (Владычены), не используются подобные формы. Таким образом, эти формы можно считать собственно *чийшийскими*.

Такие формы не зафиксированы в диалектах на территории Болгарии. Можно провести параллель между особыми указательными формами в чийшийских говорах и тройственной членной формой в родопских говорах: $-\tau$, $-\tau\alpha$, $-\tau\omega$, $-\tau\epsilon$ там используются с общим определительным значением, $-\tau\varsigma$, $-\tau\varsigma\alpha$, $-\tau\varsigma\omega$, $-\tau\varsigma\epsilon$ с "определително и показателно значение за предмети, които се намират в пространство близо до говорещото лице; $-\tau\eta$, $-\tau\eta\alpha$, $-\tau\eta\omega$, $-\tau\eta\epsilon$ с определително и показателно значение за предмети, които се намират в пространството далеч от говорещото лице"⁴.

В русском языке эту функцию (указание) выполняют неизменяемые слова: *вот* (*a вот*) указывает на близкое расстояние, *вон* (*a вон*) — на дальнее.

Чийшийские говоры хорошо отличают от других указательные местоимения: *тдѡ, тдѡ, твѡ, тдѣ; ундѡ, ундѡ, увѡ и ундѡ, ундѣ, тѣкѣф, тдл-кувѣ* и др. В качестве таковых могут использоваться и полные формы личного местоимения 3-го лица единственного числа: *нѣгу дѣн, нѣгѣ мѣш, нѣгу дитѣ*.

Особыми указательными формами в чийшийских говорах мы называем следующие формы:

	для близких предметов	для дальних предметов
мужской род	ѣйгѡ	ѣйгу
женский род	ѣйгѡ	ѣйгѣ
средний род	ѣйгѡ	ѣйгѣ

множественное	ѣг̀г̀е (Кальчево)	ѣг̀г̀и (Кальчево и Чийший)
число	ѣг̀г̀'а (Чийший)	
	ѣг̀г̀а (Бановка)	ѣг̀г̀ъ (Бановка)

Примеры: Ђѣ г̀и ѣдѣт. Ђѣ г̀е дѣ сви. Ђѣ г̀а дѣѣ брѣдѣвѣтъ (Кальчево); Ђѣ г̀у сѣ вѣждѣ. Ђѣ г̀д ѣдѣ. Ђѣ г̀ъ вѣрѣѣ. Ђѣ г̀ъ дѣ ѣдѣт (Бановка); Ђѣ г̀у трѣг̀нѣ. Ђѣ г̀'а дѣ сѣ. Ђѣ г̀ъ дѣѣ зѣ дѣлѣч, пѣк ѣг̀а дѣѣ зѣ блѣску сѣ кѣзѣѣ (Чийший) и др.

При “переводѣ” на литературный болгарский (и русский) формы звучат одинаково (теряется ориентация близкий/далекий предмет), срв. диал. Ђѣ г̀и фл'ѣвѣт и Ђѣ г̀е фл'ѣвѣт (Кальчево) — лит. болг. ето ги влизат — ето ги [там] влизат и ето ги [тук, сега] влизат = рус. (вон) они заходят и (вот) они входят, аналогично ѣг̀а (дѣѣ) кнѣг̀тъ и ѣг̀ъ (дѣѣ) кнѣг̀тъ и др.

Возможно, эти формы развились от характерного для болгарского языка т.н. “удвояване на допълнението”: лит. ето я кофата (ж.р.) и диал. ѣг̀д кѣзѣн'ъ и ѣг̀у кѣзѣн'ъ (м.р.) (в данном случае дополнение дублируется местоимением 3-го лица винительного падежа)⁵.

Эти особые формы в принципе есть не что иное, как сочетание (симбиоз) двух других форм: указательной частицы ѣѣ ‘ето’ и кратких винительных форм личных местоимений третьего лица ед. ч., срв.:

	Краткие винительные формы личных местоимений		лит. болг.	
	диал. чийш.			
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
1 л.	мѣ	нѣ	ме	ни
2 л.	тѣ	вѣ	те	ви
3 л.	гу	ги	го	ги
ж.р.	гѣ		я	
ср.р.	гу		го	

Возможно, это краткие личные местоимения, которые используются в качестве специальных указательных форм. Но, как видно при сравнении двух таблиц, не все “местоименно-личные” формы употребляются в диалекте отдельно, как-то: *го, га, ге (г'а, га)*.

Особые чийшийские формы могут использоваться в диалектах самостоятельно (или с формой *де(ѣ)* в ед.ч. и *де(сѣ)* в мн.ч. от наречия *къде* и глагола *сѣм*): ѣг̀у кѣзѣн'ъ; ѣг̀а дѣ сѣ и др. (см. выше). В этом случае они фигурируют в односоставных **указательных**⁶ (по классификации Ивана Недева) предложениях (синтаксическую функцию сказуемого исполняет частица *ето(ѣ)*), обычно с удвоенным прямым дополнением (ѣг̀у кѣзѣн'ъ).

Они могут использоваться совместно с другой указательной формой, точнее дублировать ее, усиливая ее значение: Зѣмѣѣ ѣг̀д ѣѣ тѣѣ рѣчѣкѣ. Ђѣ г̀д ѣѣ утѣѣ гу изѣвѣдѣ. Ф ѣг̀д ѣѣ тѣѣ врѣмѣ бѣши. Изѣмѣѣѣ ѣг̀у ѣѣнѣѣ чѣши. Ф ѣг̀д ѣѣ тѣѣ кѣрѣп тѣѣри и др. Интересно, что в этом случае в употреблении, как правило, только две формы: *ѣѣг̀д* для близкого предмета и *ѣѣг̀у* для дальнего предмета независимо от рода

и числа существительного (встречаются в других видах односоставных предложений).

Форма *ѣѣг̀д* используется и как указательная частица ‘ето’: Ђѣ г̀д ѣдѣ (Кальчево); Ђѣ г̀д утѣг̀авѣ зѣ дѣ кѣѣри (Бановка); Ђѣ г̀д ѣдѣскѣ тѣѣѣ ѣѣжѣ ф пѣтѣѣѣ клѣс ѣѣди (Чийший). В этом значении она встречается в речи носителей и балканских, и тракийских, и мизийских говоров в Бессарабии.

Итак, если в болгарском языке это обозначение близкого/дальнего предмета выражается с помощью указательных местоимений, то в чийшийских говорах существуют еще и особые указательные флормы. Они образованы из указательной частицы (“Предполагается морфема” по Б.Велчевой)⁷ ѣѣ и кратких местоименно-личных форм 3-го л.ед.ч. В.п. (формы *га, го, ге (г'а)* похожи на таковые, но не употребляются самостоятельно). В чийшийских селах Болградского района — Кальчево, Бановка и Чийшие — эти формы существуют и могут использоваться:

— самостоятельно — в этом случае они, как правило, дублируют дополнение с показательным признаком места: здесь (там, ближе) дальше и меняются по родам и числам (см. таблицу 1);

— с другой указательной формой (местоимением или наречием) — тогда употребляются только две формы: *ѣѣг̀д* для обозначения близкого и *ѣѣг̀у* для обозначения дальнего предмета;

— в примерах *ѣѣг̀д ѣдѣ* и под. форма *ѣѣг̀д* функционирует уже как указательная частица ‘ето’ (характерно для речи большинства бессарабцев).

Эти формы не имеют точного соответствия в других болгарских говорах (назовем их **чийшийскими**). Возможно, они появились в результате естественного языкового развития уже здесь, в Бессарабии.

Литература

1. Атлас болгарских говоров в СССР. М., 1958, с.35 и сл.
2. Там же, с. 12 и сл.
3. Клепикова Г.И., Попова Т.В. О значении данных лингвистической географии для решения вопросов истории болгарского языка. — Вопросы языкознания, 1968. № 6, с.102. Подробнее см.: Топалова, Св. Чийшийские говоры в Бессарабии. — Българите в Северното Причерноморие. Т. V. В.Търново, 375-382.
4. Стойков Ст. Българска диалектология. С., 1993, с.127.
5. Пашов П. Практическа българска граматика. С., 1989, с.262.
6. Такими предложениями автор называет: безподложни изречения с главен элемент частицата ето (респ. някой от нейните синоними: ей, е), които служат за посочване на предмет”. В: Недев Ив. Изречението в съвременния български книжовен език. С., 1993, 91-94.
7. Велчева Б. Показателни местоименни форми в българските говори (Обща типологическа характеристика). — ИИБЕ, Кн. XX, с. 233.

ГРУППА СЛОВ С ОБЩИМ ЗНАЧЕНИЕМ ЧИТАТЬ — ПИСАТЬ В “ЖИТИИ МЕФОДИЯ”

Н.В. Убийвовк (Тирасполь)

“Житие Мефодия” (1) — это один из важнейших источников, свидетельствующих о создании славянской письменности. Письменность в древнем обществе является показателем существования цивилизации. “Древняя цивилизация — это культура классового общества, овладевшего письменностью” (2, с.72). У индоевропейских народов древнейшая письменность зафиксирована во II тыс. до н.э. (хеттское письмо), однако археологи утверждают, что обнаружена еще более древняя, нерасшифрованная система письма, относящаяся к праиндоевропейскому периоду IV-III тыс. до н.э. (культура Винча) — (2, с.83).

Следовательно, славяне по сравнению с другими индоевропейскими народами поздно овладели письмом и в связи с этим поздно вступили на путь цивилизации.

Этот факт заставляет ученых искать свидетельства более раннего существования славянской письменности. Как одно из таких доказательств приводится цитата из “Жития Мефодия” *Іави въ философу словѣньскы книги и ави Іе оустроивъ писмена и весѣдоу съставяв* (1, с.192). Эта фраза трактуется так, что Бог показал Константину Философу уже существовавшие славянские книги и тот сразу же составил буквы (алфавит) и стал писать, пользуясь ими. То есть Константин не сам создал азбуку, а воспользовался с Божьей помощью уже существующей славянской системой письма. Значит, письмо и чтение были для славян не новой сферой деятельности, следовательно, для ее обозначения должна существовать целая группа слов, объединенная этой семантикой. Для выявления и исследования этой группы слов обратимся к тексту “Жития Мефодия”.

В “Житии Мефодия” для обозначения деятельности, связанной с письмом и чтением, используется небольшое количество слов: *кънига, писати, чьтѣти*, *боукве* — славянские лексемы и одно греческое слово *эпистолия*.

Наиболее употребительно слово *кънига* (встречается 11 раз) и образованное от него прилагательное *кънижьное*.

Слово *кънига* многозначно, можно выделить несколько его значений: 1 — текст священного писания и богослужебных книг — *словѣньскыя книги глюще* (1, с.192), *съказаннїа кънигы въ іазыкъ вашъ по всемоу цркъвномуу чиноу испъань* (1, с.193-194); 2 — чтение книг — *книгамъ прилежа* (1, с.191); 3 — письмо, послание — *постъла книги къ нему* (1, с.197); 4 — письмо, грамотность — *моужь оученъ же доврѣ въ латинскыя книги* (1, с.198).

Следует отметить синкретизм, нерасчлененность понятий, объединяющие все значения этого слова. Так, например, в контексте *іави въ философу словѣньскы книги* (1, с.192) слово *книгы* употреблено в таком нерасчлененном значении: буквы, грамота, священные тексты.

Прилагательное употреблено в сочетании: *да сѧ испълнитъ книжьное слово* (1, с.194) в значении *заповедь, закон*.

Обращает на себя внимание употребление существительного *книгы* только во множественном числе, преимущественно в форме именительного-винительного падежей, оно называет нерасчлененное множество составляющих.

Слово *книга* праславянское, его этимология окончательно не выяснена, известно лишь, что в праславянский период оно было заимствовано из тюркских или германских языков (3, т.ІІ, с.263; 4, с.204).

Вторыми по частотности являются образования от глагола *писати*. Употребляется приставочное образование в форме аориста *написа* и причастие прошедшего времени *написавъ*. Кроме того, используется однокоренное существительное *письмена* и *писание*, а также сложное слово *скорописъца*. Разнообразие форм и словообразовательная активность этой основы говорит о ее употребительности, привычности в речи. Существительные *писмена* в форме только множественного числа и *писание* тоже обозначают нерасчлененную множественность и часто употребляются как синонимы к слову *кънигы* для избежания повтора: *почтъше же апостоанковы книги оврѣтоша писаннїе* (1, с.196).

По происхождению глагол *писати* исконно славянский, не заимствованный. Как отмечают этимологические словари, этот глагол родственен со словами *пестрый, пестрить* (чертить, рисовать) и развил свое значение на их основе. Следовательно, еще в праславянский период появилась необходимость для называния деятельности, связанной с письмом (3, т.ІІІ, с. 266; 4, с.342).

Глагол *читать* (*чьтѣти*) употреблен в тексте 3 раза: с префиксами *про-* и *по-* в значении *читать: велѣху прочисти прѣдъ ними епистолю* (1, с.196), *почтъше же апостоанковы книги* (1, с.196). Один раз это слово употреблено в значении *читать, почитать: ва вонте сѧ цсрѧ чьтѣте* (1, с.192). Это слово исконно славянское, связано с древними значениями *читать, ценить, чтить* (3, т.ІV, с. 367; 4, с. 541). Новое значение возникло в праславянский период, что связано с появлением нового рода деятельности.

Всего один раз употреблено слово *боукы: не достонитъ никотороу же іазыкоу имѣти воукъвъ своихъ* (1, с. 192) в значении *буквы, грамота*. Это слово в праславянский период было заимствовано из германских языков, причем вначале пришло слово *бук* как название породы дерева, а потом появилось значение *письменность, письмо* по смежности, так как на дощечках из бука в древности изображались *писмена* (3, т.І, с.236; 4, с.52; 5, т.ІІІ, с.91-92).

Дважды употребляется греческое по происхождению слово *эпистолия* в значении *папская грамота, послание*.

В "Житии Мефодия" используется сравнительно небольшая группа слов со значением *писать — читать — письмо: кънига (книжнoиe) — (на)писати (написа — написавъ — писмена — писаннiе — скорописца) — читати (прочисти — почьтъше) — воуквы — эпистолия*. Глаголы, обозначающие действия *писать и читать*, — исконно славянские, не заимствованные, их новые значения, связанные с письмом и чтением, развились еще в праславянский период из более древних. Употребление глаголов немногочисленно. Значительно более частотны существительные: *кънигы — писмена — писаннiе — воуквы — эпистолия*, они связаны между собой синонимическими отношениями.

Заимствование слов со значением *писать*, а также развитие подобных значений у существующих слов в праславянский период говорит о появлении такого рода деятельности в то время. Этот вид деятельности был уникален, об этом свидетельствуют малоупотребительные глаголы *читать и писать*. В то же время результат этой деятельности — *письмена* был достаточно известен.

Подобное употребление слов этой лексической группы позволяет предположить, что славяне еще в праславянский период познакомились с какой-то системой письма, возможно, заимствовав ее у соседних народов, но владение ею — умение *читать и писать* — было крайне редким, доступным ограниченной группе людей.

Литература

1. Успенский сборник XII-XIII вв. — М., Наука, 1971, с.188-198.
2. Сафронов В.А. Индоевропейские прародины. — Горький, 1989.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М.: Прогресс, 1964-1973.
4. Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. — Киев: Радянська школа, 1970.
5. Этимологический словарь славянских языков. — М.: Наука, 1974...

ПАРЦЕЛЯЦІЯ ЯК ЗАСІБ ОРГАНІЗАЦІЇ ПРОЗОВОГО ТЕКСТУ

(на матеріалі чеської мови)

В.Є. Федонюк (Київ)

Парцеляція, яка розглядається як прийом еспресивного синтаксису, що полягає в розчленуванні єдиної реченнєвої структури на дві частини — базову і парцелят, в художніх творах чеських письменників починає використовуватися в XIX ст. Активне вживання парцельованих конструкцій у текстах різних жанрів зробило парцеляцію одним з найбільш популярних еспресивних синтаксичних засобів. В той же час об'єктом наукового дослідження вона стала лише в другій половині XX ст.

Широке застосування еспресивних синтаксичних конструкцій в чеській літературній мові, як стверджує А.Єдлічка (1), співпало за часом, з одного боку, з періодом формування нового, "модерного" стилю художньої прози, а з іншого, з добою удосконалення традиційного класичного епічного письма, пануючого у літературі протягом усього минулого сторіччя.

Матеріалом для дослідження стали тексти прозових творів, написані у 60-80-х роках XX ст. як письменниками, що вважаються класиками чеської художньої прози, так і авторами, що хоча і не досягли такого ж рівня визнання, проте твори яких набули популярності завдяки актуальності піднятих у них проблем тощо. Серед них твори Я. Козака, Б. Ржіги, О. Халоупки, Е. Петішки, Я. Бочека, В. Шубрта, М. Пашека та ін.

Аналізовані художні тексти відносяться до так званої "модерної" течії. Причому використання парцельованих конструкцій в них характеризується і кількісними (частота вживання зазначених конструкцій взагалі, частота використання певних типів парцеляції), і якісними показниками (способом і метою вживання, структурно-семантичними особливостями тощо).

Так, у творах, написаних у "модерній" манері, однією з головних ознак якої є наявність значної кількості розмовних за походженням елементів, парцельовані конструкції відрізняються великою частотою вживання та різноманітністю типів. Класична манера письма, навпаки, тяжіє до ускладнених простих речень та складних з багатьма підрядними, що не притаманні розмовній мові. Тому й авторська позиція, яка при традиційній манері викладу знаходить вираження у формі багатослівних міркувань, в "модерній" прозі передається за допомогою цілого арсеналу еспресивних засобів, що у сукупності і створюють своєрідний "рубаний" стиль. Саме ж панування в минулому сторіччі орієнтації

на епічну манеру письма стало однією з причин, чому більшість експресивних синтаксичних конструкцій, зокрема парцеляція ототожнювалися дуже довго чеськими лінгвістами із відхиленням від літературної норми, помилками, неправильно побудованими виразами.

При відтворенні динамічного світу сучасності, коли кожний предмет, явище сприймається з урахуванням численних його пізнаних якостей і зв'язків, у автора твору виникає необхідність подати свою оцінку описаного більш виразно, рельєфно, але ненав'язливо. Парцеляція, як показує проаналізований матеріал, і стає таким засобом авторської акцентуалізації, актуалізації змісту твору. Так, наприклад, у висловлюванні: *Vzpomněl si na svůj psací stůl z kaukazského ořechu, na své křeslo čalouněné hladkou kůží, na svou niklovanou stolní lampu a na měkký koberec. Který pokrývá v jeho pracovně parkety. Na gauč, obsypaný pohodlnými polštáři* письменник, подаючи перелік реалій, що символізують нормальне мирне людське життя і одночасно виносячи за межі речення, у парцелят опис однієї з них, а саме тієї, що відтворює те найнеобхідніше, що потребує людини після важкої нервової праці, не лише цим підвищує напруженість описаного моменту, але й одноразово дає оцінку моральної позиції свого героя, рівню його патріотизму і відданості батьківщині.

Цікавим є те, що, як правило, в таких випадках парцеляція відбувається саме на базі речення з невеликою кількістю однорідних членів, а отже не було потреби зменшувати його довжину заради полегшення сприйняття змісту. Парцелят при цьому характеризує особу чи предмет з якогось дуже суттєвого, важливого боку. Автор у такий спосіб не лише виражає свій погляд на зображуваний ним шматок дійсності, але й сприяє повнішому, глибшому сприйняттю вкладених у текст сентенцій.

Цілком зрозуміло, що функція, яку грає парцельована конструкція у тексті, знаходиться у зв'язку не лише з наміром автора, але й з структурою конструкції, на основі якої здійснюється парцеляція, з формальною та змістовою характеристиками тексту в цілому. Виносячи певні частини речення у парцелят (особливо в тих випадках, де можливі варіанти парцеляції), автор використовує цей прийом як засіб передбаченого, несподіваного для читача членування дійсності. Саме ж протиставлення варіантів можливої парцеляції та її конкретної реалізації у тексті створює сильний експресивний ефект. Низка таким чином виділених автором елементів тексту утворює своєрідну систему координат, яка і організує певною мірою текст твору, впливає на сприйняття його читачами.

Посилюється ефективність впливу парцеляційного членування і в тих випадках, коли у парцеляті повторюється елемент базової частини, до якої він відноситься. Така ситуація складається найчастіше тоді, коли парцелят належить до так званих обов'язкових членів речення.

У випадку, коли парцелят є одним з багатьох однорідних членів речення, наявність яких якоюсь мірою ускладнює сприйняття змісту, парцеляція зберігає смисл та полегшує розуміння тексту. Особливо яскраво ця його функція виявляється у ситуаціях, коли парцеляція здійснюється на базі складних речень, що мають низку однорідних та взаємно пов'язаних підрядних речень, велика кількість яких у межах одного речення веде до нечіткості сприйняття зв'язків між елементами дійсності, ними означеної. При поділі на частини-парцеляти і базови таке речення стає зрозумілішим, а елементи рельєфнішими у смислово-відношенні і вже не губляться у розмаїтті відтвореної картини, напр.: *Ono je to složitější, rozuměj, řekli mi, abych přivezl doktora, ale dobrého doktora. Který si vi rady, i kdyby šlo o těžký případ, jestli mi rozumíš. A takej spolenlivého, to hlavně, aby byla jistota, že je spolehlivý.*

Поділ одного речення на кілька парцелятів сприяє тому, що, з одного боку, підвищується смислове навантаження кожного конкретного його елемента, а з іншого, всі вони у сукупності не втрачаючись, створюють своєрідну мозаїчну, багатогранну гармонійну єдність.

Ще однією функцією, яка, до речі, зближує парцеляцію з такими експресивними засобами як еліпсис та повтор, є економія мовних засобів. Протиріччя, що виникає між тяжінням письмового мовлення до ускладнених синтаксичних форм і спроможністю людини сприйняти і зберегти в пам'яті обмежену кількість елементів інформації, примушує автора, враховуючи це, скорочувати довжину вислівів, подрібнювати, членувати їх, як результат це теж приводить до виникнення парцельованих конструкцій. При цьому одночасно з економією мовних ресурсів виникає і своєрідне згущення, конденсація смислу твору.

У той же час таке парцеляційне членування тексту, при активному його використанні (особливо це стосується так званої абзацної парцеляції, при якій парцелят стає початком нового абзацу, а разом з тим називає тему нової частини тексту) сприяє поєднанню частин тексту. Парцеляти, подібно нитці, прошивають тканину тексту, зближують різні його частини, поєднують в одне ціле. Часте використання абзацної парцеляції дає можливість створити сильний емоційний ефект. Цей тип парцеляції проте не знайшов у сучасній чеській прозі широкого розповсюдження. Як приклад, наведемо конструкції з абзацною парцеляцією з роману О.Халоупки "Ця хвилина, ця мить":

Řekla také: Tento prostor se jednou musí stát německým a Čech tady už nemá koneckonců co pohledávat.

Koneckonců.

Vpsledku.

(1)

Z takového letáku mohou být jen nepřijemnosti.

Větší nepřijemnosti, než se zdá na prvý pohled.

(2)

Je to poněkud jiný úsměv, než první.

Dost jiný úsměv.

(3)

Абзацна парцеляція таким чином поділяє текст на окремі тематично обособлені частини. Причому сам парцелят, що розпочинає новий абзац, не є, як правило, простим повторенням елементу (елементів) базової частини, він поширюється, конкретизується означенням чи обставиною, які дуже часто і уточнюють нову тему оповіді.

Аналіз явища парцеляції в межах текстів чеської художньої прози 60-80-х років ХХ ст. показує, що парцеляція як прийом експресивного синтаксису є явищем багатофункціональним. Вона стає не лише засобом вираження авторського світобачення і оцінки, актуалізації її в художньому тексті, але й сприяє смислосбереженню та полегшенню сприйняття змісту твору в цілому. Близькість її за походженням і формою до приєднувальних конструкцій розмовного мовлення дає можливість вживання парцельованих конструкцій для поживлення діалогів. Парцельовані конструкції, що створюють ефект непередбаченості, в свою чергу, додають тексту новизни при інтерпретації описаного матеріалу. Сукупність характеристик, представлених різними типами парцеляції в узагальненій формі, репрезентує те найважливіше, що хотів сказати автор, заради чого створював твір, брався за перо.

Література

1. Alois Jedlička. Spisovný jazyk v současné komunikaci. Praha, 1976.

ВЛИЯНИЕ ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКА НА ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОЙ КОСМОНИМИИ XVI-XVII ВВ.

(знаки Зодиака)

Л.Ф. Фомина, Б.Н. Фомин (Одесса)

Система космонимов в восточнославянских языках выявляет на современном этапе развития оппозицию двух четко противопоставленных подсистем наименований — народных и научных. Научная космонимия начала формироваться в недрах памятников южнославянской письменности на мироведческую тематику, переведенных с греческого языка, пришедших на Русь в XI в. и обращавшихся вплоть до XVIII в. Это византийско-южнославянская линия в космонимии.

Другое направление, по которому шло влияние на восточнославянские языки в сфере астрономической номенклатуры, начинается в период сближения русского литературного языка с европейскими, а это связано, по мысли Л.А.Булаховского, “с проникновением в него полонизмов” (1, с.30).

Влияние польского языка на русский начинается с XIV в., затем усиливается в XVI в. в связи с социальными причинами (борьба Ивана Грозного за выход к Балтийскому морю) и становится особенно интенсивным в XVII в., когда в русском языке появляются не отдельные слова польского происхождения, а целые пласты полонизмов.

Кроме того, польский язык становится посредником в передаче латинизмов и романизмов в восточнославянские языки, вначале в староукраинский и старобелорусский (9, с.5). Иллюстрацией этого положения может служить сборник астрологических статей XVI в., хранящийся в Белорусской государственной библиотеке под N222, о котором сообщила Л.Г.Моценская (3, с.109-113). А.И.Соболевский в свое время рассматривал два астрологических сборника XVI в., Виленский и Холмский, подчеркивая полонизированный характер их языка (7, с.412-425).

В космонимии статей белорусского сборника (далее — БГВ) отразилось польское влияние, а через польский язык — и латинское. Прежде всего это выразилось в многочисленных транслитерациях латинских названий для всех знаков Зодиака: Овен — **Ариос** (Aries), Близнецы — **Еминий** (Gemini), Рак — **Канцыр** (Cancer), Дева — **Вирго** (Virgo), Весы — **Либра** (Libra), Рыбы — **Пистесь** (Pisces) и др.

Славянский ряд обозначений-аналогов в этом сборнике и в целом в это время (XVI-XVII вв.) также в значительной степени полонизирован.

Зодиакальный цикл, как известно, открывает созвездие **Овна**. Традиционное уже для XV–XVI вв. название **Овeнь** начинает конкурировать с наименованием **Баранъ**. Например, в рукописи конца XVII в. “Переводъ съ того, которыя земли и государства подъ которою планетою лежащя...”, переведенной с польского языка, читаем: “Подъ планетою барана. Нѣмецкая земля, Францусская, Аглинская, Малая Польская” (7, с.145). Его же использует Епифаний Славинецкий в переводе Атласа Блеу — “Зерцале всея вселенныя” (Q. XVII.6, л.17). Но более мощным и устойчивым, чем польское и латинское, оказывается южнославянское обозначение **Овeнь**: в том же сборнике БГБ оно употребляется 21 раз при двукратном употреблении номинации **Боранъ** (3, с.110).

Космоним **Юeнецъ**, характерный прежде для византийско-южнославянских памятников как обозначение созвездия **Тельца**, обретает дубликаты **Бык** и **Тур**. В XVI в. начинает набирать силу и термин **Телець** (впервые отмеченный в Изборнике 1073 г. **тельць**, но до XVI в. нами не регистрируемый). Обнаруживаем его в переводе Богословия Дамаскина (перевод XVI в. Курбского и Оболенского), в том же сборнике БГБ, для которого он оказывается также достаточно характерным (7 употреблений). Однако в XVII в. возобладало над другими наименованием **Телец**. Причина этого, по нашему мнению, состоит в следующем.

Если обобщить материалы XV–XVI вв., то окажется, что космоним **Юeнецъ**, как мы уже сказали, характерен в основном для византийско-южнославянской линии в русской мироведческой литературе, а **Телець** — для латинско-польской. Аппеллятив **юeнецъ**, имевший в древности спектр значений, актуализирует сему незрелости и в определенный момент перестает удовлетворять переводчиков и создателей оригинальных астрологических сочинений. Наименование **телець** лишено этого недостатка (для космонима), ведь переводчики XVII в. оперируют латинским астрономическим термином **Taurus** “**Бык**” и его польскими эквивалентами **Вук** и **Тур**.

Название созвездия **Близнецы**, следующего зодиакального знака, также претерпело в своей истории ряд смен, преимущественно грамматических и лексико-словообразовательных, не избежав, как мы полагаем, воздействия со стороны польского языка.

В литературе второго южнославянского влияния XV в. преобладает наименование **Близнець**, у которого форма единственного числа (вопреки мифологической мотивации: близнецы **Кастор** и **Полидевк**) возникла, как можно предположить, в результате давления всей системы зодиакальных названий, где доминирует форма *singul. tantum*.

В XVI в. вариативность повышается. К известному названию **Близнець**, которое сохраняет приоритет и в это время (24 употребления), прибавляется космоним **Близнята**, зарегистрированный в БГБ 10 раз

(3, с.11). Его находим и в Богословии Дамаскина в переводе XVI в. Сходство номинаций этих двух памятников не случайно. Курбский и Оболенский предприняли полный перевод Богословия Иоанна Дамаскина (в отличие от Иоанна Экзарха Болгарского, переведшего только 48 глав из 100) тогда, когда А.М.Курбский находился в эмиграции в Польско-Литовском государстве (5, с.156), в состав которого входили часть Украины и Белоруссии. Таким образом, появление космонима **Близнята** может быть объяснено воздействием польского или украинского языков, хотя апеллятив **близнята** известен и русскому литературному языку XVI–XVII вв. (6, вып.1, с.241). Стабилизация названия в современной форме **Близнецы** произошла лишь к концу XVIII в.

В истории названия знака **Весы** переломным моментом следует считать именно распространение переводов с польского языка и тем самым опосредованная ориентация на научную латынь. Поляки называли этот знак **Waga**. Е.Славинецкий пользуется украинизмами **ваги** и **важки** (2, с.255).

В памятниках, отражающих византийское влияние, чаще всего употреблялось наименование **яремъ**, которое возникло в результате омонимичности греч. названия ζυγος: 1) “яро”, 2) “весы”. Полонизация космонимии приводит к правильной передаче семантики термина: не случайно первая фиксация наименования **вѣсы** относится к западно-русским рукописям XVI в. В статье “Осени 12 звѣзды” Виленского сборника читаем: “Афродитѣ служить туръ а вѣсы” (7, с.425). Авторы XVII в. пользуются уже преимущественно космонимом **вѣсы**.

Созвездия **Рака** и **Льва** обрели свою номинативную форму **ракъ** и **лѣвъ** уже в Изборнике 1073 года. Варьировалось впоследствии лишь графическое выражение знака **Льва**: в русских памятниках XV–XVII вв. употребляется в основном форма **лѣвъ** (иногда даже **лѣвъь**), в южнославянских памятниках XV–XVI вв. — **лѣвъ**. Точно так же и у космонима **Стрелец** изменялась лишь буквенная сторона: **стрѣльць**, **стрелець**, **стрѣлець**.

Не коснулось западное влияние и названия знака **Девы**, сложившееся в недрах южнославянской астрономической традиции.

Наиболее распространенным названием знака **Скорпион** в русском литературном языке XV–XVII вв. было слово **скорпія** (с вариантами **scoropia**, а в БГБ — **шкорпія** и др.). Интереснейшее из восточнославянских наименований — космоним **Медведка** (**Медветка**, **Мядвядок** — БГБ), показывающий, что экзотический скорпион ассоциировался со знакомым земляным насекомым медведкой. Е.Славинецкий приводит в “Славяно-латинском лексиконе” любопытную вариацию на эту тему по отношению к апеллятиву: **Медвѣдокъ червь**. Scorpio. Scorpius. (2, с.466).

Название **Скорпион** появляется в рукописном сборнике “Острологія” XVII в., в статье “О лунѣ...”. В.Н. Перетц, собравший “Материалы к

истории апокрифа и легенды”, указывал, что статьи этого сборника “несомненно польского происхождения, пришедшие в русскую литературу не ранее XVII века” (4, т.2, с.112). Аpellлятив **скорпион** вошел в русский язык из западноевропейских языков в XVIII в., его первая лексикографическая фиксация — 1762 г. Название же зодиакального созвездия появилось намного раньше, и это объяснимо обилием астрологической литературы, обращавшейся на Руси в XVII в.

Десятым знаком Зодиака считается в астрологии знак **Козерога**. Название **козерог** появилось среди астрономических терминов не сразу. В XV в. в астрономической литературе южнославянского толка употребляются 3 варианта названия этого созвездия: **козорогъ**, **козирогъ** и **козорожець**.

Большое распространение в XVI-XVII вв. получают два других обозначения: южнославянизм **Козій рогъ** и его русский эквивалент **Козей рогъ**; последний только в сборнике БГБ употреблен 20 раз. С калькой лат. *Sarag* “Козел”, другим, кроме *Saricornus*, латинским названием этого знака, встречаемся на страницах статьи “**Сказаніе о седми звѣздахъ великихъ**” Холмского сборника:

“Я есмь козель,
Яко злый посоль,
Я крови никому не пуцаю,
Бо в том части я¹ не имаю” (7, с.426).

О языке этой статьи А.И.Соболевский замечает: “Язык — западно-русский, со множеством полонизмов” (7, с.427).

Космоним **Козел** является отражением латинского влияния на восточнославянскую космонимию через польское посредство. Современная форма **Козерог** появляется в XVII в. как результат лексикализации терминологического сочетания **Козей рогъ**.

Такую же пеструю картину наблюдаем в номинации созвездия **Водолея** в XVI-XVII вв. Само название **Водолѣи** (и **Водолей**) появляется довольно часто и в оригинальных русских сочинениях, и в произведениях южнославянского влияния, и в переводах с польского и латинского языков. В качестве примера можно назвать рукопись “Совещание божественных дел”, перевод с латинского Д.Герасимова, в которой дается следующая интерпретация этого наименования:

“Первое на десять водолѣи, сице речено, зане время то водами и вѣтры гобзующе” (8, л.5 об.).

В XVII в. название **Водолѣи** становится хотя и не единственным, но самым распространенным обозначением этого зодиакального знака.

¹ В другом списке: *щастія*

Примечательны фонетические и морфологические варианты этого космонима. В “Космографии”, входящей, по данным А.И.Соболевского, в западнорусский сборник XVI в., встречаем форму **Водолиі** (7, с.412), которая отражает закономерный для украинского языка переход **ѣ** в **і** (ср. современное укр. **Водолій**). Морфологическому варьированию подвергается термин **Водолѣи** у Курбского, который оформляет его как существительное общего рода: **Водолѣя**. И в одном из списков “Лексикона латинского” Е.Славинецкого есть космоним **Водолѣя** (**знаменіе небесное**) (2, с.89).

Латинское влияние представлено транслитерациями лат. *Aquarius* (**Авквариос**, **Уквариос** — Холмский и Виленский сб.), а также семантической калькой **Водникъ**, проникшей в БГБ, по всей вероятности, из польского языка (ср. польский космоним *Wodnik*). Однако польский язык не ограничивался только функцией ретранслятора латинской терминологии, но через старобелорусские и староукраинские памятники передавал русскому языку и свои оригинальные названия. В Виленском и Холмском сборниках XVI в. обнаруживаем целый пласт такой, идущей из польского языка, астрономической, а точнее, астрологической лексики.

В упоминавшейся статье “**Сказаніе о седми звѣздахъ великихъ**” знаки Зодиака рассказывают о своем воздействии на человека. Водолей, как недобрый знак, устрашает:

“Я есмь водка черных матка,
Гневливых права служба.
Я изъ жилъ завжды кровь пуцаю,
А голени ся не дотыкаю” (7, с.427).

Название **Водка** экспрессивно окрашено. В белорусском сборнике целый ряд таких космонимов: **Рачек**, **Девка**, **Девечка**, **Стрелка**, **Бычок**, **Рыбка** (3, с.109-112). Уменьшительно-ласкательные и грубовато-фамильярные формы наименований знаков Зодиака обусловлены их астрологической функцией — быть добрыми или злыми, казнить или миловать людей.

Годовой цикл зодиакальных знаков завершается созвездием **Рыб**. В основном история названия знака **Рыб** представляет собой историю борьбы форм единственного и множественного числа, которая началась еще в древнейших памятниках XI-XIII в. В XVI в. соотношение космонимов **Рыба** и **Рыбы** еще остается в пользу первого. Это можно проиллюстрировать такими цифрами: в имеющихся в нашем распоряжении источниках XVI в. зарегистрировано 19 употреблений формы **Рыба** и 11 — **Рыбы**. В памятниках XVII в. доминирует космоним **Рыбы** и, очевидно, к концу века оно утвердилось как единственное, соответствующее значению как латинского источника, так и греческого.

ТЕКСТУАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ДАННЫЕ О ГЛАВНОЙ ПРИЧИНЕ КОНЦА ВЕЛИКОМОРАВСКОЙ МИССИИ

Павел Шима (Братислава)

При ликвидации великоморавской миссии Кирилла и Мефодия важную роль играло несколько факторов. Историография придает главный вес геополитическим факторам, соотношению сил в Европе тех времен (4:43). Палеослависты — языковой проблематике и переводческой деятельности (11:35). Иной раз подчеркивают недоразумения в правомочиях римской и греческой церкви (7:7). Экзегетические аспекты доктрины моравской школы остаются в стороне. Отдельные исследователи хоть и упоминают о них, но не придают им решающего значения (10:222).

Жития и Похвалы Кириллу и Мефодию, труды Климента Охридского и Иоанна экзарха Болгарского, древнерусское летописание и агиография сохранили достаточное количество данных для того, чтобы мы могли считать главной причиной ликвидации моравской школы как раз экзегетические доводы.

Из Жития Кирилла мы узнаем, что к агарянам, не понимавшим, как могут христиане чтить одного бога и разделять его на три составные части, византийский император решил послать как раз Кирилла и обосновал свой выбор словами: "...то яко светые троице сы слуга и ученик". Кирилл согласился с воодушевлением: "...С радостью иду ... что бо есть мне слаждыше на семь свете, нъ за светую троицу живу быти и умрети" (18:103).

Будучи отроком, Кирилл "уче се из уст книгами Григория Богослова", он же составил ему похвалу, подчеркивая в ней: "уста бо твоя... бога прославляют и вселенную просвещают правые веры казанием" (18:97).

Ортодоксия будет решающей и при согласии Кирилла возглавить моравскую миссию, но лишь при условии, что у мораван есть письмо. В качестве аргумента приводится: "кто может на воду писать и еретическо име себе обрести" (18:129).

Это слова Кирилла, который уже прослыл и учителем казар, подчинившись поручению императора: "иди философе к людемъ сим и сътвори слово и ответ о светей троици... инъ бо никто не может достоино сего творити" (18:109). Увлеченный этим поручением, Кирилл ответил: "...Владыко ... с радостью иду пеш и бос", на этот раз еще не огораживая себя от ереси.

В годы интеллектуальной зрелости Кирилла проблематика св. Троицы была центральной в экзегетике византийской церкви. Быть ее слугой означало не только высшее признание, но и жизненное предназна-

Таким образом, польское влияние на формирующуюся систему названий знаков Зодиака в XVI-XVII вв. состояло в прямой передаче латинской космонимии в восточнославянские языки, а также в выравнивании семантики этих космонимов на содержание научных латинских терминов. Кроме того, под воздействием польского языка некоторые наименования стабилизировались в той форме, в которой функционируют и сегодня.

Современные украинские названия знаков Зодиака обнаруживают заимствованный, вторичный по отношению к русским характер (кроме космонима **Терези**). Здесь и старославянские лексемы **Овен**, **Телець**, и собственно русские **Козерог** (из **Козей рог**). Однако если обратиться к истории становления этих единиц научной номенклатуры, то окажется, что староукраинский язык, особенно в XVI-XVII вв. нередко первым воспринимал западное влияние и ретранслировал его дальше, в русский язык, оказывая ему тем самым неоценимую услугу.

Литература

1. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка: Исторический комментарий. — Киев: Рад. школа, 1953. — Т.2. — 443 с.
2. Лексикони С. Славинецького та А.Корецького-Сатановського. — Київ, 1973.
3. Мощенская Л.Г. Названия созвездий и планет в старобелорусском языке XVI в. //Беларуская лексікалогія та этымалогія. — Мінск: АН БССР, 1968. — С.109-113.
4. Перетц В.Н. Материалы к истории апокрифа и легенды: В 2 т. — Спб., 1899-1901.
5. Райнов Т. Наука в России XI-XVII вв.: Очерки по истории донаучных и естественнонаучных воззрений на природу. — Ч.1-3. — М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — 507 с.
6. Словарь русского языка XI-XVII вв. /Гл. ред. С.Г.Бархударов. — Вып. 1. — М.: Наука, 1975.
7. Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков: Библиографические материалы. — Сборник ОРЯС АН, т.74, 1903.
8. Совещение божественных дел. /Пер. с лат. Д.Герасимова с инкунабулы 1486 г. — Рукоп. ГПБ., Погод., N1121, Л.1-47, XVI в.
9. Leeming H.Rola języka polskiego w rozwoju leksyki rosyjskiej do roku 1696: Wyrazy pochodzenia łacińskiego i romańskiego. — Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk: PAN, 1976. — 115 s.

начение. это характерно в равной мере и для учителя Кирилла — Фотия, работавшего над апологией и разъяснением этой догмы (16:35), ставшего одним из философских наставников самого Константина-философа, “первоучителя” славян (13:180).

В Похвале Кириллу Философу ее автор не забыл подчеркнуть, что Кирилл “...аще где ощущаше какову яхлу о божественем образе, то яко крилат прилеташе на все страны асылными притчами съблзны все разарае и научае правоверию ... тръсветлыми //троичными зарами //тръбезначальным светом //тръбезначального божества зарею яко солнце сия //сияе //блистае се” (17:35-70).

Учение о Троице стало животрепещущим на западе уже с IV столетия, на востоке — с VII, причем к еретикам причислялись патриархи и архимандриты (9:32-33). Данные Епифания и Антиоха говорят о 83 концепциях Троицы к VII веку (12:196-97). Престижность темы находит свой отголоски даже в XV веке в Житии Сергия Радонежского. В нем говорится: “Лепо же баше и сему младенцу трижды провозгласити в утробе матери сушу, прежде рождения, прознаменуя от сего, яко будет некогда троичный ученик, еже и бысть, и многи приведет в разум и в уведение божие, уча словесныя овца веровати в святую троицу единосущную, в едино божество” (20:274).

Своеобразные толкования Троицы сурово наказывались. Арий “был сослан, и на сирмийском соборе, созванном арианским же цесарем, его били и принудили подписать отречение” (3:105; 5:62, свободный перевод — П.Ш.).

В последнее время историки стали сводить значение моравской школы к просветительско-культурной деятельности (4:98). Юридические аспекты — перевод Эклоги и Номоканона — уже не считаются важными из-за того, что были непригодными для Великой Моравии (1:184). Итак, если оставим в стороне крайние взгляды, будто миссионеры работали и шпионами (6:11), то остаются в силе только указанные юрисдикционные и экзегетические аргументы. Из-за юрисдикционных недоразумений высшие сановники вряд ли прибегали бы к столь суровой расправе над архиепископом Мефодием и его учениками. Параллелизм с аналогичными расправами, о которых шла речь выше, кажется весьма показательным. Это тем более правдоподобно, что в послании папы Стефана V есть явные намеки на заблуждения Мефодия: “... sme počuli, že Metod sa oddáva poverám, nie vzdelanú, srogom a nie rokoju, veľmi sme sa začudovali” (10:221). Гораздо более острое замечание Мефодию делает Иоанн VII: “...tu... populum in errorem mittas” (18:71).

Несмотря на то, что уже в Пандектах Антиоха (12:23-4) было сказано: “мудрость бо плъная вражда на бога есть, закону божию не повинуется”, несмотря на то, что у Климента Охридского читаем: “Бог же есть свѣтъ вѣсвѣсным и бесконечным ни умом изумьн ни словом излаго-

лань” (19:240), все же в истолковании догмы о Троице нуждались не только “грубые” христиане, “проста чадь”, по Ф.Реппу, необразованные люди (15:178), но и представители высших общественных слоев, что, как известно, имело место и при Святополке: “Князьт едвам разбрал малко нешто от казаното, защото бил съвсем тъп, за да може да разбере нешто от божествените работи...” (8:109).

Обратим внимание хотя бы на процедуру обозначения обозначаемого в древних славянских текстах, излагающих триипостасную Троицу. Лексема ‘свет’ становится синонимом всей Троицы в целом, Отца, Сына, но и ангела, а также человека в отдельности; ‘слово’ — Сына и Отца; ‘сила’ — Троицы, Сына, Духа; ‘сияние’ — Троицы и Сына; ‘власть’ — Бога и Духа. Мы ожидали бы, что синонимы будут распределяться равномерно на всю Троицу с ее неотделимыми составными, но такую дистрибуцию не наблюдаем у синонимов ‘слово’ и ‘власть’. Свет и сияние эксплицитно не покрывают Духа, который лишь имплицитно предполагается в составе Троицы. То же самое относится к синониму ‘власть’, не представленному у Сына, равно как и у Троицы в целом. Не употреблялись синтагмы для детерминации типа *всевластный, всесияющий Бог*, хотя вошла в употребление детерминативная синтагма (*три)светлое божество*. Композиты с *все-* уступают таким же с *едино-*, хотя в равноипостасной Троице предполагалась бы и функциональная тождественность. У Троицы речь идет прежде всего о дифференцированной функциональности ее ‘членов’, ‘составов’, ‘собств’, ‘свойств’, ‘имен’.

Из всего сказанного становится достаточно ясным, что вопрос тринитарной ортодоксии не ограничивался добавлением к Символу веры “и от Сына исходящего”. Взаимоисключающие взгляды вызывали и попытки передавать языковыми средствами непостижимую догму о Боге. И как раз необходимость объяснить эту догму привела, по меткому определению Е.М. Верещагина (2:223), к первому терминотворчеству у славян.

Иной терминотворческий слой находится именно там, где мы встречаемся с изначальным термином ‘слово’. Это так называемый апофатический прием терминотворчества типа ‘безвременно’, ‘бесконечно’, ‘безлетно’. Компактность целого — Троицы — передается здесь при помощи префиксов со значением ‘вместо’: ‘събезначально’, ‘съприсносущно’, ‘съпрестольно’, ‘сълично’ (9:518).

Эти термины можно считать гапаксами (21). Об этом говорит и источник, из которого черпал Климент Охридский (19:518) — Синайский эвхологий XI в., возникший на территории Македонии (22:LXVI), но имеющий непосредственное отношение к Великой Моравии. И только раз такой же термин — безвременьт — находим в Супрасльском кодексе, возникшем в том же веке, но в восточной Болгарии (там же:LXVII).

Сказанное можно подытожить следующим образом: для ликвидации моравской миссии решающим было как раз учение об ипостаси

християнського божества. Все остальное аспекты деятельности моравской школы играли второстепенную роль. Обвинение в схизматическом учении подкреплялось, конечно, учением об исхождении Духа, но и привлечением языковых средств для толкования единого Бога с его тремя составными, их природы и функционального предназначения.

Литература

1. Вечерка Р. Письменность Великой Моравии // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М. 1985.
2. Верещагин Е.М. Великоморавский этап развития первого литературного языка славян: становление терминологической лексики // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М. 1985.
3. Vystrčil Jaroslav: Křesťanský východ. MCM Olomouc 1992.
4. Гавлик Л. Государство и держава мораван // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М.1985.
5. Grivec F., Tomšič F.: Konstantin i Metodije Solunjani. Izvori // Radovi Staroslavenskog instituta, knjiga 4. Zagreb 1960.
6. Истрия В.А. 1100 лет славянской азбуки. М. 1963.
7. Ján Pavol II. Apoštoli Slovanov // Duchovný pastier. Bratislava 1985.
8. Милев Александр. Гърцките жития на Климент Охридски (Увод, текст, превод и обяснителни бележки). София-1966.
9. Mráček Pavel K. Stručná příručka církevních dějin. Olomouc 1966.
10. Pauliny E. Slovesnosť a kultúrny jazyk Veľkej Moravy. Bratislava 1964.
11. Pauliny T., Ondruš Š. Život a dielo Metoda, prvoučiteľa národa slovianskeho. Bratislava 1985.
12. Popovski Josif. The Pandects of Antiochus. Slavic Text in Transcription // Polata knjigopisnaja, 23-24. Amsterdam 1989.
13. Пустарнаков В.Ф. Отношение к философии на христианском востоке и западе в период крещения Руси // Введение христианства на Руси. М. 1987.
14. Ratkoš Peter. Slovensko v dobe veľkomoravskej. Košice 1988.
15. Repp F. Deutsch-slavische Kulturbeziehungen auf dem Raum Österreich vor Kirill und Method // Vorträge auf der Berliner Slawistentagung, 11-13. November 1954. Berlin 1956.
16. Тот И. Константин-Кирил и Методий. София 1981.
17. Ундольский В.М. Климент епископ словенский. М. 1895.

Источники и словари

18. Grivec F., Tomšič F.: Konstantin i Metodije Solunjani. Izvori // Radovi Staroslavenskog instituta, knjiga 4. Zagreb 1960.
19. Климент Охридски. Събрани съчинения, II. София 1978.
20. Памятники литературы Древней Руси XIV-XV века. Москва 1981.
21. Sadnik L., Aitzetmüller, R. Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Gravenhage 1955.
22. Slovník jazyka staroslověnského. I. Praha 1966. 2. Praha 1967.

СЕМАНТИКО-СТИЛІСТИЧНІ МОДИФІКАЦІЇ МІФОНІМІВ У СУЧАСНІЙ УКРАЇНСЬКІЙ ЛІТЕРАТУРІ

О.В. Яковлева (Одеса)

Як відомо, міф був породженням певної фази в розвитку людської свідомості, яка намагалася художньо, у вигляді персоніфікації відобразити дійсність і з'ясувати її за допомогою конкретно-чуттєвих образів та асоціацій, перцепцій, що мали своєрідно логічний характер. Тому принциповою особливістю міфа є його синкретизм-злиття, неподільність різних елементів — художнього й аналітичного, оповідального й ритуального. Міфи постають як творення колективної й несвідомої народної творчості. Але на новому ступеню розвитку свідомості відбувається виродження міфів, розпад їх синкретизму, що обумовлюється усвідомленням індивідуального авторства, творчого процесу, розвитком критичного відношення до змісту оповіді. Неподільні до того складники міфу дістають самостійного розвитку. Найбільш усталеним виявив себе оповідально-художній його аспект, що зберіг свій безпосередній вплив до цього часу і послужив основою для розвитку спочатку алегорії, а потім і інших форм свідомої творчості. Втративши сакральність і "з'ясувальні" функції, міф не втратив художньої сили, зберігся як проста, але надзвичайно жива, навіть по-дитячому наївна оповідь.

"Сучасну міфотворчість" пов'язують, як зазвичай, з науковими теоріями, філософсько-ідеологічними доктринами та художньою творчістю — тобто з трьома основними галузями, що дістали самостійного розвитку після розпаду міфологічного синкретизму.¹

Загалом же, як вважають багато теоретиків, міфологічна свідомість зберіглася до нашого часу в значно більшій мірі, ніж вважали раніше. Щодо літератури, зокрема, представники так званої міфологічної критики в англо-американському літературознавстві ХХ ст. розглядають міф не тільки як природне, історично обумовлене джерело художньої творчості, що дало їй первісний поштовх, але як трансісторичний генератор літератури, який утримує її в певних міфоцентричних рамках.² Отже, є підстави вважати, що міфоніми (а вони позначають центральну діючу особу міфа, його стрижень) не виступають в художньому тексті як щось екзотичне, чужерідне, проте можуть виступати чи не найважливішими його предметними (денотатними) елементами.

Характерним є, що саме романтики (в європейській літературі) роз-

¹ Див.: Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. — М.: Интрада, 1996. — С.234-235.

² Див.: Там же. — С.238, 240.

глядали стихійну народну творчість, міфологію включно, як прояв найвищої художності, що її відмічають свіжість та безпосередність сприйняття. Вони розуміли міф вже не як безглузду витівку, творення недозрілого розуму, але як прояв вищої мудрості, вираження здібності древньої людини до цілосного, синтетичного, не затьмареного (чомусь, як вважали, однобоким) аналітичним мисленням сприйняття та художнього моделювання світу.¹

Ми вважаємо, що серед новітніх теорій міфа найбільш детальною й науково розробленою є теорія французького літературознавця і семіолога Ролана Барта², що вивчав це явище саме як реалію сучасної дійсності на ґрунті лінгвістичних уявлень двадцятого століття. Міф — це висловлення, але не будь-яке висловлення; тільки в особливих умовах мовне висловлення може стати міфом. Міф не може бути предметом, концептом або ідеєю; він являє собою один із способів номінації, позначення. Міф — це форма. Для визначення міфа важливим є не сам предмет повідомлення, але те, як про нього повідомляється. Можливо встановити формальні межі міфа як явища, проте субстанціональних обмежень він не має.

Міф твориться на основі певної послідовності знаків, яка існує до нього; міф є вторинною семіологічною системою. Знак (тобто результат асоціації концепту й акустичного образу (першої системи) певної послідовності знаків) стає тільки що позначаючим, формою у другій системі. Сучасні матеріальні носії міфологічного повідомлення (власне мова, фотографія, живопис, реклама, ритуали, якісь речі т.ін.), хоч якими різними вони були як такі, як тільки стають складовою частиною міфу, зводяться до функції позначення. Всі вони являють собою тільки вихідний матеріал для побудови міфу; їх єдність полягає в тому, що всі вони набувають статусу мовних засобів.³

Згадаємо концепцію типів творчості відомого радянського літературознавця Л.І.Тимофеева. На його думку, існують реалістичний і романтичний типи творчості, які в самих різноманітних формах та співвідношеннях будуть виявлятися у будь-якому матеріалі, оскільки в них виражаються загальні якості образного відображення життя. Реалістичний тип полягає в “життєподібному відображенні дійсності у притаманних їй життєподібних формах”, в намаганні до перетворення дійсності за рахунок умовності, гіперболи, фантастики т.ін.⁴ Проте ця теорія сучасними дослідниками не те що заперечується, а фактично суттєво

¹ Див.: Вказана робота. — С.238.

² Див.: Р.Барт. Из книги “Мифологии” //Р.Барт. Избранные работы: Семіотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1989. — С. 46-130.

³ Р.Барт. Вказана праця. — С.72-78.

⁴ Л.І.Тимофеев. Основы теории литературы. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1976. — С.103, 106.

модифікується. Різниця між типами творчості ґрунтується тут, по суті, на одній ознаці — життєподібності. Але, як зазначає Є.М.Черноиваненко, це поняття доволі відносне.¹ До мистецтва минулого ми підходимо з критеріями сучасного нам новоевропейського мислення, при цьому забуваючи про те, що, наприклад, у мистецтві Середньовіччя об'єктом зацікавленості була дійсність ірреальна, містична; у мистецтві ж Нового часу — дійсність реальна. Проте кожне зі свого боку зображує найбільшу реальність. Це ми зі своєї точки зору, точки зору ХХ ст., відмовляємо Середньовіччю в реалістичності мислення, саме ж воно вважало, що мислить у край реалістично.² Отже, “життєподібність — теж історично мінлива категорія. Кожна епоха по-своєму розуміє її, тому що кожна епоха по-своєму розуміє життя як таке”.³ Мабуть, межа проходить тут не між такими зовнішніми по відношенню до людини категоріями, як життєподібність (реалістичність) -нежиттєподібність (ірреалістичність), а між самими типами людського сприйняття дійсності (“розуміння життя”) — відповідно міфологічним (містичним) і реалістичним (логічним). Обидва завжди були і є притаманними людині, але у процесі розвитку цивілізації співвідношення між ними змінюється — навіть у такій по суті своїй “міфологічній” галузі, як література. І не тільки в літературі. Відомий англо- і франкомовний філософ і історик ХХ ст. Мірча Еліаде вважає, що міфологічне мислення існувало завжди, існує і в наші часи. “Воно може залишити позаду свої минулі форми, може адаптуватися до нових культурних мод. Але воно не може зникнути остаточно”.⁴

Дуже характерним є, що й сам Еліаде розуміє міф не як “казку”, “витівку”, “фантазію”, а так, як його розуміли у древніх та примітивних суспільствах, де міф позначав якраз навпаки “дійсну, реальну подію”, подію сакральну, значущу, первородну відвертість, що служить прикладом для наслідування.⁵ Тобто філософ і сам стоїть на позиціях міфологічного мислення.

Виходячи з усього сказаного, вживання міфонімів (імен міфічних персонажів чи місць) в українській літературі, відомій своїми романтичними тенденціями, є глибоко закономірним. Їх попередня класифікація, очевидно, може бути синтаксичною (за синтаксичною позицією в реченні), оскільки, як ми вже вказували, міфоніми як номінації міфічних об'єктів об'єднуються спільним типом значення, семан-

¹ Е.М. Черноиваненко. Литературный процесс в историко-культурном контексте. — Одесса: Маяк, 1997. — С.61.

² М.А. Игнатенко. Генезис сучасного художнього мислення. — К.: Наук. думка, 1986. — С.158-159.

³ Е.М. Черноиваненко. — Цит. робота. — С.61.

⁴ М. Элиаде. Аспекты мифа. — М.: Инвест — ППП, 1995. — С.8

⁵ М. Элиаде. Цит. робота. — с.6.

тики (що є по суті словниковим, лексикографічним); при цьому їх міфологічна природа, структура не має суттєвого означення: будь-який міфонім позначає певну ідею, концепт, що може бути виражений різними формальними засобами. Ця ідея не змінюється в тексті. Вона може лише деяким чином модифікуватися шляхом підкреслення в ній тих чи інших сторін. Але це може залежати від того, яке семантико-синтаксичне навантаження несе подібна номінація. Що ж до стилістичної модифікації, то її можна вважати текстовою (що залежить від типу тексту), тобто в певній мірі теж наближеною до синтаксису.

До міфонімів доречно відносити і фразеологізми — приказки, побудовані на імені міфічного об'єкта. Наприклад: “— Та будь ласка! Робить собі на здоров'я. Коли вам до смаку сізіфова робота! — спохмурнів трохи Макар Іванович”. (А.Головко. Артем Гармаш).

Зрозуміло, що фразеологізм **сізіфова робота** має те ж саме значення, що **робота Сізіфа**, і що логічне значення самого міфоніма Сізіф, вичерпується без залишку тим же самим виразом **сізіфова робота**. Різниця фактично тут лежить у семантиці категорії лексики: **Сізіф** позначає дійову особу, **сізіфова робота** — процес.

Наведемо ще один приклад: “Панчохи — це її ахілесова п'ята, в буквальному розумінні цього слова. Дівчина завжди стежила за ними до смішного ревно”. (Собко. Матвіївська затока).

Тут ми бачимо, що розкриття змісту міфоніма безпосередньо в тексті відбувається вимушено: коли цей зміст (**ахілесова п'ята, езопівська мова**) можна витлумачити не зовсім однозначно. Але такий прийом явно був би зайвим і захащував би текст, коли міфонім має тільки одне насичене в емоційному плані значення:

“Ах ти ж шмаровоз! Шмаркатий купідон, амур ти сопливий! Бач, що йому в голові! (С.Васильченко, В лісі).

Тут треба зважити ще на один чинник. Якщо в прозі вищевказані “коментарі” — це справа необхідності і смаку автора, то поетові, так би мовити, вибирати немає між чим: віршований рядок затискує його у вузькі рамки. Тому поет має розраховувати на певний культурний рівень читача:

Друже мій,
О мій супутниче святий!
Поки огонь не захолонув,
Ходімо лучче до **Харона**...

(Т.Шевченко. Чи не покинуть нам, небого).

Але повернемося до синтаксичних функцій міфонімів. В сучасній лінгвістиці підкреслюється, що смислова природа слова тісно пов'яза-

на з його синтаксичною функцією і що від “міри індивідуальності” імені залежить спосіб його вживання у реченні.¹

Ми зустрічаємо міфоніми у функції різних членів речення — підмета, присудка, додатка, обставини, означення. Можуть вони бути і звертанням:

“З слова живого скуй самопали
Й з ними між люди йди.
Бий ними, **Музо**, всяку неправду.
Хто б не вчинив її — бий!”

(П.Мирний. До сучасної музи).

Не важко здогадатися, що при поверхневій синтаксичній начебто безсистемності вживань міфоніми на рівні глибинному, на рівні семантичного синтаксису, завжди позначають одне й те ж — ознаку, атрибут, виражений через якийсь інший об'єкт. Можна навіть сказати — це специфічний вид метафори, тобто згорнутого порівняння. Тут семантична модифікація зумовлюється стилістичною. Дійсно, що може мати на увазі поет, звертаючись до земної жінки й називаючи її **німфою** або ж “звертаючись” до ранкової зорі і називаючи її **Авророю** (у перекладі “Утікача” Ф.Шіллера)? Тільки одне — порівняння.

Доказом такого значення (модифікації) вживаних міфонімів є випадки їх вживання не в переносному, метафоричному значенні (коли **письменник називає** якийсь об'єкт міфонімом), а в значенні прямого, коли маємо об'єкт із власним іменем:

“Я честь віддам титану **Прометею**,
Що не творив своїх людей рабами,
Що просвітив не словом, а вогнем”.

(Л.Українка. У катакомбах).

Цей останній тип вживання виявляє навіть дещо більш важливе, а саме — розподіл на власні і загальні імена у міфонімовживанні. Міфонім, вжитий у прямому значенні, може бути і власним іменем (Прометей, Аврора), і загальним (німфа, циклоп) — в залежності від того, звичайно, позначає він унікальний об'єкт або клас однорідних об'єктів. Міфонім, вжитий у переносному значенні, є, незважаючи на традиційне в окреслених випадках написання з великої літери, загальним іменем, оскільки на перший план виходять типові ознаки в його семантиці, що немов повторюються в межах цілого класу однорідних об'єктів.

Ось, наприклад, в “Казках” Л.Глібова:

“Підкравсь **Морфей**, божок щасливий...” — начебто йдеться про язичницького бога. Але далі йде:

¹ Ю.С.Степанов. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. — М.: Наука, 1981. — с.268.

“На очі нишечком дмухнув,
Наслав мені той сон лінивий,
І я незчувсь, коли заснув”.

Ми бачимо, що в даному тексті Морфей — вже не ім'я бога, а образне позначення сну, тобто власне ім'я переходить у розряд загальних.

Серед наших прикладів трапляються цитати з української літератури XIX ст. Чим вони відрізняються від сучасної української літератури (XX ст.)? Обстежений матеріал наводить на думку, що в класичній літературі коло міфонімів було більш широким (явна орієнтація на класичну освіту): Пріап, Харон, адамові слізки (Шевченко), бочка Данаїд, Гіменей (Коцюбинський), Майра, авгієві стойла (Л.Українка), іродове кодло (П.Мирний) та ін. Класики, як показує наш матеріал, уникали тлумачення міфонімів у тексті (мабуть, знов-таки розраховуючи на розуміння читачем) — на відміну від сучасних прозаїків. Можливо, насиченість міфонімами класичних текстів вища, особливо це стосується поезії, але ця теза потребує ретельної статистичної перевірки. Все це наводить на думку про сильніше стилістичне враження, що його справляють міфоніми у класичній літературі минулого століття. Що ж до семантико-стилістичної модифікації, текстового значення міфонімів — воно залишається тотожним, тому що зумовлюється самою природою міфоніма, його лінгвістичною суттю.

Література

1. Барт Р. Из книги “Мифологии” // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
2. Ігнатенко М.А. Генезис сучасного художнього мислення. — К.: Наук. Думка, 1986.
3. Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. — М.: Интада, 1996.
4. Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. — М.: Наука, 1981. — 360 с.
5. Тимофеев Л.И. Основы теории литературы. — 5-е изд, испр. и доп. — М.: Просвещение, 1976.
6. Черноиваненко Е.М. Литературный процесс в историко-культурном контексте. — Одесса: Маяк, 1997.
7. Элиаде М. Аспекты мифа. — М.: Инвест. — ППП, 1995.

ЛІТЕРАТУРОЗНАВСТВО ТА КУЛЬТУРОЛОГІЯ

СЮЖЕТ ПЕРЕВОДНОГО МУЧЕНИЯ ВАРВАРЫ

А.В. Александров (Одесса)

Мучение Варвары в славяно-русском переводе было известно восточным славянам, очевидно, еще в домонгольский период. В написанном в конце XI — начале XII вв. анонимном “Сказании о Борисе и Глебе” читается следующий фрагмент: князь Борис перед смертью “Помышляешеть же мучение и страсть святаго мученика Никиты и святаго Вячеслава, подобно же сему вывѣшю увнению, и како свѣти Варварѣ отъць своихоца высть” (Сказание 1978, с.284) Перевод этого произведения сохранился в списках XIV-XV вв. (см. Словарь 1987, с.260 и Творогов 1990, с.220), а издан он по тексту Великих Минеи Четых митрополита Макария (ВМЧ 1901, стб. 101-104).

Господствующим пафосом жития Варвары является пафос торжества жизни над смертью. Предсмертная молитва мученицы преисполнена радостного ощущения сопричастности “пакибытию”, которое придает смысл человеческому существованию и помогает преодолеть страх и страдания: “Ты во еси милосърдын Богъ, и въ Твои рѣцѣ предаю душу мою, да сохрѣнена бѣдоу во вѣки вѣкомъ” (ВМЧ 1901, стб. 104).

Сюжетную основу произведения составляет религиозный конфликт, который наложен на патриархальные кровно-родственные отношения. Противоборство язычников и христиан вскрывает здесь принципиальные различия соответствующих мирозерцаний, нашедших выражение в представлении о божественно-духовном и человеческо-природном, жизни и смерти, сакральном и профаническом. Драматизм ситуации, в которой находится Варвара, обусловлен тем, что она невидимыми нитями связана и с небом, и с землей. А логика ее поведения как “невесты Христовой” несовместима с неписаными законами патриархальной семьи. В конфликте произведения можно выделить два плана — символический и реальный. Эта двойственность определяет характер сюжета: межперсонажные отношения порождают коллизию, которая ведет к усилению напряженности и исключает разрешение конфликта, а параллельное ей сюжетное движение, напротив, символически утверждает торжество христианского бога над языческими кумирами.

Дифференциация реального и символического планов в сюжете произведения наблюдается уже в экспозиции и завязке. На данном отрезке сюжетного движения его алгоритм и символика определяются обрядом инициации. Элементы обрядово-мифологической образности, расщепленные конкретным биографическим материалом на дупланные, получают соответственно и новую, христианскую семантику. Согласно обычаю отец растил дочь красавицу вдали от посторонних глаз: “Бѣ же дщи ему единочада, именемъ Варвара, юже храняше на полатѣ высоцѣ,

яко видѣти ея никомѣже, зане вѣ тѣломъ прелѣпа” (ВМЧ, 1901, стб. 101). Подобная изоляция девушки, как показал В.Я.Пропп (Пропп 1986, с.41-43), является формой обряда инициации и имеет своей целью подготовку к браку. Однако в мартирии подобная подготовка привела к неожиданным последствиям. Когда отец предложил Варваре выйти замуж, та наотрез отказалась. Она объяснила это тем, что не хочет предаваться похотям, преходящим, как сон, а намерена послужить Христу, чтобы заслужить его вечную милость (реминисценция Ис. 54, 8).

Как видим, бытовая ситуация наполнена особым смыслом, так как вскрывает духовное преображение героини мартирии: чудесным образом дочь язычника превращается в христианку. Причины изменения вероисповедания не объясняются, их можно понять, обратившись к другим памятникам христианской литературы, в которых рассказывается об обращении язычников в христиан. Такими произведениями являются, в частности, известные в Киевской Руси еще в домонгольский период переводные “Повесть о Варлааме и Иоасафе” и “Житие Евстафия Плакиды”. В первом из них, представляющем собой христианизированную биографию Будды, описывается путь человека к Богу через приобщение к христианской премудрости с помощью учителя. Во втором произведении рассказывается о мистическом откровении, после которого Евстафий Плакида обратился к Иисусу Христу. Видимо, и Варвара пришла к Христу после откровения, а не с помощью учителя: в мартирии нет сведений о том, что кто-либо из окружающих ее персонажей исповедовал христианство. Только несколько позже, когда святая претерпевала мучения, под влиянием произошедшего на ее глазах чуда исцеления Варвары обратилась к новой вере девушка Юлиания. А после их смерти благочестивый Валентий, о котором до этого не упоминалось, похоронил святых и построил на месте погребения “храмъ лепъ”. Сведущий читатель мартирии воспринимал, конечно, и символический план сюжета. Вопреки воле отца Варвара следовала по пути подражания невестам Христовым, о которых Иисус рассказал в притче о десяти девах (Матф. 25, 1-12). Об этом свидетельствует и дальнейший ход событий.

Символический смысл придает реалиям и сама героиня мартирии. В ее устах символом Бога становится сама жизнь, а реальный брак подменяется мистическим. Через нее в человеческий мир входит Господь. Символы Иисуса Христа вводятся в повествование постепенно, а степень его вмешательства в земные дела все время усиливается. Если в экспозиции Христос, являющийся главным действующим лицом начинающейся драмы, присутствует лишь номинально, то после отказа девушки от замужества отношение к нему определяет характер сюжетного движения в полной мере.

Отец мученицы вначале воспринял слова святой довольно спокойно

и уехал по каким-то делам из дому. Воспользовавшись случаем, Варвара решила послужить Господу делом. Она приказала слугам сделать в бане, которую они строили, не два, как велел отец, а три окна, которые символизировали Троицу. Затем святая «оплева поганьская тела отца своего и влѣзе на полатѹ свою» (в греческом тексте не «теле-са», а «идолы»; ВМЧ 1901, стб. 102). Вернувшись домой, Диоскор разгневался до такой степени, что хотел «усекнути» дочь.

С этого эпизода ритуальная символика обряда посвящения усиливается оппозицией целостность-расчлененность, характерной для инициации вообще. Как известно, этот обряд теснейшим образом связан с представлениями о смерти, с верой в то, что посвящаемый временно умирает, а затем воскресает в новом статусе. «Одной из форм временной смерти было вскрытие человека или его разрубание на куски» (Пропп 1986, с.93).

Оппозиция целостность-расчлененность, являющаяся одним из аналогов мифологического комплекса жизнь-смерть, с помощью которого первобытное сознание описывает мир (Мифы 1991, т.2, с.162), переосмыслена в маририи в христианском духе.

В системе христианских представлений жизнь выступает как один из основных атрибутов и символов Бога (см., например, Быт. 2,7; 2,9; 3,24; Пс. 15,11; 26; Иоан. 3,36; 6,33). В иерархии сакральных ценностей Бог выше земной жизни, он ее дарует и отнимает, как и жизнь вечную. Поэтому человек во имя спасения может пойти на самопожертвование и принять добровольную смерть. Тем самым расчлененность становится символом жертвоприношения. Мотив жертвоприношения конкретизирован в нескольких сюжетных ситуациях.

Когда Варвара услышала угрозу отца, она убежала в горы, но один из пастухов указал Диоскору, где святая пряталась. Отец предал дочь мучениям, а затем притащил за волосы к Максимиану, «царю-мучителю», чтобы тот «душу из нее извлек».

Сначала мучители надеялись добиться отречения Варвары лестью и уговорами, но убедившись в том, что это бесполезно, начали избивать ее и тереть раны сукном. На ночь девушку бросили в темницу, где ей было явление Иисуса Христа, который исцелил и укрепил мученицу. Утром Максимиан продолжил мучения: «Тогда повелѣ ю повѣсити, и строгати желѣзы ребра еи и свѣццами горящими прижигати» (ВМЧ 1901, стб.103). В дальнейшем агиограф продолжает использовать образный комплекс жертвоприношения-расчленение как основной источник символики. Она восходит к Ветхому Завету, в котором нашли отражение, в частности, обряды, связанные с отказом от человеческих жертвоприношений и подмена их символическим действием (жертвоприношение с рассечением тела жертвы — см., например, Левит. 6,12 и др.).

На фоне несколько абстрактной символики жертвоприношения не-

которые подробности, аккумулируя мощное семантическое поле символа, воспринимаются как натуралистические детали: увидев стойкость и твердость мучениц, Максимиан «повелѣ, да оверѣжють сесци има, и по семь повѣлѣ, да святѹю Варварѹ по всемѹ граду влачатъ нагоѹ, пѣхюще и вѣюще» (ВМЧ 1901, стб. 103). Святая молит Бога, чтобы прикрыл ее тело, и он послал своего ангела с «белой одеждой», который одел девушку. Семантику жертвоприношения содержит и указание на место, где мучениц предали смерти. Подобно жертве греха их умерщвляют за городской чертой (ср., например, Левит. 4). Именно здесь «отѣць святѹю Варварѹ приемъ со гневомъ великимъ, и изведе ю, да ю самъ расчѣть» (ВМЧ 1901, стб. 103). После молитвы святой Христу и ответного гласа с небес отец «усекнул» Варвару, а некий сотник — Юлианию.

Параллельно происходящему, как бы сопровождая и усложняя сюжетное движение, разворачивается «первообраз» Иисуса Христа. Неоднократно вторгаясь в ход событий, Господь определяет их исход. Заключительная ситуация, в которой возмездие настаивает убийц, характеризуется той же двуплановостью, что и весь сюжет.

Не менее важное значение, чем непосредственное вторжение Христа в межперсонажные отношения, имеет связанный с ним символический подтекст. Жертвоприношение Варвары напоминает читателю об искупительной жертве самого Христа. Ее предсмертная молитва содержит реминисценции из молитвы Иисуса в Гефсиманском саду. Святая вверяет себя воле Христа и бесстрашно, не проявляя собственно человеческого отношения к тому, что с ней происходит, умирает: «Ты бо еси милосердынъ Богъ, и въ Твои рѹцѣ предаю дѹшю мою, да сохранена бѹдоѹ во вѣкы вѣкомъ» (ВМЧ 1901, стб. 104).

Однако о прямой аналогии ситуаций в маририи и евангелиях, об уподоблении святой Иисусу не может быть и речи. В евангелиях, описывающих пребывание Иисуса в Гефсиманском саду, адресованная Отцу молитва передает смятение чувств Богочеловека. Страх смерти и предстоящих мучений нашли выражение в чисто человеческой просьбе Иисуса о том, чтобы его миновала смертная чаша. Но зная все, что должно произойти, и понимая неотвратимость ждущего его, Христос прерывает свою просьбу словами о том, чтобы все было по воле Отца (Матф. 26, 42 и Лук. 22, 42). Структура образа Варвары иная, даже подражая Иисусу, она остается человеком. С точки зрения агиографа и его средневековых читателей это само собой разумеется. Главное, что в страдании и смерти она похожа на Христа тем, что подражает ему, встав на путь самопожертвования. Избегая мифологического уподобления Варвары Иисусу Христу, агиограф, чтобы показать приближение человека к Богу и возможность обожения земного существа, сохраняет в сцене смерти черты сходства с ним и теряет собственно человеческие приметы святой.

Как видим, дуплановый сюжет переводного мучения Варвары состоит из ситуаций-опозиций, восходящих к мифологическому комплексу жизнь/смерть, которым и обусловлена форма сюжетного движения — это обряды инициации и жертвоприношения. Отсюда доминирующий принцип поэтики сюжета маририя — антитеза, придающая произведению редкую даже для средневековой литературы эмоциональность. Агиограф, изображая подвиг великомученицы, не знает полутонов и оттенков, его палитра ограничена двумя красками. Но этот кажущийся недостаток и бедность изобразительных возможностей компенсируется четкостью и однозначностью словесного рисунка.

Однако мифологические по своему происхождению оппозиции являются таковыми только по форме, они подверглись символизации, внесшей в их семантику существенные коррективы. Символизация проявилась прежде всего в том, что изменился характер связи между членами бинарной оппозиции: противопоставление вытеснено на второй план иерархическими отношениями. Поэтому оппозиции, кажущиеся при их рассмотрении в статике антиномиями, вовлечены в сюжетное движение. Символический план сюжета отличается от реального разрешимостью конфликта. Основным средством разрешения конфликта выступает чудо — этот “вечный двигатель” сюжетного движения в агиографической литературе. Здесь это чудо превращения обычной девушки в невесту Христову. Оно произошло не только по воле избравшего ее Господа, но и в результате устремленности к Богу самой Варвары. Вера придала ей цельность и силу героической природы, способной на подвиг. Реальная смерть героини символизирует ее подлинное рождение.

Литература

- ВМЧ 1901 Великие Минеи Четьи. Декабрь, дни 1-5. — М., 1901.
 Мифы 1991 Мифы народов мира: Энциклопедия в двух томах. — М., 1991.
 Пропп 1986 Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1986.
 Сказание 1978 Сказание о Борисе и Глебе // Памятники литературы Древней Руси. XI — начало XII века. — М., 1978, с.278-300.
 Словарь 1987 Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (XI — первая половина XIV в.) — Л., 1987.
 Творогов 1990 Творогов О.В. Древнерусские четьи сборники XII-XIV вв. (Статья первая). — ТОДРЛ, т.41. — Л., 1990, с. 197-214.

ПРИНЦИПИ СТВОРЕННЯ “МАЛОЇ ЕНЦИКЛОПЕДІЇ ХУДОЖНЬОЇ КУЛЬТУРИ ПІВДЕННИХ І ЗАХІДНИХ СЛОВ'ЯН ХІХ-ХХ СТ.”

В.О. Захаржевська (Київ)

У наш час однією з характерних тенденцій розвитку славістики як в Україні, так і в слов'янському світі взагалі, є активізація комплексного дослідження художньої культури слов'ян — Болгарії й Польщі, Чехії й Словаччини, Сербії й Хорватії та ін., обумовлена динамікою процесу активізації національної свідомості, духовного життя слов'янських країн ХІХ-ХХ ст., що викликає сьогодні великий інтерес до довідкової й енциклопедичної літератури й визначає назрілу потребу створення “Малої енциклопедії художньої культури південних і західних слов'ян ХІХ-ХХ ст.”. “Адже культура об'єднує народи. Чим вища культура нації, тим більше вона потребує освоєння інших культур, — наголошує акад. Д. Лихачов. — Чим вища культура народу, тим сильніше в ньому з'єднувальні нитки, тим він миролюбніший, тим він соціальніший. Культура об'єднує всі сторони людської особистості”. (Д.С. Лихачев. Прошлое будущему. — Л., 1985. — с.66).

Цьому питанню присвячуються в Україні наукові дослідження 80-90-х рр. “Єднання народів — єднання культур” (Українсько-болгарські культурні зв'язки: історія й сучасність (1987), “Українсько-болгарські культурні взаємини ХХ ст.” (1988), “Українське бароко та європейський контекст (архітектура, образотворче мистецтво, театр і музика” (1991), “Українська література у загальнослов'янському й світовому літературному контексті” (колективне дослідження, у 5-ти томах (1987-1994) та ін.

Важливим внеском у вивчення культури слов'янства стали наукові конференції по лінії ЮНЕСКО: у Києві “Сучасні слов'янські культури: розвиток, взаємодія, міжнародний контекст” (1979), у Мінську “Слов'янські культури і світовий культурний процес (1982), низка симпозіумів: “Гете і слов'янський світ” (ФРН, 1979), “Данте і слов'янський світ” (Югославія, 1981), “Іван Франко і світова культура” (Львів, 1986), “Роль науки у розвитку слов'янських культур” (Чехословаччина, 1980), “Фольклор і слов'янський світ” (Київ, 1989), доповіді на Всеукраїнських славістичних конференціях, проведених Українським комітетом славістів з вузами України: “Розвиток духовної культури слов'янських народів” (Одеса, 1987), “Духовне відродження слов'ян у контексті європейської й світової культури” (Чернівці, 1992), “Актуальні проблеми відродження мов, культури західних і південних слов'ян в Україні”

(Одеса, 1993), "Славістичні науково-освітні центри в Україні (вчора — сьогодні — завтра)" (Київ, 1994), круглі столи: "Болгари в Україні — в дзеркалі духовної культури" (Київ, 1992), "Україна і слов'янський світ" (Київ, 1995), виступи вчених-славистів України на Міжнародних наукових форумах, на конференціях Міжреспубліканської наукової Асоціації болгаристів.

Усе це дало підґрунтя для згуртування наукових творчих сил славистів України — болгаристів, полоністів, богемістів, сербістів, хорватистів, україністів широкого профілю за ініціативою Українського комітету славистів на вироблення наукової концепції "Малої енциклопедії художньої культури південних і західних слов'ян XIX-XX ст.", яка розглядатиметься, звичайно, у загальнослов'янському, загальноєвропейському контексті, оскільки східнослов'янська культура заслуговує на спеціальне, окреме дослідження (окремого тому).

Культура — складний багатоскладовий, комплексний феномен, який ще й сьогодні викликає дискусії щодо його визначення.

Найважливішим, свого роду висхідним, принципом її визначення є принцип її історичної (діахронної) й синхронної (структурної) типології, як справедливо підкреслив свого часу акад. Д.Марков. — У цьому принципі закладено основи справжнього наукового підходу до культури, він дозволяє побачити її як комплексну цілісність, побачити різні її типи в історичному розвитку суспільства і далі її внутрішню диференціацію, спільність і національну специфіку, яка виявляється у багатстві й розмаїтті форм.

В центрі уваги доби відродження стала людина в її зв'язку з об'єктивними обставинами, людина з її реальними думками й почуттями. Відродження заявило про себе у різних народів, у різний час і у різних, своєрідних формах, разом з тим воно несло в собі й спільні риси. Його початок у Європі — Італійський Ренесанс (XIV ст.), представлений творчістю Дж.Бокаччо, Т.Тассо, Ф.Петрарки, великим образотворчим мистецтвом. У XVI ст. **Відродження** захоплює усі найкрупніші країни Західної Європи. Імена в літературі — Шекспір, Сервантес, Рабле. В Росії не було періоду відродження, подібного до Західноєвропейського, хоча ренесансні риси були притаманні й російській культурі Петровських часів.

Відродження у народів Центральної й Південно-Східної Європи мало свої відмінні особливості. В одних народів воно починалось раніше (XVI ст.), в інших — пізніше, проте всюди найбільш інтенсивно проказало в XVIII-XIX ст. У цілому — це був процес, пов'язаний, як і на Заході, в суспільно-історичному плані з періодом переходу від феодалізму до капіталізму — процес формування націй, національної самосвідомості, національних культур, національних літературних мов.

Саме це складало головний пафос діяльності всіх представників

культури, які, природно, спирались на багатий досвід Західної Європи. Як твердив Д. Чижевський, "західні впливи" викликали у слов'ян власну і самостійну творчість, що було вже часто "відгуком, але й відповіддю Заходу", своєрідним діалогом.

Зазначимо при цьому, що більшість народів Центральної й Південно-Східної Європи у цей період не мала національної незалежності, їх відродження означало активну боротьбу за неї. Це робило культуру особливо значним фактором. Вона відіграла величезну роль у їхньому суспільному житті. Саме у сфері культури вирішувалось багато питань національного розвитку цих народів. І цілком природно, що об'єднуючою основою усіх видів культури в цей час, що розвивалась, передової культури, була національно-патріотична ідея.

Закономірний етап раціонального мислення, пов'язаний з періодом **Просвітництва**. Далі відбувався процес формування **художнього мислення**. Саме в добу **Відродження** сформувалась й досягла високого рівня розвитку національна художня культура, яка у свою чергу включала диференційовані спеціальні сфери — літературу, образотворче мистецтво, театр та ін. Усі ці типологічні процеси культурного розвитку відбувались у своєрідно-конкретних національних формах не синхронно, різночасово — у Болгарії і Польщі, Чехії й Сербії, Хорватії й Словаччині і т.ін.

У цей період у літературі й мистецтві розвиваються різноманітні художні напрямки: класицизм, сентименталізм, романтизм, реалізм. Іноді ці течії переплітаються. У деяких країнах, наприклад, Болгарії, яскраво виражено було "прискорений" розвиток й короткочасність їх вияву, недиференційованість, навіть накладання один на один, переплетіння течій, стилів.

Ми розглядаємо культуру як комплексний феномен, який вимагає й комплексного дослідження, без чого створення енциклопедичного видання неможливе. До поняття культури входять: освіта, наука, художня культура. У свою чергу, якщо візьмемо лише художню культуру, то побачимо в ній ряд диференційованих сфер: літературу, живопис, театр, музику, архітектуру, її цементуючий фактор — мову. Ця диференціація настільки глибока, що кожна з указаних сфер має й свою науку. Принципи комплексного вивчення культури полягають у тому, щоб побачити її історичні типи як визначення цілісності і разом з тим помітити всередині їх окремі сфери, а в цих окремих сферах — художню індивідуальності, стилі, жанри і т.ін.

Визначаючи спільність, ми водночас не повинні нівелювати специфіку кожної з цих сфер. Звичайно, це справа не легка. Комплексне дослідження вимагає вироблення методології й методики, на базі якої й має формуватись науково-популярне видання енциклопедичного характеру, присвячене художній культурі південних і західних слов'ян XIX-XX ст.

Світове значення кожної національної культури пов'язане з її історичною місією — бути виразником й провідником гуманістичних ідей. Саме з гуманістичною місією культури пов'язано її прогрес, гуманізм є міркою й критерієм прогресу суспільства, держави, світу. З цієї точки зору можна говорити про внесок слов'янських культур в усі періоди їх розвитку — від найдавніших часів до наших днів. Для художньої культури виключно важливі — масштабність проблематики, що знаходиться в руслі соціального прогресу суспільства, сила образних узагальнень, багатство й розмаїття, неповторність людських характерів. Відповідно до цієї мірки цінностей слов'янської культури, особливо відчутної, починаючи з XIX ст., слов'яни внесли й вносять великий вклад у загальноєвропейській і загальносвітовий культурний процес.

Реальна історія засвідчує, що у XX ст. сформувалась культура нового типу, пройшовши кардинальні зміни на зламі XIX-XX ст., вона вийшла на нові рубежі: нові напрями, нові стилі, новий образний світ, який вимагає глибоких комплексних досліджень художньої культури Болгарії і Польщі, Чехії й Словаччини, Сербії й Хорватії та інших народів світу.

Враховуючи зрослий в наш час інтерес до енциклопедичних видань, інформаційно-наукового, популярно-наукового характеру, присвячених культурі духовній, культурі естетичній, вивченню історії древа свого роду: Хто ми? Де наші корені культури? В чому наша ментальність? — сьогодні велика увага надається саме виданням, присвяченим художній культурі. Саме у зв'язку з цим за ініціативою Українського комітету славистів вченими-славістами НАН і вузів України і розпочато роботу над створенням “Малої енциклопедії художньої культури південних і західних слов'ян XIX-XX ст.”

Художня культура існує у трьохмірному культурному просторі. Перший вимір — **морфологічний** — характеризується зв'язком пошуків функціонування і розвитку всіх видів і різновидів, родів і жанрів мистецтва при історичній трансформації її співвідношення і характеру їх взаємодії.

Другий — **духовно-змістовний** — визначається єдиним для всіх мистецтв у кожному епоху, у кожній національній культурі і в кожному її спеціальному шарі образом світу, людини, і світ, який втілюється мистецтвом, і породжує специфічний творчий метод і визначальний ним художній стиль (або художні стилі).

Третій вимір — **інституціональний** — він виражається у способі організації художньої діяльності у кожному типі культури, тобто у характері художнього виробництва, діяльності, художнього “споживання” і регулюючих їх зв'язках художньої критики, естетики, наукової дослідницької думки: мистецтвознавства, літературознавства, фольклористики, культури-славистики.

І у нас, в Україні заявляють про себе нові видання енциклопедичного характеру, пов'язані з розвитком духовної національної культури: завершується робота над “Українською літературною енциклопедією” (3 т. якої видано), розпочато роботу над новим виданням “Шевченково-го словника”, видано 4-ий т. “Енциклопедії української діаспори” (Австралія-Азія-Африка) (1995), ведеться підготовка до видання “Українського біографічного словника”, видано “Літературознавчий словник-довідник” (Редкол.: Гром'як та ін.) К., 1997, нарешті, сьогодні заявляє про себе “Мала енциклопедія художньої культури південних та західних слов'ян XIX-XX ст.”, фундаментом до якої має стати накопичений вченими-попередниками досвід роботи над дослідженням комплексних проблем слов'янознавства.

Пристаючи до цього видання, не можна не враховувати й здобутки в роботі своїх колег з СНД, зокрема, Інституту слов'янознавства і балканістики, оскільки культура не має кордонів, тим більше не може бути зав'язи між науковими центрами, установами, вченими у творчих пошуках на славистичній ниві України, Росії, Білорусії. (Досить згадати підготовлений і виданий перший випуск багатотомного видання “Нарисів історії культури слов'ян” (під егідою ЮНЕСКО), який охоплює період з найдавніших часів до XIII ст.: “Очерки истории культуры” РАН: Інститут славяноведения і балканістики, — М., 1996). Має викликати й значний інтерес у цьому плані унікальний за своїми масштабами проєкт укладання енциклопедії “Слов'янський світ: історія і культура”, який отримав фінансову підтримку Російського фонду фундаментальних досліджень.

Якщо для істориків культури, мистецтвознавців, літературознавців і фольклористів культурологічний аспект праць в останній період є поглибленням й розширенням традиційних напрямків досліджень, то для лінгвістів включення “культурної” проблематики пов'язано з формуванням спеціальних культурологічних дисциплін, які розробляють соціолінгвістика, лінгвокультурологія, етнолінгвістика, структура тексту та ін. В інституті слов'янознавства і балканістики РАН створено однотомний Енциклопедичний словник: “Славянская мифология”, ведеться робота над працею словниково-енциклопедичного характеру “Етнолінгвістичний словник слов'янських старожитностей”. В інституті існує спеціальна група “Слов'янської енциклопедії”, яка займається розробкою проблематики, пов'язаної з історією славистики як в Росії, так і за кордоном. Слід при цьому згадати колективну працю славистів-вчених СНД — біографічного словника “Славяноведение в СССР” (вивчення південних і західних слов'ян), вид. у Нью-Йорку, у Вид. Норман. — 1993 (528 стор.), який стане в пригоді при підготовці “Малої енциклопедії художньої культури південних і західних слов'ян XIX-XX ст.”. У загальнотематичних статтях цього видання будуть висвітлені напрями, школи,

стильові течії, жанри літератури, театру, кіно, музики, образотворчого мистецтва, архітектури та народної творчості південних і західних слов'ян (Болгарії, Польщі, Чехії, Словаччини, Сербії, Хорватії та інших слов'янських народів) XIX–XX ст.ст. Помітну увагу буде приділено розвиткові літературних мов як найважливішому елементові національної культури.

Окремі, спеціальні статті присвячуватимуться творчим біографіям видатних слов'янських діячів культури (учених-славістів, письменників, композиторів, живописців), відомостям про славістичні культурно-освітні центри, періодичні видання, культурно-історичні пам'ятники, музеї. У книзі буде переосмислено з позиції об'єктивної наукової думки окремі факти і явища художньої культури, усунено “білі” плями на славістичній ниві. Видання буде ілюстровано чорно-білими й кольоровими репродукціями. Це унікальне енциклопедичне видання, яке не має аналогів у інших країнах світу, розраховано на фахівців та широке коло шанувальників духовної культури слов'ян.

Структура “Малої енциклопедії художньої культури південних та західних слов'ян XIX–XX ст.” передбачає:

I. Вступ (загальний розділ): Рух славістичної думки від давнини до сучасності: виникнення й розвиток слов'янської писемності, середньовіччя, просвітництво, національне відродження, сучасний стан, традиції та новаторство.

II. Соціально-культурний розвиток слов'янських традицій: мова, релігія, філософія, фольклор, освіта, література, мистецтво, формування і розвиток художньої культури слов'ян (узагальнюючий розділ (XIX–XX ст.).

а) Наука — славістика, славістичні наукові центри, наукові, естетичні школи, персоналії — відомі вчені-славісти, періодичні та серійні видання, славістичні наукові форуми-симпозіуми, круглі столи, конференції.

б) Слов'янські мови як вияв національної самосвідомості й обличчя культури слов'янських народів (історична динаміка розвитку мови, діалектів; говірок, сучасна літературна мова (теорія, персоналії) по країнах, мовознавчі гасла, пов'язані з художньою культурою).

в) Фольклор як першоджерело культури слов'янських народів (по країнах, напрями, жанри, стилі, наукові школи, пов'язані з ними гасла).

г) Шляхи розвитку художньої культури (напрями, жанри, стилі (по країнах), узагальнюючі статті, після них персоналії видатних представників.

д) Становлення національної музики слов'янських країн (напрями, жанри, стилі (по країнах), після них — персоналії.

е) Образотворче мистецтво (жанрово-стильові модифікації, напрями (по країнах), далі — персоналії видатних особистостей.

ж) Загальний розділ, присвячений розвитку слов'янської архітектури, історико-культурним пам'ятникам (національна своєрідність, традиції й новаторство).

III. Формування нових видів художньої культури слов'ян, південних і західних (XX ст.) (кіно, телебачення тощо).

До енциклопедії мають також увійти й інформації матеріалів про художню культуру діаспори південних і західних слов'ян, яка становить творчий місток між сучасною культурою й праатьківщиною слов'янських народів — Болгарії, Польщі, Чехії, Словаччини, Сербії, Хорватії та ін. країн світу. Згуртування творчих славістичних сил наукових установ НАН і вузів України дасть змогу подарувати читачам перше енциклопедичне науково-популярне видання про найважливіші явища, події, тенденції розвитку художньої культури південних і західних слов'ян XIX–XX ст., закласти духовне підґрунтя для розвитку незалежних демократичних держав у нашу добу.

“ТРИ СВІТИ” ГРИГОРІЯ СКОВОРОДИ ТА ЗАХІДНОЄВРОПЕЙСЬКИЙ ФІЛОСОФСЬКИЙ КОНТЕКСТ ХХ СТ.

(Г.С. Сковорода і К. Поппер)

І.Я. Матковська, І.В. Голубович (Одеса)

Сучасні дискусії щодо співвідношення загальнолюдських та національно-історичних елементів світового культурного процесу певним чином ініціюють дослідницьку увагу — серед інших проблем — до явища так званих типологічних паралелей. Можливо, саме ці, дещо загадкові, феномени здатні найбільш виразно проявити єдність розмаїтого процесу розвитку культури різних часів і народів.

Всебічно усвідомлюючи зміст духовної спадщини Григорія Сковороди, не можна не помітити вражаючої сучасності ідей “українського Сократа” в контексті розвитку світової філософської думки ХХ ст., зокрема — у вигляді проявів типологічних співпадінь. Завданням статті, що пропонується, є спроба зосередити увагу на аналізі одного з багатьох прикладів такого паралелізму — на зіставленні сквородинівського вчення про “три світи” з концепцією “трьох світів” одного з визначних філософів ХХ ст. — Карла Поппера.

Вчення про “три світи” українського мислителя XVIII ст. досліджено в своєму змісті досить детально. (1). Тому ми тут підкреслимо лише деякі його аспекти, з’ясування яких дає змогу більш виразно уявити собі паралелізм між цією концепцією та ідеями К.Поппера, його вченням про “об’єктивний дух”.

Як відомо, Сковорода розрізняє три варіанти існування світу:

1 (“обітєльний” вічний макрокосм, ніким не створений, складений з “бесчисленных мыров”);

2 (“Мырик” — людина (малий світ)

3 (“Біблія” (символічний світ) — (2)

Ця концепція, корені якої мають зв’язки і з певними міфологічними уявленнями, і з античною платоновсько-стоїцистською та неоплатонічною традицією, і з тринітарною доктриною християнства, в контексті ідей Сковороди узгоджується з його вченням про “дві натури”. Він, зокрема, писав: “Всѣ три мыри состоят из двох единосоставляющих естеств, называемых матерія и форма. Сии формы у Платона называются идеи, сирѣчь виденія, виды, образы. Они суть первородныя мыры нерукотворныя, тайныя веревки, преходящую сѣнь, или матерію, содержащие. Во великом и в малом мыре вещественный вид дает знать об утаенных под ним формах или вѣчных образах. Такжеже и в символичном, или бібличном мырѣ, собрание тварей составляет матерію. Но

Божіе естество, куда знаменіем своим ведет тварь, есть форма. Убо и в сѣм мыр есть матерія и форма, сирѣчь плоть и дух, сѣнь и истина, смерть и жизнь”. (3)

Таким чином, за думкою філософа, кожний з трьох світів ніби подвоюється, внаслідок чого виникає складна, плюралістична за своєю тенденцією картина світу у цілому. Звернемо увагу на те, що в цій картині духовне у своєму існуванні в контексті другого та третього світів суттєво розрізняються. Якщо духовне в системі “другого світу”, світу окремої людини — це її суб’єктивний, духовно-психологічний засіб існування, то духовне в системі “третього світу” — це, як можна зрозуміти, змістовна сутність об’єктивного світу духовної культури, яка існує в різноманітних варіантах — у символічному змісті міфології та фольклору, у смисловому змісті книжності (Біблія — як книжність взагалі).

Крім того, в уявленнях про “три світи”, які ми знаходимо в творчості українського мислителя, звертає на себе увагу його розуміння співвідношення світів. Зокрема, “третій світ”, світ символів, безпосередньо не співвіднесений з макросвітом, але містить у собі зашифровану сутність обох — першого та другого світів. Але “другий світ”, світ людини (“мырик”), — на відміну від першого, макросвіту, — безпосередньо співвіднесений зі “світом символічним”, тому людина може й повинна сприйняти та дешифрувати таємний зміст “світу символів”. Саме за допомогою осмислення, дешифрування змісту “третього світу” людина здатна пізнати як макросвіт, так і саму себе, свій світ, свою власну сутність. Слід підкреслити, що таке пізнання перш за все полягає у розумінні співвідношення двох натур як на рівні першого, так і другого світів (4).

Саме розуміння співвідношення вічного та минаючого є головним змістом філософського містечтва життя, внутрішньої метою якого є, за Сковородою, народження “нової людини” через вихід її за свої власні межі, через самоудосконалюючі духовні мандри. Але людські самоудосконалюючі зусилля, як вважає “український Сократ”, не мають бути самозапереченням, насильством над собою. Відомо, що Л.Толстой, який уважно сприйняв вчення та саму особистість Сковороди, серед багатьох висловлювань останнього особливо любив одне: “Благодарение всеблаженному Богу, что нужное сделал негрудным, а трудное — ненужным”. Цей славетний афоризм українського мислителя, як підкреслюють дослідники, був одним з найвиразніших резюме основного змісту його теорії “сродного делания” — “сродного труда”, яка була реалізована, відбулася у самому житті Сковороди. Заперечуючи всі форми насильства над людиною, він стверджує необхідність перемоги й над духом порожнечі, нудьги, лінощів. Саме необхідним елементом дешифрування символічних таємниць “третього світу” та самовдосконалення

на цій основі є досягнення стану “веселія сердечного”, стану свята, стану “куража”, гри, — “...як поміркованого, перманентного екстазу, який містить чуття вічного...” (5). Таким чином, вчення українського філософа про “три світи” було, як ми бачили, тісно пов’язане з його **етично мотивованою теорією пізнання**, з його концепцією людини у цілому, — концепцією, яка має на меті навчити кожну конкретну людину бути щасливою в цьому світі...

Звертаючись до ідей одного з найвизначніших філософів ХХ ст. Карла Поппера, не можна не зацікавитись його вченням про “три світи” як принциповою складовою частиною його філософії культури. Значущість цієї проблематики для мислителя відображена, зокрема, в тому, що він повертається до неї принаймі двічі — у свій доповіді на III Міжнародному науковому конгресі — м.Амстердам, IX 1957 р. та в доповіді на XIV Міжнародному філософському конгресі — м. Відень, IX 1968 р. Зацікавившись вченням К.Поппера про “три світи” — досить, треба сказати, якимось несучасним, дещо навіть архаїчним, — не можна не повернутись думкою знову до Григорія Сковороди... При тому, оскільки нам відомо, досі в науковій літературі немає свідчень про обізнаність англійського філософа відносно Сковороди та його творів. Таким чином, можна вважати, що в даному випадку ми маємо справу з явищем паралелізму.

Отже, вчення К.Поппера про “три світи” перш за все спирається на **плюралістичну традицію** в західній філософії. А для нього, як указує мислитель, це — Платон, стоїки, Лейбніц, Больцано, Фреге та ін. (6). Аналізуючи зміст цієї традиції, Поппер вважає, що можна розрізнати наступні онтологічні категорії: 1. фізичний світ, або світ фізичних станів (states): атоми, поля, сили чи “тверді матеріальні тіла” та ін.;

2) ментальний світ, або світ ментальних станів (states), психічних, суб’єктивних станів свідомості, диспозицій та ін.;

3) світ ідей в об’єктивному розумінні, світ можливих об’єктів мислення, світ intelligibilia як об’єктивного змісту людського мислення; це теорії, гіпотези, проекти, матеріалізовані у вигляді машин, скульптур, книг, що лежать у бібліотеках, які, можливо, ніхто ніколи не буде читати, а також можливі майбутні висновки з наявних вже теорій. (7). Як підкреслює філософ, “третій світ” включає в себе весь досвід людського пізнання — і вдалого, і невдалого рішення проблем — досвід помилок у тому числі.

Теорія “третього світу”, за Поппером, — “світу ідеального” — має виразну антипсихологічну направленість, це “епістемологія без суб’єкта, що пізнає”. Разом з цим цей світ, його елементи мають подвійну природу — вони одночасно і продукт персональної людської активності, і надперсональні за своїм змістом феномени. (8).

Уточнюючи своє бачення об’єктів “третього світу”, філософ зверта-

ється до стоїків, зокрема, до їх досвіду розвинення платонівського вчення про ейдоси, які саме й конституують, за Платоном, своєрідний “третій світ” — sui generis. Зокрема, Поппер звертає увагу на теорію мови стоїків, яка, на його думку, досить вдало виражає сутність платонівської концепції “трьох світів” і одночасно є деяким, як вважає Поппер, досить значним її розвитком. За стоїками, підкреслює англійський філософ, людська мова належить до всіх “трьох світів”: те, що в феномені мови складає фізичні дії, належить “першому світові”. Те, що в змісті мови виражає суб’єктивний, психологічний стан людини, належить “другому світові”. В тій мірі, в якій мова містить інформацію відносно змісту тих чи інших теорій, об’єктивного логічного змісту тверджень, вона належить до “третього світу”. Поппер вважає особливо значним те, що стоїки в чомусь розширили межі “третього світу” порівняно з точкою зору Платона. Вони включили туди такі духовні феномени, як проблеми, засоби аргументації, навіть команди, перестереження (admonitions), молитви (prayers), звернення та наррації (9). У чомусь наслідуючи ідеям стоїків, Поппер вважає, що вони досить вдало розмежовують об’єктивний логічний зміст того, що ми говоримо, від об’єктів, про які ми говоримо. Перше, тобто зміст того, що говориться, належить “третьому світові”. А друге, тобто об’єкти, про які говориться, — може належати всім “трьом світам”. Він погоджується зі стоїками і в тому, як вони розуміють відношення автономного існування “третього світу”, його незалежності від людської діяльності, — до самої цієї людської діяльності, яка фактично створює цей “третій світ”. Тут знов є порівняння з мовною теорією стоїків: мова є результатом людської творчої діяльності, але вона незалежна, автономна і активно впливає на створення та функціонування світу людини. Тому, підкреслює Поппер, можна в чомусь погодитись і з уявленням стоїків про співвідношення всіх “трьох світів”. Він теж вважає, що “перший” та “другий” світи пов’язані між собою і здатні взаємодіяти. Також пов’язані та взаємодіють “другий” та “третій” світи. Але, вважає Поппер слідом за стоїками, “третій світ” не може безпосередньо взаємодіяти з першим світом. Тому, за думкою філософа, другий світ, тобто світ людини, світ її суб’єктивності виступає як посередник (mediator), що спілкується із “третім світом”, пов’язуючи його з “першим”, “фізичним” світом. (10).

Таким чином, навіть дуже поверхове зіставлення концепцій “трьох світів” українського мислителя ХVIII ст. та англійського, який жив у ХХ ст., виявляють вражаючу їх спільність. Безумовно, можна виявити й значні розбіжності між ними, у першу чергу пов’язані зі специфікою “філософії серця” Григорія Сковороди, яка суттєво відрізняється від раціоналістично-теоретичної, систематизованої, орієнтованої переважно на гносеологічну проблематику концепції Поппера. Крім того, останній дав дуже своєрідний варіант так званого ситуаційного підходу. (11). За

відсутністю місця ми не можемо зупинитися тут на цих питаннях. Але щодо пояснення причин спільності, то треба перш за все підкреслити наявність спільних витоків, ідейно-теоретичних джерел: адже відомо, що Сковорода, як і Поппер, серйозно цікавився ідеями стоїків. (12). Разом із цим треба відзначити, що сама постановка питання про наявність спільних ідейних коренів при вивченні явищ типологічного паралелізму має в проблемному плані занадто, так би мовити, конкретизуючий характер. Тобто це означає, що ми “знижуємо” проблему типології як таку до рівня окремих її персонально-особових випадків, застосовуючи не стільки філософсько-культурологічний, скільки історико-культурний аналіз. У зв'язку з цим — декілька зауважень відносно самого принципу детерміністичного підходу, який майже виключно, наскільки нам відомо, застосовується при дослідженні аналогічних проблем. Здається доцільним скористатися в даному контексті самою методологією теорії “трьох світів”. У зв'язку з цим можна припустити, що, розглядаючи проблему в конкретному історико-біографічному варіанті, ми маємо справу з явищем “другого світу”, до інтерпретації якого можливе застосування детерміністичного способу пояснення. Щодо рівня філософсько-культурологічного, загального змісту проблеми типологічних паралелей, то умовно кажучи, ми тут маємо справу з явищем “третього світу”. Можна припустити, що в даному плані ці явища можуть інтерпретуватись як прояви дії механізму саморегуляції загально-культурного процесу, своєрідного його самонастроєння. Але тоді — чи не точніше буде говорити не про детермінізм, а про телеологічний спосіб інтерпретації? Можна припустити, що телеологічне пояснення — це спосіб бачення явищ “третього світу” з точки зору рівня явищ “другого світу”... Але в цілому типологічні паралелі в історії духовної культури є виразним символом її загальнолюдської єдності і разом із цим — національно-історичної специфіки. І чи не є вони, ці явища, одночасно і деяким таємничим закликком до всіх нас, таких різних і таких схожих, — закликком саме до єдності?

Література

1. Див., наприклад, — Філософія Григорія Сковороди. К. 1972 р.; Г.Сковорода. Дослідження, розвідки, матеріали. К. 1992 р.; Ушаков Л.В., Марченко О.М. Нариси з філософії Гр. Сковороди. Харків. 1993 р.; Спадщина Григорія Сковороди і сучасність. Львів. 1996 р. та ін.
2. Сковорода Г.С. Твори в 2 томах. — Т II. К. 1961 р.— С.130-131.
3. Там само, с.139.
4. Там само, с.139-141.
5. Романець В.А. Ідея самопізнання і смислу людського життя у творчості Г.Сковороди. //Сковорода Гр. Дослідження, розвідки, матеріали. К. 1992 р. — С.14.

6. Popper K. On the Theory of objective mind. //Akten des XIV Internationalen Kongressen für Philosophie. — Wien. 1968. — s. 25
7. ibid. — s. 25-26
8. ibid. — s. 28
9. ibid. — s. 26
10. ibid. — s. 36-40
11. Див. Голубович І.В. Філософсько-методологічні проблеми ситуаційного підходу та його застосування в сучасних гуманітарних дослідженнях. Автореферат на здобуття наукового ступеня канд. філос. наук. Одеса. 1971 р.
12. Філософія Григорія Сковороди. К. 1972 р. — С.179-180

СЕРБСКИЙ СТАРОПЕЧАТНИК БОЖИДАР ВУКОВИЧ В СВЕТЕ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Предраг Миодраг (Белград)

Одной из центральных личностей, фигурирующих в истории сербского книгопечатания, был Божидар Вукович, черногорский эмигрант, живший в Италии, в городе Венеции.

Роль и значение Божидара для книгопечатания на сербскославянском языке лучше всего показывает следующий пример: из сорока книг, вышедших в сербских старых типографиях, из типографии Божидара Вуковича только при его жизни вышло в свет девять изданий разных книг.¹ И этого достаточно для того, чтобы понять, почему имя Божидара Вуковича привлекало к себе особое внимание ученых многих стран на протяжении нескольких веков.

Личность и деятельность Божидара Вуковича привлекает к себе наше внимание и по другой причине: благодаря его стараниям в 1519 году в Венеции был напечатан первый сербский Служебник. Этот Editio princeps, вышедший на сербскославянском языке, на семь лет опередил подобное греческое издание Служебника 1526 года, а издание первого печатного Служебника на рускославянском языке, напечатанного в Москве в 1602 году, — на целых 80 лет.

Несмотря на столь огромное значение Божидара в истории сербского богослужения и культуры, многие сведения о жизни и деятельности этого первопечатника стали известны лишь после исследований современных сербских ученых Деяна Медаковича, Сретена Петковича и Аника Скворан, а в последнее время Лазаря Чурчича и Митра Пешикана.

Раньше о Божидаре знали на основании тех данных, которые он сам оставил в предисловиях и послесловиях к своим изданиям. Из них видно, что он покинул свою страну и переехал в Италию, опасаясь турецкого преследования. Он болезненно переносил события, происходящие на Родине, и подтверждал свое правоверие.

О причинах, побудивших его заняться печатным делом, Божидар пишет в Молитвослове: "...видѣхъ сътавляющѣхъ вожьственаа писанѣа на типарехъ Фроуги же и Грькы и инѣе езъкы, желанѣемъ възделехъ и наша сръвская же и болгарская такжеже на типарехъ съставити..."²

Забываясь о своем страждущем отечестве, Божидар задумал перевести типографию в Черногорию прежде своей смерти, о чем читаем в предисловии к его Минее 1538 года: "...мыслимъ сѣе типарѣ да изнесемъ въ свокъ ѿчъство, еда кого Богъ изволи и по моги сьмръти да се потроуди

заради вожьственихъ цръквахъ, да испльни колико воудѣ вола Божѣа недостатъчство светѣхъ книгъ, кже есть оумалкннокъ инновѣрными езъци..."³

После новейших открытий о Божидаре его личность вырисовывается полнее.

Когда Черногория попала под турецкое иго, Божидар Вукович, подобно Георгию Црноевичу, переправляется в Венецию. Здесь он основывает в 1519 году типографию, которая после его смерти в 1539 году переходит в руки его сына Винченцо и с небольшими перерывами существует до 1597 года.

Завещания Божидара Вуковича, которые обнаружил Йорйо Тадич в Венеции в 1956 году,⁴ пролили еще больше света на личность этого замечательнейшего человека в истории книгопечатания у сербов.

Воевода Божидар Вукович — Dionisio della Vecchia — как по-итальянски называется Божидар, был gastald, т.е. председатель греческого братства святого Георгия в Венеции. Это является свидетельством большого уважения, которым он пользовался среди образованных венецианских греков.

Среди икон греческой церкви святого Георгия в Венеции исследователь Сретен Петкович обнаружил большинство образцов, которыми были проиллюстрированы книги, напечатанные Божидаром в Венеции.⁵

Божидару принадлежал и один экземпляр Эклоги Марка Мусуруса, известного критского филолога, вследствие чего Аника Скворан делает вывод о его высокой образованности.⁶

Кроме книгопечатания, Божидар занимался еще торговлей и дипломатией, был владельцем корабля. От короля Карла V получил почетное звание дворянина и соответствующий герб. На печатное дело Божидара Вуковича оказал влияние известный книгопечатник грек Алдо Манусу, который в XV веке печатал в Венеции сочинения Платона и Эразма Роттердамского.⁷

О личности и деятельности книгопечатника Божидара Вуковича известно столь много, что "о нем можно ожидать только законченную монографию". Так о Божидаре высказывался Лазарь Чурчич, один из лучших сербских знатоков старого сербского книгопечатания. Подобная монография — *Пет векова српског штампарства* — появилась в 1994 году, по случаю пятисотлетия книгопечатания у сербов.⁸

В свете этих новых изданий личность Божидара Вуковича предстает перед нами ясней и помогает нам понять историю культуры и борьбу сербского народа за сохранение своей самобытности и православия. В то же время результаты, к которым пришли исследователи книгопечатания у сербов, выявляют литературные и духовные связи между православными славянскими народами в ту пору, о которой речь идет, особенно трудную для балканских славян.

Эти связи, конечно, шли в обоих направлениях. В науке известно,

что Иван Федоров и другие русские неизвестные первопечатники были знакомы с печатными изданиями именно Божидара Вуковича и его сына Винченцо.⁹ С другой стороны, книги того же старопечатника, *Учительные Евангелие и Острожская библия*, после его переселения во Львов и Острог, в северозападной части Украины, были присланы в Сербию. Библия Ивана Федорова, по словам Лазаря Чурчица, была первым полным текстом Священного писания ветхого и нового заветов у сербов. Русскославянский язык этих книг "сильно повлиял на сербскую языковую культуру и, становясь стандартом сербской церкви, повлиял не только на сербскославянский, но опосредованно и на современный вуковский сербский язык".¹⁰

Первопечатные сербские книги повлияли на подобные издания в Румынии, России и даже Болгарии. Во-первых, это влияние сказалось во внешнем оформлении книг. Так, например, известно, что "одним из наиболее вероятных конкретных источников русского первопечатного послесловия послужило послесловие к "Молитвослову" черногорского эмигранта Божидара Вуковича в Венеции".¹¹

Русские старопечатные книги XVI-XVII вв. заимствуют некоторые орнаменты из изданий Божидара Вуковича.¹²

Выдающийся белорусский старопечатник Франциск или Георгий Скорина, как известно, для печатания Псалтыри в Вильнюсе в 1522 году использовал подобное издание Божидара Вуковича 1519/20 года в Венеции. По свидетельству чешского слависта Йозефа Добровского, Ф.Скорина оказался среди лиц, направленных королем Сигизмундом I в Венецию, в которой он мог раздобыть славянские наборные знаки. "Применяемые им буквы действительно напоминают не русско-славянскую печать, а скорее ту, которой печатали в Венеции свои книги сербы в XVI веке".

Интересно также, что заставки с монограммой Божидара БОЖ являются и в русскославянских изданиях (в Вильнюсе в 1583), а также и в румынском книгопечатании (в Брашове в 1588).¹³

Далее известно, что типография Божидара и Теодора Любавичей, которая тоже была открыта в Венеции в 1519 году, некоторое время работала в Горажде (Босния и Герцеговина), а потом была перенесена в Валахию в город Трговиште. В печатании Требника-молитвенника в 1543 г., первой книги в этой типографии, принял участие сербский иеромонах Феодосий Дечанац.¹⁴ Первым печатником в этой типографии, как полагают сербские исследователи, был тот же Макарий из Черногории, который положил начало книгопечатанию у сербов в Цетинье в 1494 году. Воздействие типографии Божидара Вуковича сказалось при перепечатке его праздничной минеи (печатал ее Коресий в 1580 году), а при возвращении книги из типографии в Трговиште было оказано влияние на сербские типографии в Руйно, Белграде и Мркшиной церкви.¹⁵

Влияние сербского книгопечатания сказалось и при издании первопечатной болгарской книги *Абагар*, напечатанной в Риме в 1651 году. Составители его взяли за образец *Сербский Абагар* и подражали его содержанию и оформлению.¹⁶

Что касается влияния сербских печатных изданий на болгар, то это становится яснее, если принять во внимание факт зависимости этой Церкви от греческих епископов, "в то время, как Сербская Церковь сохраняется от греческой доминации, особенно же после восстановления Печской патриархии в 1557 году, что обеспечило широкую и более систематическую деятельность в области славянской письменности и славянской Церкви".¹⁷

Особенности первопечатной книги Божидара Вуковича

Книгопечатание появилось у сербов в ту пору, когда в соседней Италии начался подъем в искусстве книгопечатания. Старопечатные книги, как это давно заметил Любомир Стоянович, почти ни чем не отличались от рукописей.¹⁸ Первопечатная книга, как и рукописная, не имела титульного листа; листы не были пронумерованы, нумеровались только тетради. Шрифты первопечатных книг изготовлялись по образцам рукописных книг.

Лучшим свидетельством влияния рукописной традиции на печатную является следующий факт: инициалы и все другие декоративные элементы украшались иногда вручную по выходе книги из печати.¹⁹ Это воздействие рукописной традиции на печатную продолжалось до XVII века, когда печатная книга стала влиять на рукописную; в это время старые сербские типографии уже прекратили свое существование.

Издания Божидара Вуковича были оформлены тоже в стиле рукописной книги. Божидар печатал много и поднял сербское книгопечатание на более высокий уровень. Он первый ввел у сербов формат книги величины 16°, а также успешно решил трудную технику печатания на пергаменте.²⁰

Служебник Божидара Вуковича

В стиле рукописей оформлен и Служебник Божидара Вуковича.²¹ Две заставки — мотив взаимосвязанных кругов был известен в т.н. моравской школе. Их встречаем в сербо-болгарских рукописях XIII века, в Псалтыри из собрания ЮАЗУ (теперь ХАЗУ) в Загребе и в Четвероевангелии из собрания П.А.Сырку в Санкт-Петербурге.

Второй мотив — пять взаимосвязанных кругов, а также инициалы в Служебнике Божидара Вуковича, тоже рукописного происхождения.²² Иллюстрации Божидаровой типографии отражают дух православной афонской иконографии, тогда как "элементы Ренессанса только в некоторых местах присутствуют в его изданиях".²³

В афонском, скорее всего, хиландарском происхождении подлинника, с которого Божидар печатал свой венецианский Служебник, мы убедились путем сличения старопечатного с рукописными служебниками. Так как эта проблематика собственно не является темой данного доклада, достаточно указать на святую Афонскую гору как на неисчерпаемый источник культурных, духовных и книжных связей славянских народов, особенно в средневековье.

Служебник Божидача Вуковича, помимо Псалтыри, Октоиха и праздничной Минеи, был исключительно важной для богослужения книгой. И не только для сербов. Этот общеславянский *editio princeps* играл очень важную роль в стандартизации печатного служебника у других славянских народов. Служебник печатался несколько раз: в 1519/20 гг., 1554 г., в 1570 г. и в 1580 году. Издание Винченцо Вуковича 1544 г., повторяющее издание его отца, имело несколько выходов, что давно заметил А.А.Дмитриевский, затем И. Каратаев и, наконец, сербские исследователи.²⁴

Воздействие Божидарова Служебника на развитие русского старопечатного Служебника сказалось, в первую очередь, в несущественной части литургии — во внешнем оформлении, а затем оно идет значительно дальше. Об этом пишет Алексей Афанасьевич Дмитриевский: «История Служебника из Венеции прямо переносится на Юго-запад России — Стратин и Киев и здесь, задолго до патриарха Никона, громко заявляет о себе, подготавливая благоприятный путь в Москву».²⁵

Служебник, напечатанный в Вильнюсе в 1583 году, по благословению киевского митрополита Онисифора, явно повторяет особенности венецианского издания.^{25а}

Сербский Служебник занимает важное место и в более существенных местах и вопросах литургии, он оказывает влияние на московский Служебник времени патриарха Никона. «На соборе 1654 года, продолжает А.А.Дмитриевский, — рядом с патриархом антиохийским Макарием сидел Гавриил патриарх сербский (ссылка на Московский Служебник 1655 года) и принимал живое участие в обсуждении вопроса о недостатках прежнего времени и об источниках или образцах для готовившегося к выходу в свет Служебника. К этому, так называемому «патриарху» Гавриилу, московские справщики нередко прибегали за разрешением своих недоумений при исправлении Служебника, и следы своих «вопрошаний» они оставили в корректурных или «ковичных» книгах Московского печатного двора. «В греческом сего несть», «в сербском есть»...»²⁶ Дальнейшая судьба Служебника является предметом наших исследований, которые стоят в стороне от темы данного сообщения.

В заключение о книгопечатании у сербов скажем только следующее: сербские старопечатники XV–XVIII веков, несомненно, внесли

очень большой вклад в развитие печатной книги у сербов и у других православных народов.

Сербская старопечатная книга является лучшим свидетельством художественного мастерства отечественных первопечатников, которые не на много отставали от западных — итальянских печатников времени Возрождения, когда в одной только Италии было свыше семидесяти типографий.

Примечания

1. См.: Борђић П. Историја српске ћирилице, Београд, 1971. С.188-189.
2. Стојановић Љ. Стари српски записи и натписи, Београд, 1902, кн.І, с.139-141; Дёмин А.С. Русские старопечатные послесловия второй половины XVI в. //Русская старопечатная литература XVI — первая четверть XVIII. Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С.57-58.
3. Стојановић Љ. Там же, 494, с. 159-160; Сковрэн А. Војвода Божидар Вуковић — Dionisio della Vechia — гасталд Братства св. Ђорђа грчког у Венецији //Зограф, 7, Београд, 1977. С.78.
4. Тадић Ј. Тестаменти Божидача Вуковића, српског штампара XVI века. //Зборник Филозофског факултета VII — I, Београд, 1963. С.337-360; Сковрэн А. Там же, с.78; Чурчић Ј. Два лепа и крупна прилога познавању српског венецијанског штампара Божидача Вуковића. //Библиотекар. Београд, година 29, вып. 6, с.426-427.
5. Петковић С. Порекло илустрација у штампаним књигама Божидача Вуковића. //Зборник Матице српске за ликовне уметности 12, Нови Сад, 1976. С.121-152.
6. Сковрэн А. Војвода Божидар Вуковић, с.82.
7. Там же.
8. Чурчић Ј. Два лепа и крупна прилога..., с.426-427; Его же. Видови и огрнци раног славенског штампарства. //Пет векова српског штампарства 1494-1994, Београд 1994. С.9-12.
9. Там же, с.16.
10. Там же, с.17.
11. Дёмин А.С. Русские старопечатные послесловия..., с.57-58.
12. Об этом писали: Сидоров А.А. История оформления русской книги; Тихомиров М.Н. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. //Славянский сборник, М., 1947; Протасьева Т.Н. Первые издания московской печати. М., 1955.
13. Пешчан М. Лексикон старог српског штампарства. //Пет векова српског штампарства. С.104; Архим. Августин. Франциск Скорина и Пражская Библия //Журнал Московской патриархии. М., 1990, № 11, с.72.

14. *Медаковић Д.* Графика српских штампаних књига XV-XVII века. Београд, 1958. С.45.
15. *Пешикан М.* Там же, с.95; *Трифуновић Ђ.* Стара српска књижевност. Београд, 1995. С.135-136.
 Подробнее об этом см.: *Есух И.* Први српски штампар Макарије у Румунији //Стварање, 1962/4-5, с.348; Пет вјекова Октоиха, прве штампане ћириличке књиге на словенском југу //Радови са међународног научног скупа, Цетиње, 24-25. јун 1996. Подгорица, 1994; *Маринковић Б.* Библиографија о нашем ћирилском штампарству, штампаријама и књигама XV, XVI и XVII столећа. Прва књига "Мних Макарије от Черније Гори" (XV-XVI), Цетиње 1988.
16. *Медаковић Д.* Там же, с.181; *Райков Б.* Към въпроса на "Абагара" в старата българска литература. — БАН //Известия на Института за литература, книга XVIII-XIV. София, 1966. С.279; *Попруженко М.* Абагар (Из истории возрождения болгарского народа) // Известия ОРЯС, т.Х, кн. 4, с.258.
17. *Ивић П.* Српски народ и његов језик. Београд 1980. С.115.
18. Цит. по: *Медаковић Д.* Графика српских штампаних књига..., с.83.
19. Там же, с.63.
20. См. *Гильфердинг А.Ф.* Босния, Герцеговина и старая Сербия. СПб., 1859. С.12. "Есть в Дужах (монастырь в Герцеговине — П.М.) так же великолепный пергаментный с разукрашенными буквами, экземпляр одного из старопечатных изданий сербских, издания, если хорошо помню, Божидарова Октоиха". Минею на пергаменте Божидар подарил монастырю Хиландар на Афоне. Ср.: *Пешикан М.* Лексикон старог српског штампарства, с. 144.
21. Именно этот Служебник мы взяли за эталон при изучении сербских рукописных служебников. Ср: *Миодраг П.* Сербские рукописные Евхологии в собрании ГПБ, ЛДА 1984, приложение I(кандидатская диссертация, машинопись); *Лукьяненко В.* Издания кириллической печати XV-XVII вв. (1494-1688 гг.). Л., 1979; *Пешикан М.* Там же, с.193-195.
22. *Медаковић Д.* Графика..., с.117.
23. Там же, с.142.
24. *Дмитриевский А.А.* Отзыв о сочинении М.И.Орлова: Литургия Святого Василия Великого. Спб., 1911. С.247. "Относительно Служебника 1554 года следует заметить, что экземпляры этого издания по шифру и украшениям — виньеткам и заглавным буквам — отличаются не только от издания 1519 г., но даже и между собою. Очевидно, издание 1554 г. имело несколько выходов". Ср.: *Каратаев И.* Описание славянорусских книг, напечатанных кирилловскими буквами. Т.І. СПб., 1883. С.42-43, 79; *Лукьяненко В.* Издания кириллической печати XV-XVII вв. Л., 1979. С.41-91; 171,172; *Ђорђевић П.*

Историја српске ћирилице. Београд, 1971. С.255-256; *Пешикан М.* Служебник Божидара Вуковића //Лексикон старог српског штампарства. С.195.

Сотрудники Народной библиотеки в Белграде несколько лет тому назад описали рукописные и старопечатные книги, хранящиеся в библиотеке епархии славонской в Пакраце. В этом собрании насчитывается 97 старопечатных книг: 21 Служебник, 4 напечатаны в Венеции в 1519 г., один в Горажде в том же году; все остальные вышли в Венеции в 1554 г. в трех выпусках. — Ср.: *Группа авторов.* Српске рукописне и штампане књиге у Славонији од XVдо XVII века //Каталог. Београд — Пакрац, 1990. С.45-57.

25. *Дмитриевский А.А.* Там же.С.248.

25а. Издание 1583 г. в двух местах повторяет заставку с монограммой Божидара Вуковича — БОЖ. Ср.: *Каратаев И.* Описание славянорусских рукописных книг. Т.І, с 1491 по 1652 г. СПб., 1883. С.221-223; *Медаковић Д.* Старе штампане књиге манастира Хиландара // *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиландара. Београд, 1978. С.288.

26. *Дмитриевский А.А.* Там же. С.246-247.

27. Ср.: *Лукьяненко В.А.* Издания кириллической печати. С.41-91, 171-172; *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980. С.188-189; *Ђорђевић П.* Историја српске ћирилице. Београд, 1971. С.255-256; *Прот. М.И. Орлов.* Литургия Св. Василия Великого. СПб., 1909. С.Х-XI; *Миодраг П.* Сербские Евхологии в собрании ГПБ. ЛДА, 1984. С.46-47, прим.96; *Пешикан М.* Лексикон српскословенског штампарства //Пет вјекова српског штампарства. Београд, 1994. С.136.

КУЛЬТУРНАЯ ОППОЗИЦИЯ “ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ” В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН О ДНЕ И НОЧИ

И.В. Решетникова

Реальная жизнь в архаичном сознании тесным образом связывалась с представлением о свете, солнце, плодородии, здоровье, бодрствовании и т.д. В противовес, смерть ассоциировалась с тьмой, болезнью, сном и т.д. Свойственные сознанию людей контрасты находили выражение и в восприятии природного цикла. Противоположность света и тьмы, тепла и холода, весеннего возрождения и зимнего омертвения, отражаясь в ментальности людей, находила выражение в мифотворчестве.

Обоготворив как благое все связанное с жизнью, плодородием, развитием, человек инстинктивно должен был отступить от всего, что казалось ему помехой для “творящей” жизни. С закатом дневного светила на Западе как бы приостанавливается вечная деятельность природы, ночь охватывает мир, все погружается в сон — знамение смерти. В представлениях славян сложилось убеждение, что мрак и холод, враждебные божествам света и тепла, творятся другой могучей силой — нечистой, злой, разрушительной. Еще в древности возникает дуализм в религиозных верованиях. Все разнообразие естественных жизненных явлений было разделено на две противоположные силы. Так, народные предания свидетельствуют, что у всех славянских племен (позже у западных славян) существовала вера в Белобога и Чернобога.

Несмотря на воззрение о “постоянном жизненном потоке”, т.е. вечном круговом цикле (рождение — расцвет — увядание — смерть — рождение), в дуальном сознании восточных славян устойчиво присутствовало представление о жизни, которое ассоциировалось с силами света, и смерти — с силами тьмы. Оппозиция “Жизнь — Смерть”, отраженная в архаичном сознании, находит свое выражение в культуре и теснейшим образом связана с ощущением времени. Например, в представлениях о Яви — светлой силе, управляющей миром, которая одновременно являет сама этот мир, “белый свет”. Явь — это время настоящее, сущее, идущее, свершающееся. И Нави — олицетворение прошлого, ушедшего минувшего. Выражение: “В нави зрети” означает ожидать смерти. В “Велесовой книге” находим:

“И Свентовиту мы славу рекли,
он ведь восстал богом Прави и Яви!
Песни поем мы ему,
ведь Свентовит — это Свет.

Видели мы через него Белый Свет.
Вы посмотрите — Явь существует!
Нас он от Нави уберегает —
Мы восхваляем Его! [1,36-37]

Поклонение небу и солнцу было одним из самых ранних и наиболее естественных форм религиозного проявления. Восточные славяне, осознав благотворительную силу солнечного круга, влияние на жизненные процессы, поклонялись ему как Высшему Божеству. Многими памятниками и преданиями засвидетельствовано почитание солнца восточными славянами. Кирилл Туровский, прославляя принятие христианства в “Слове в новую неделю по Пасце”, замечает: “Уже бо не нарекутся богом стихия, ни солнце, ни огонь” [2,19]. В украинской песне солнце называется богом: “І к сонечку промовляє: помож, боже, чоловіку!”.

Солнце — божество, ассоциируемое с жизнью, светом, счастьем, плодородием и т.д. Какие же силы противостояли жизни (свету)? Главным олицетворением нечистой силы была Морена (Морана, Марена, Мара, Мора и т.д.). [от санскр. mṛi — умираю] — богиня бесплодной, болезненной дряхлости, увядания жизни и неизбежного конца ее — смерти. Она также соотносится с сезонными ритуалами умирания и воскресения природы. Имя этой богини родственно со словами: мрак (мор — повальная болезнь; мора — тьма; марать, мары — носилки для покойников; мара — призрак, нечистый дух; мерек или мерет — черт; меркоть — ночь, потемки и т.д.) и мороз (мраз). В древних преданиях смерть сравнивается с ночью и зимой.

В мифологии восточных славян с представлением о смерти соотносится Навь. В украинской мифологии от нави происходят мифологические существа — навки, мавки — злые духи (часто смертоносные), русалки. В “Повести временных лет” возникновение эпидемии в Полоцке приписывается мертвецам, скачущим на невидимых конях по улицам: “навье бьют полочаны”.

Итак, в культурном мифологическом сознании славянских народов имела место фундаментальная оппозиция “Жизнь — Смерть”. Она представлена двумя противоположными силами, олицетворяющими божества жизни и смерти, света и тьмы “...сражаются тут Чернобог с Белбогом и Сваргу поддерживают...” [1,36]. Эти силы непримиримы, они пребывают в вечной нескончаемой борьбе за власть над миром. В частности, к ним относились День и Ночь, которые представлялись первоначально высшими, бессмертными существами. День — верховным божеством света — солнцем, Ночь — божеством мрака.

Фольклорные и этнографические материалы свидетельствуют о том, что восточные славяне время измеряли объективными ритмами при-

роды, связанными с суточным и годовым вращением земли. День и ночь были первыми представлениями о времени.

В мировоззрении восточных славян день и ночь воспринимались в некоем единстве. В мифологическом сознании они представлялись, например, братом и сестрой. В народной загадке, приводимой А.Н.Афанасьевым, “день и ночь” представляются так: “Сестра к брату в гости идет, а брат от сестры пятится” (или: “в лес прячется”). В загадке, означающей “год”: “Я стар, от меня родилось двенадцать сыновей (месяцы), у каждого из них по тридцати сыновей красных, по тридцати дочерей черных (дни и ночи)”.

Несмотря на единство или родство, в которое ставит архаичная фантазия День и Ночь, они в преданиях, так же как и в природе, оппозиционны. Народная загадка называет их раздорниками: “Двое стоячих (небо и земля), двое ходячих (солнце и месяц), да два здорника (день и ночь)”. Или в загадке, занесенной в старинную рукопись, показана враждебность Дня и Ночи: “Кои два супостата препираются?”. У словаков есть предание, в котором в поэтической форме рассказывается о том, что когда Солнце готово выйти из своих чертогов, чтобы совершить дневную прогулку по белому свету, собирается нечистая сила, чтобы захватить божество дня и умертвить его. Но при приближении Солнца она разбегается, чувствуя свое бессилие. Каждый день повторяется борьба, и каждый раз побеждает солнечное божество.

В восточнославянском культурном сознании — солнце источник жизни, пока оно живо, до тех пор живет все на свете. В заключенном князем Игорем с греками вечном мирном договоре есть выражение “дондеже сияет солнце и весь мир стоит” [3,387], указывающее на зависимость бытия мира от сияния солнца. Смерть земного существа, по наблюдениям А.А.Потебни, возможна только с заходом солнца. Так змея, говорит народ, убитая утром, продолжает двигаться до вечера; **косари**, то есть оторванные ноги длинноногого паука, косят до захода солнца. Во многих волошских деревнях никого не хоронят до полдня, потому что родные умершего хотят направить его душу к ее цели вместе с отходящим на покой солнцем. Они боятся, что душа покойника, похороненного в то время, когда солнце еще идет вверх, заблудится и станет жертвой какого-нибудь рыщущего вампира. [4,405]. Л.Н.Виноградова обращает внимание на то, что ритуально значимым представляются свидетельства о том, что участники обряда колядования ходили только ночью и с рассветом обход непременно должен был прекратиться, что дети и девушки не принимали участия в обходе. Становятся понятными эти ограничения, если ватагу колядующих соотносить с “пришельцами из далека”, а именно душами умерших предков. Естественное время проявления их в мире живых — ночь. Дети и девушки в любой культуре считались наиболее уязвимыми членами социума, и

дабы не рисковать, им запрещалось принимать участие в колядовании в ночное время — для них существовал день.

День считался символом жизни. Все праведные дела совершались днем. Ночь же прообраз смерти. Все зло, что сопровождает человеческую жизнь, рождается и правит ночью. Ночью нечисть устраивает оргии. Считалось, что раз в год ведьмы слетались ночью со всего света на шабаш на Лысую гору в Киеве. Ночь — излюбленная пора для русалок, мавок и т.д. Ю.Миролюбов приводит рассказ “старых людей” об Ёрке — ночном привидении: “Ночью — его воля. Ночью он ходит по всем дорогам, бегаёт, где бы кого встретить, тепла его живого напиток, чтобы дожить недожитое. Оборвал ведь жизнь, а дожить ее должен... Ёрка огня боится, огонь его прогоняет, потому что в огне овца!... Особенно он привязчив на Ивана Купалу”. Приставание Ёрки — угроза Смерти. [5,42].

По славянскому поверью, собирать лечебные травы, черпать целебную воду и произносить заклятия против чар и болезней лучше всего на восходе солнца, на ранней утренней заре, так как с первыми солнечными лучами уничтожается влияние злых духов и рушится всякое колдовство. Известно, что при первом крике петуха, предвещающем утро, нечистая сила сразу исчезает. Напротив, соби́рание волшебных зелий для нанесения порчи людям и животным, совершение магических ритуалов и действий с вызовом злых духов совершаются в полночь.

Для восточных славян имело значение, в какой момент времени появляется ребенок. Если он рождается на утренней заре, при восходе солнца — добрый знак, предвестие счастливой жизни. Напротив, рождение на закате солнца, когда воцаряется на земле нечистая сила мрака, не сулит младенцу ничего хорошего в будущем. Время появления младенца было причиной, по которой определялась доля:

Щасливой годинюньки
Козак уродився,
Ой куди він подумає,
То-й Бог помогає. [3,205].

Оппозиционность дня и ночи распространялась на любую область жизни и деятельности архаичных людей. По голосу кукушки земледельцы гадали о будущем урожае: если птица закукует при восходе солнца и на зеленом дереве, то год будет урожайным, а если на ночь и на голом дереве — будет голод и мор.

Летописи жизни и деяния Иисуса указывают на его причастность к солнечному божеству. “Народный культ солнца смешивается у славян с культом христианского бога в столь значительной степени и так глубоко, как ни один из культов, продолжающих языческую религию”. [6,438]. Исторический Иисус был забыт; почти все примечательные события,

описанные в четырех Евангелиях, скоррелированы с движением небесных тел. Во времена папы Льва I некоторые отцы церкви утверждали, что "считаемое празднеством событие (Рождество) является в меньшей степени почитанием дня рождения Иисуса Христа, нежели почитанием дня рождения солнца". [7,161].

Эпитетом Иисуса Христа, как бы другим его именем, является слово "Спаситель" (старослав. "Спас"). Христианство стремилось побороть представление о ночи как о времени сверхъестественных опасностей, искушений, господства дьявола. Христос родился ночью для того, чтобы принести свет истины тем, кто скитался в ночи заблуждений. "Время борьбы и победы, всякая ночь напоминала о символической ночи Рождества. В "Светильнике" Гонория Августодунского: "В какой час Он (Христос) был рожден? — В полуночный. — Почему в полуночный? — Чтобы нести свет истины тем, кто скитается в ночи заблуждения". Свет дня должен был рассеивать страхи, порожденные ночным мраком. Тем не менее на протяжении всего средневековья ночь оставалась символом зла и греха. Христианская вечеря должна была вселять в души верующих умиротворенность и сознание близости бога, но и черт был опаснее под покровом темноты.

Противоположность дня и ночи — это противоположность жизни и смерти, света и тьмы. В Велесовой книге сказано:

И Числбог наши дни здесь считает. (Имеется в виду в Ирри — И.Р.)

Он говорит свои числа богам,
быть дню Сварожьему, быть ли ночи.

А дни отсекает

поскольку он — явский,
он сам в божьем дне.

В ночи ж никого нет.

лишь бог Дид-Дуб-Сноп наш. [1,37].

А.А. Потебня сводит понятия смерть (несчастье, бедность, болезнь) и сон или дремота с мраком (мерцанием, слабым светом). Закат солнца есть его смерть, отсюда сравнение умирающих людей с заходящим солнцем. Это отображено, например, в плаче Евдокии из "Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича": "Как же ты умер, жизнь моя дорогая, меня одну вдовою оставив!... Как зашел свет очей моих!... Солнце мое, — рано заходиши, месяц мой светлый, — скоро погибаеши, звезда восточная, почто к западу грядеши?... Свете мой светлый, чему помрачился еси?" [8,318]. По сербскому поверью "не следует спать, когда солнце заходит", чтобы вместе с умирающим солнцем не заснуть вечным сном, чтоб солнце не приняло спящего за мертвого и не взяло его с собой. [4,406]. Из приведенного текста Велесовой книги видно, что "Числбог наши дни здесь считает". Принимая во внимание

указания А.А.Потебни о том, что сон рассматривался как смерть, можно предположить, что исчисление жизни велось днями, ночи же относились к смерти или "иной" жизни.

Итак, оппозиция "Жизнь — Смерть" в традиционной культуре восточных славян проявлялась в ощущении времени, отражающего определенные природные циклы. В силу оппозиционности мышления и с представлениями о возрождающейся и умирающей природе, время ассоциировалось с "жизнью" или "смертью", воспринимаясь и отражаясь в культуре диадами: день — ночь, утро — вечер, полдень — полночь и т.д. Все, что связывалось и укладывалось в понятие день, олицетворяло жизнь. Все, что ассоциировалось с ночью, вызывало тревогу, страх, ужас или предчувствие смерти. Природные, дневные и годовые циклы в сознании человека ранней культуры тесно были связаны с солнечным светилом, которое, естественно, обожествлялось и выходило в иерархии пантеона богов на первый план. "Бегом солнечного колеса условливаются день и ночь, лето и зима, жизнь и смерть природы, а следовательно, и людское счастье и несчастье. Возжигаемое поутру, оно катится по небесному своду, вызывая все, вместе с воскрешающим днем, к бытию и деятельности; а вечером, когда оно погасает на западе, земля и ее обитатели повергаются в сон — замирают. С поворотом этого колеса на лето земная жизнь начинает пробуждаться от зимнего оцепенения, а с поворотом на зиму снова подчиняется владычеству Смерти. Возжение и погасание дневного светила, его утреннее или весеннее нарощение и вечерняя или зимняя смерть слились в убеждениях народа с тем жизненным пламенем, какое возжигали и тушили могучие парки. День — эмблема счастья, радости, жизненных благ; ночь — несчастья, печали и смерти." [3,205].

Литература

1. Велесова книга // Наука и религия. №10, -М., 1992.
2. Кирилл Туровский. Слово в новую неделю по Пасце // Памятники российской словесности XII века, -М., 1821.
3. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т.1, Т.3, -М., Современный писатель, 1995.
4. Потебня А.А. Слово и миф. -М., Правда, 1989.
5. Миролюбов Ю. Русский языческий фольклор (очерки быта и нравов). -М., Беловодье, 1995.
6. Moszyn'ski K./ Kultura ludowa słowian. T.2. Kultura duchowa. Cz.1. Warszawa. 1967.
7. Мэнли П. Холл. Энциклопедическое изложение масонской, герметической, каббалистической и розенкрейцеровской символической философии. -Спб.-СПИКС. 1994.
8. Калугин В. Герои русского эпоса (очерки о русском фольклоре). -М., — Современник. 1983.

КОРОТКІ ПОВІДОМЛЕННЯ

“СТАРΟΣЛАВЯНСКІЙ-ОУТОРСКІЙ-РУССКІЙ- НѢМЕЦКІЙ СЛОВАРЬ КЪ СВЯЩЕННОМУ ПИСАНІЮ” ЕМІЛІЯ КУБЕКА

Ярослав Галас (Ужгород)

Емілій Кубек — закарпатський український письменник, лексикограф і культурний діяч, народився 23 листопада 1857 р. в с. Штефурів, Свидницького округу (зараз у Словаччині) в сім'ї священика.

Головною працею Е. Кубека є “Старославянській ... словарь”, виданий 1906 р. в Ужгороді. Це — єдиний чотиримовний словник на Закарпатті і один з небагатьох по всій Україні.

Свою працею Е. Кубек намагався “...дополнити нашъ недостатокъ литературный и такъ совѣмъ особенную послугу сдѣлати св. матери-церкви при читанію письма святого”.

Загалом словник нараховує близько 5500 реєстрових слів і понад 30000 російських відповідників до них (не рахуючи угорських та німецьких).

На жаль, автор не вказує на джерела, якими користувався при створенні своєї праці. Ймовірно, що крім Біблії, на яку в словнику є чимало посилань, він використав і “Лексикон словенороський” Памви Беринди, про що свідчить ряд подібностей при порівнянні реєстру двох словників.

Праця Е.Кубека побудована за алфавітно-гніздовим принципом. Майже до половини реєстрових слів у дужках подаються паралельні, похідні від спільного кореня лексеми, що належать до різних частин мови.

Слоєник Е.Кубека у перекладній частині, крім російських лексем, містить чимало іншомовних слів. Найбільша частина з них — українські літературні, а також місцеві діалектизми, яких нараховується понад 400. Іноді для показу правильності вимови українських слів на місці ѣ (що звучить по-російськи як е) вжито и (що звучить по-російськи і).

У словнику подані як ілюстрації стійкі, вільні словосполучення, фразеологізми та цитати з біблії російською мовою (усього близько 300).

Науковий апарат праці Е.Кубека нараховує 9 ремарок російською мовою.

Однією з особливостей “Старославянського ... словаря” є те, що на відміну від інших словників, виданих на Закарпатті у др. п. XIX — п.п. XX ст., він не брав участі у мовній боротьбі, і, отже, став єдиною політично нейтральною лексикографічною працею краю цього періоду.

ВПЛИВ ПРЕДСТАВНИКІВ ПОЛЬСЬКОГО ТА БОЛГАРСЬКОГО ЕТНОСІВ НА ФОРМУВАННЯ ТОПОНІМІЧНОЇ СИСТЕМИ ОДЕЩИНИ

Г.Ю. Касім (Одеса)

Етнічна строкатість, властива т.зв. "Очаківській землі" між гирлами Дністра й Бугу, приєднаній у 1791 р. до Російської імперії, не могла не позначитися на особливостях нової топонімичної системи, яка почала активно формуватися на цій території з 90х р.р. 18 ст. Надання тут земель полякам — військовикам та чиновникам, а також масове переселення на поч. 19 ст. болгар, які заснували колонії, зумовили виникнення топонімів, пов'язаних саме з цими етнічними групами.

На відміну від болгар, які переселялися великими угрупованнями, представникам польського етносу не властива була компактність проживання на цій території. Втім, у місцеву топонімичну систему входить певна кількість ойконімів, утворених від прізвищ поляків — землевласників та засновників поселень. Деякі з цих топонімів не дійшли до наших днів, витіснені іншими назвами (так, поселення, подане картою 1826 р. як "Бернадовка Потоцькаго", сьогодні іменується с. Чижове). Інші збереглися, як с. Понятовка Роздільнянського р-ну, згадуване в 1815 р.: "Понятовского польских войск полковника Понятовка".

Компактність проживання, властива переселенцям-болгарам, зумовила використання у їх середовищі зовсім інших номінаційних моделей. Звичайно, з'являлися ойконіми, утворені від болгарських антропонімів. Але, крім того, переселення значних угруповань зумовило низку перенесених назв (згадаймо хоча б відоме перенесення з території Болгарії у Херсонську губернію назв сіл Великий Буялик та Малий Буялик), серію ойконімів — вказівок на етнічну приналежність мешканців (карта 1826 р. на досить обмеженій території від басейну Тилігулу до р.Свиної фіксує аж три поселення з назвою "Булгарка", а ще ойконім "Болгарская" та описову назву "хут. болгарских колонистов") і навіть унікальну для гідронімії Одещини за своєю мовною приналежністю назву балки на карті 1826 р. — "Долбока", котра могла виникнути лише в мовленні болгарських переселенців: пор. болг. дълбок "глибокий".

І навіть сучасна топонімична система Одещини, зазнавши у 20 ст. численних перейменувань, що порушували безперервність історичного та культурного розвитку та знищували своєрідність місцевої топонімії, зберегла окремі назви, пов'язані з присутністю на цих землях представників польського та болгарського етносів.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЖЕНСКОГО ИМЕННОКА ПРИДУНАВЬЯ

Е.Ю. Медведева (Измаил)

В современной ономастике традиционным является мнение о том, что женский именник более разнообразен, более пестр, нежели мужской, и, как правило, более открыт для оригинальных, нестандартных номинаций. Наши данные, полученные в ходе антропонимического анкетирования жителей г. Измаила, являются ярким тому подтверждением. Материалами для исследования послужили онимы 2870 девочек, родившихся в г.Измаиле с 1990 по 1995 г.г., для именованя которых родители использовали 146 просопонимов. Анализ именника с учетом степени употребительности антропонимов позволил выделить группы полидесигнатных и монодесигнатных личных имен. Одна из особенностей формирования именника видится в непрерывном взаимодействии обозначенных групп онимов. Более тесная связь установилась между редкими и частыми антропонимами, ибо при определенных условиях (например, низкой концентрации одноименности) отмечен переход просопонимов с небольшим числом имяносителей в группу частых, а иногда и частотных полидесигнатов.

Специфика формирования именника Придунавья, территория которого издавна отличается разнообразнейшим национальным составом, заключается во взаимообогащении исконно украинского, русского, болгарского и молдавского именников. Так, народные болгарские онимы "Рада" и "Снежана" зафиксированы только в молдавских и украинских семьях; в то время как в болгарских семьях новорожденные все чаще получают имена "Валентина", "Елена", "Мария".

Заслуживают внимания отантропонимные дериваты, отмеченные в равной мере среди частых и редких полидесигнатов. Так, оним "Оксана" — украинская разговорная форма имени "Ксения", ставшая документальной, — фиксируется в материалах анкетирования в 2,3 раза чаще, нежели оним "Ксения". Вероятно, подобный факт не является случайным, а напротив, свидетельствует о стремлении к сохранению самобытной национальной культуры, неотъемлемой частью которой является определенный репертуар имен.

РЕЛІГІЯ ТА ОСОБЛИВОСТІ РОЗВИТКУ СЛОВ'ЯНСЬКИХ АНТРОПОНІМНИХ СИСТЕМ

С.М. Медвідь-Паломова (Ужгород)

Теза про те, що особливості віросповідання мають значний вплив на антропонімію народу, є загальновідомою, але сприймається виключно у площині іменного репертуару, яким користується населення. Порівняння списку імен, що вживаються православними слов'янами, католиками або тими, хто схилився до мусульманства, дає цікаві результати. Але такий підхід не дозволяє виявити більш глибоких наслідків впливу церкви на антропонімійну систему.

У східних слов'ян, на відміну від більшості народів Європи, діє трилексемна система офіційного найменування особи. Як вона склалася? Чому навіть споріднені народи користуються дволексемною системою? Відповіді на це запитання не можна однозначно, але ми впевнені, що одна з причин цього явища пов'язана із особливостями прийняття християнства східними слов'янами.

В історичній антропонімії вже зверталася увага (див. С.Роспонд, 1965) на більш високі темпи християнізації східнослов'янського іменника у порівнянні із південно- та західнослов'янським. Причини цього до сих пір здаються загадковими, а його наслідки практично не досліджувалися. А вони, на нашу думку, криються у хвильоподібному поширенні християнства у східних слов'ян. Загальновідома дата офіційного прийняття християнства князем Володимиром майже на століття відстоїть від першої спроби християнізації Київської Русі. Вона була розпочата князем Аскольдом і закінчилася через 20 років перемогою проязичницьких верств Київської держави. Очевидно, невдалий досвід цієї спроби примушував верхівку церкви і суспільства більш жорстко боротися із язичництвом. Це торкнулося також іменника, який протягом кількох століть розшарувався на офіційний та неофіційний. Безмежне багатство споконвічних слов'янських імен було витіснене кількома сотнями християнських. Це призводило до тезоіменництва не тільки на іменному рівні, але й на рівні найбільш вживаної дволексемної антропонімної формули "особове ім'я + патронім". Тому на відміну від своїх західних і південних сусідів східні слов'яни продовжили пошук найбільш прийняттого способу ідентифікації особи, який тривав у вигляді розширення меж іменування за рахунок третього компонента.

ПРИЗВИЩА ПОЛЬСЬКОГО ПОХОДЖЕННЯ В АНТРОПОНІМІЇ ВІННИЧЧИНИ

Л.А. Мельник (Одеса)

Сучасні українські прізвища містять певну кількість утворень, які мають польське чи імовірно польське походження. Серед прізвищ, які були зібрані на території Вінниччини, а саме у селах Немирівського району (Юрківцях та Ситківцях), а також у районному центрі — м.Немирові, виділяється група антропонімів такого походження (112 одиниць).

Оскільки українські й польські прізвища могли утворюватися за словотворчими моделями, продуктивними в обох мовах (прізвища з суфіксами -ськ(ий), -ович), то сама по собі наявність даного форманта у прізвищі не є, звичайно, достатнім аргументом на користь польського походження прізвища. Підставами вважати конкретні прізвища утвореннями польського походження є: 1. лінгвістичний аналіз твірних основ прізвищ, що однозначно виводяться саме з польської мови; 2. позамова інформація про функціонування цих прізвищ у етнічних поляків (Wielka encyklopedia powszechna (12 t.). — Warszawa:Naukowe, 1962-1969. — Т.1-12).

Показниками польського походження твірних основ прізвищ можуть бути: 1. функціонування лексеми-джерела прізвища в польському середовищі; 2. виразні фонетичні особливості, що незаперечно свідчать про польське джерело. Прикладами першого типу є такі прізвища, як **Солтис** ← пол. *sołtys* "сільський староста" (в українську мову лексема солтис прийшла з польської мови та функціонувала на західних землях), **Захарашевський** ← пол. ім'я *Zachariasz*, **Ольшевський** ← пол. *olszowy* "вільховий" та інші. До цього ж типу відносимо прізвища, пов'язувані нами з низкою топонімів на території Польщі (прізвища **Куровський** ← с. Куров у Люблінському воєводстві, **Мирський** ← м. Мирськ у Вроцлавському воєводстві). Прізвища, фонетичні особливості яких вказують на польське походження, — випадки другого типу: наприклад, прізвища, похідні від польських слів із носовими голосними фонемами: **Домбровський** ← пол. *dobrowa* "дїброва, дубняк", **Глембоцький** ← пол. *głęboki* "глибокий"; з ó: **Врублевський** ← пол. *wróbli* "горобиний", **Підгурський** ← пол. *góra* "гора"; з польським рефлексом давнього ʃ: **Мялковський** ← пол. *miąłki* "мілкий" та інші.

Близкість мов та інші особливості ускладнюють розмежування польських та українських прізвищ, проте функціональна, фонетична і лексична маркованість деяких із них дозволяє однозначно визначити значну частину їх як суто польські за походженням.

СЛОВ'ЯНОЗНАВЧІ ДОСЛІДЖЕННЯ В МИКОЛАЇВСЬКІЙ ФІЛІЇ КИЇВСЬКОГО СЛОВ'ЯНСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

О.М. Полухіна, В.А. Скороходов (Миколаїв)

В організаційному плані проблеми вивчення Кирило-Мефодіївської спадщини пов'язані, зокрема, з відповідною інституалізацією науково-інтелектуального потенціалу. В контексті глибинних соціально-політичних трансформацій українського суспільства відбувається становлення нових — недержавних — науково-освітніх структур. Два роки тому, зокрема, в Миколаєві було засновано філію Київського Слов'янського Університету, як одного з провідних в Україні, до того ж — громадського центру, що здійснює комплексне вивчення проблем слов'янського світу, його історії, економіки, політики та культури. В своїй діяльності філія спирається на закладену першовчителями слов'ян Кирилом та Мефодієм традицію культуротворення та просвітництва на слов'янському ґрунті.

Визначилися основні напрямки наукових досліджень. Серед них: методологія вивчення процесів і явищ духовної культури; специфіка української культури та її місце серед інших слов'янських культур; міфологічні архетипи слов'янського духовного світу, культурно-ідеологічні змагання в слов'янському світі на різних етапах його розвитку, історія слов'янських літературних мов; взаємодія культурних традицій українства та елінізму, українства та іудаїзму; традиції та тенденції сучасного розвитку слов'янського шкільництва; слов'янська культурна спадщина в полікультурному просторі Півдня України.

З ініціативи МФ КСУ в Миколаєві започатковані щорічні історико-культурологічні слов'янознавчі читання. Відчуваємо нагальну потребу створення відповідного фахового часопису, покращення обміну інформацією в галузі слов'янознавчих досліджень, принаймні на регіональному рівні, консолідації сил для розробки сучасних концептуальних засад слов'янознавства як комплексної інтегративної дисципліни. Особливу увагу приділятимемо балканістиці в різних її аспектах. Готуємося до проведення україно-болгарської педагогічної конференції "Інтеграція освіти".

СПІВВІДНОШЕННЯ СХІДНО- І ЗАХІДНОСЛОВ'ЯНСЬКИХ ЕЛЕМЕНТІВ У БОТАНІЧНІЙ І ЗООЛОГІЧНІЙ НОМЕНКЛАТУРІ БАЧВАНСЬКИХ РУСНАКІВ

Оксана Тимко (Нові Сад)

Прабатьківщина бачванських руснаків — Горниця, західна частина Східних Карпат. На цій території формувалася система їхнього говору. Сьогодні це територія, на якій розміщені західноукраїнські, східнослов'янські та малопольські говори, тобто стик східно- і західнослов'янських мов. Усе це стало базою для говору бачванців, хоча вони сьогодні вже 250 років живуть у південнослов'янському мовному середовищі, по сусідству з угорською мовою.

Три чвертини вживаної нині ботанічної та зоологічної номенклатури у говорі бачванських руснаків (загальна кількість номенів перевищує 800 одиниць) принесено ними до Бачки (Сербія) з Горниці.

При аналізі номенклатури враховуємо і фонетичні, і морфологічні, і словотворчі, і ареальні ознаки назв. Кількісне співвідношення українських та словацьких номенів за всіма ознаками майже однакове. Серед них переважають, передусім, західноукраїнські та східнославацькі діалектизми. Полонізмів значно менше.

Навіть 60% усіх запозичень, тобто всі номени, крім сербізмів, уживаних нині у говорі бачванських руснаків, відомі й у західноукраїнських та східнославацьких говорах.

Відсоток ботанічних і зоологічних номенів, що зберігають східно- або західнослов'янські ознаки, різний у різних семантичних групах аналізованої нами номенклатури.

Міністерство освіти України
Одеський державний університет ім. І. І. Мечникова
філологічний факультет

СЛОВ'ЯНСЬКИЙ ЗБІРНИК

Випуск III

Технічний редактор *О. В. Андреев*
Коректор *О. О. Кон*

Здано до складання 10.11.97. Підписано до друку 19.12.97. Папір офсетний.
Гарнітура Журнальна. Друк офсетний. Ум. друк. арк 10.
Наклад 300 прим. Зам. № 42.

Надруковано в видавництві "Астропринт"
270058, Одеса, Французький б-р, 24/26.
Тел. 26-98-82, 68-77-33.